

Н8550

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ

Сборник документов

Москва — 2002

Н83 50

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ

Сборник документов

Москва — 2002

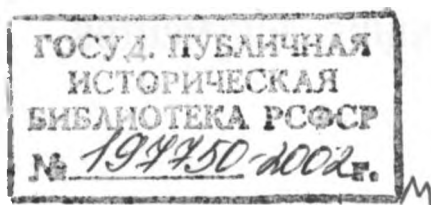
Сборник состоит из новых документальных материалов, посвященных проблеме власти в 1917 г. Впервые в научный оборот вводятся материалы Особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 г. в Петрограде, материалы Демократического совещания осенью 1917 г. и др.

Издание снабжено обстоятельным введением о событиях 1917 г., подробными комментариями.

Сборник документов рассчитан на всех интересующихся революционными событиями 1917 г.

Составители:

Г.И.Злоказов, Г.З.Иоффе

Работа подготовлена
в Центре изучения новейшей истории России
и политологии ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

По истории революционных событий 1917 г. опубликовано множество документов и материалов. Традиция публикации материалов по истории Февраля и Октября восходит к 20-м гг., причем многие публикаторы сами являлись активными участниками тех событий.

Именно в 20-е гг. вышли в свет такие фундаментальные труды, как протоколы Исполкома Петроградского Совета, протоколы Петроградского Совета профсоюзов в 1917 г., материалы о деятельности рабзавкомов (сборник «Октябрьская революция и фабзавкомы») и другие.

Эти публикации вводили в оборот обширный фактический материал, сопровождаемый подробными комментариями.

Много нового документального материала было приведено в 4-томнике А.Шляпникова «Семнадцатый год» (М., 1923-1930). Сам автор, являвшийся членом Русского бюро ЦК РСДРП, был позднее репрессирован, и его книги оказались под запретом. Недавно они были переизданы, и нынешний читатель имеет возможность ознакомиться с этой уникальной работой. Немало новых документов содержалось в 6-томной «Хронике событий», вышедшей также в 20-х гг. Ее авторами являлись Н.Авдеев, В.Владимирова и др. В хрониках событий по дням и даже нередко по часам рассматривались события великой революции, изменившей облик страны. До сих пор ряд уникальных фактов можно обнаружить только в этих книгах.

В 1930-1931 гг. вышел в свет фундаментальный томик «I Всероссийский съезд Советов» под редакцией и с предисловием Я.А.Яковлева. Это стенографический отчет съезда, происходившего с 3 по 24 июля 1917 г., с подробными комментариями к тексту. Издание давно стало библиографической редкостью, и настало время переиздать его, снабдив комментарии новыми данными. Ранее, в 1928 г., вышел сборник о II Всероссийском съезде Советов (25-26 октября 1917 г.). Ввиду отсутствия стенограммы сборник основан на газетных публикациях, причем за основу был взят текст в

«Правде». Ряд других газет не был востребован, и это лишило издание необходимой подробности и фундаментальности. Сейчас осуществлено новое издание материалов II съезда Советов с привлечением других газет 1917 г., что является большим шагом вперед в изучении хода II съезда Советов.

Публикации 20-х гг. основывались на архивных текстах и материалах печати. Большой дополнительный материал содержится в мемуарной литературе. Воспоминания в ряде случаев усиливают доказательность документов, обогащая их новыми подробностями.

Однако большой массив воспоминаний до сих пор еще не введен в оборот. Это относится к фондам воспоминаний ЦПА (ныне РГАСПИ), к фондам ЛПА (ныне ГЦАИПД СПб.). Особо следует сказать о материалах, хранящихся в ЛПА. Этот объемный фонд, характеризующий события в Петрограде в 1917 г., не издан до сих пор, хотя его научное значение для раскрытия обстановки в Петрограде, очень велико. Исследователь находит здесь новые факты по истории Февральской революции, по июльским событиям в столице, по истории Октября. Можно сказать, что по изданию мемуаров у историков непечатый край работы.

В 30-х — 40-х гг. ввиду общей обстановки в стране публикация документов по истории Октября по существу прекратилась. Новый публикаторский бум с документами по истории Октября наступил в 1956 г. после XX съезда КПСС. После 1956 г. вышел в свет 10-томник документов и материалов под общим названием «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957-1962). Но и здесь явно недостаточно было опубликовано материалов по истории Советов, ВЦИК меньшевистско-эсеровского периода.

Так, до сих пор не перепечатан стенографический отчет о мартовском Всероссийском совещании Советов, опубликованный еще в 1927 г. После 1956 г. были переизданы протоколы Апрельской партконференции большевиков и VI съезда РСДРП(б), а также протоколы ЦК РСДРП(б) за август 1917 — февраль 1918 г.

В 60-х гг. ленинградскими историками был выпущен в свет 3-томник о районных Советах Петрограда в 1917 г. с

большими комментариями и биографическими справками о депутатах этих Советов.

Ряд ценных сведений об эсеров-меньшевистских Советах содержится в работах ленинградцев О.Н.Знаменского «Июльский кризис» (Л., 1964), В.И.Старцева «Крах керенщины» (Л., 1982), Г.Л.Соболева «Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября» (Л., 1985), а также в коллективных трудах ленинградских историков. «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (Л., 1967. Т. II), «Революционный Петроград. Год 1917» (Л., 1977), «Питерские рабочие и Великий Октябрь» (Л., 1987).

Большой новый документальный материал отражен также в работах составителей данного сборника, в частности в работе Г.И.Злоказова «Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году» (М., 1997).

В 1991 г. ленинградские историки, выявляя новые документы, выпустили в свет 1-й том материалов «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, секций, заседаний Исполкома и фракций. 27 февраля — 31 марта 1917 г.».

Несколько отступая назад, нельзя не отметить, что ряд документов был опубликован в книге Л.Д.Троцкого «История русской революции» (Берлин, 1931, 1933). Однако, долгие годы работы Троцкого по истории революции были у нас под запретом.

Продолжая тему о новых публикациях, надо отметить 3-томное фондовое издание «Петроградский Военно-революционный комитет» (М., 1966, 1967), где раскрыта роль этого органа в победе Октябрьской революции.

Вместе с тем надо сказать, что ряд материалов о ВРК находится в других архивных фондах и их извлечение представляет важную источниковедческую задачу. Отмечая огромную работу, проделанную по изданию документов по истории революции, следует сказать, что еще не все фонды оказались вовлеченными в научный оборот. К ним относятся материалы Особой следственной комиссии Временного правительства о ходе июльских событий 1917 г., материалы Демократического совещания в Петрограде (сентябрь 1917 г.).

К ним примыкает и неопубликованная статья историка 20-30-х гг. А.К.Дрезена о создании и деятельности ВРК, которая с документальной точностью излагает процесс создания и деятельности ВРК.

Составители сборника сосредоточили внимание на этих материалах, до сих пор не вводимых в оборот, хотя их значение, по мнению составителей, весьма значительно. Следует отметить, что часть материалов Демократического совещания опубликовано в недавно вышедших томах «Меньшевики в 1917 году» (М., 1993-1996). В этой обширной публикации материалов и документов собраны практически все данные о меньшевиках в 1917 г. Здесь читатель найдет и выступления меньшевиков на Демократическом совещании. Однако речи ораторов других партийных фракций и группировок в этом издании не отражены, поскольку это не входило в задачи составителей издания. Сама же по себе публикация «Меньшевики в 1917 году» уникальна, ибо впервые дает столь подробную информацию о деятельности меньшевиков в 1917 г.

Составители данного сборника считают особенно важными материалы Особой следственной комиссии П.А.Александрова и документацию Демократического совещания. Бывшее секретным 25-томное делопроизводство Особой следственной комиссии, которой было опрошено около 300 свидетелей (студенты, служащие, случайные прохожие, дворники, жильцы домов, журналисты, политические деятели) раскрывает многие факты и подробности, которые ранее были вне поля зрения исследователей. В целом же все опрошенные признают стихийный, неуправляемый характер июльских событий, доказывают, что большевики стремились придать событиям и мирный организованный характер.

Что же касается роли Демократического совещания, то анализ выступлений ораторов показывает, что здесь был упущен уникальный шанс по мирному созданию коалиционной революционно-демократической власти, способной вывести страну на путь глубоких социальных преобразований. Вместо этого Демократическое совещание превратилось в словоговорение, не оказавшее никакого влияния на судьбы страны, только что пережившей корниловщину. Разумеется,

составители сборника не имели возможности опубликовать все материалы упомянутых фондов в силу их обширности. Поэтому они стремились выбрать наиболее яркие и впечатляющие документы, характеризующие эти фонды. Полная публикация данных фондов дело будущего и ждет своих составителей.

Авторы публикации считают, что отобранные ими документы пополнят и расширят источниковую базу о событиях 1917 г., углубляя ее.

Это целиком относится и к вводному разделу сборника, где идет речь о ходе февральско-октябрьских событий, особенно об июльских и сентябрьских событиях 1917 г. Вводный раздел органически связан с последующими материалами об июльских событиях, Демократическом совещании и деятельности Петроградского ВРК.

Значение вводного раздела и в том, что он дает полную картину событий от Февральской революции и до Октябрьской революции. В целом же получился законченный цикл из истории борьбы за власть в 1917 г., закончившийся победой большевиков.

Разумеется, нельзя объять необъятного. Поэтому авторы стремились остановиться на тех событиях, которые подвели страну к победе Октября. В связи с этим авторы не стали рассматривать события Февральской революции, апрельского политического кризиса, июньских событий. Они сознательно ограничили себя событиями, тесно связанными с победой Октябрьской революции.

Таковы соображения, которыми руководствовались авторы сборника при его подготовке. Стоит остановиться еще на одной особенности данного сборника. Авторы считают, что не меньшее значение имеют научные комментарии к документам. Поэтому им уделено в сборнике очень большое внимание. Комментарии усиливают роль и значение документа. Поэтому комментарии носят подробный характер. Составление комментариев потребовало от авторов проведения большой исследовательской работы. В итоге документы и комментарии тесно взаимосвязаны между собой. Таковы самые общие замечания к содержанию предлагаемого вниманию читателя сборника.

ВВЕДЕНИЕ

1917 ГОД: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Падение монархии: обвал власти

Царская монархия рухнула практически за несколько дней.

Все произошло столь неожиданно, столь внезапно, что, пожалуй, до сих пор историки останавливаются перед этим фактом в раздумье и удивлении, как перед некоей загадкой. Правда, предлагались, да и предлагаются различные объяснения. В зарубежной исторической литературе долгое время, например, преобладала, да, пожалуй, и сейчас не отошла в прошлое, концепция «стихийности», «спонтанности» Февральских событий, давно ставшая историческим клише. Стихийными можно считать «хлебные беспорядки», начавшиеся в двадцатых числах февраля, но разве они уже были той революцией, которую мы называем Февральской? Советские историки, отвергая «стихийность», долго и упорно противопоставляли ей (в жестких или смягченных вариантах) концепцию «организующей роли большевистской партии», хотя факты ясно показывали: большевики (впрочем, как и другие партии) просто не могли тогда руководить тем, что они называли «массами».

Увы, нужно признать: история далеко не на все вопросы способна дать однозначные ответы. Да и ее ли это дело? В.Ключевский писал: «Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей... Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и этак, и по-третьему, т.е. случайно». Пожалуй, с большей или меньшей определенностью можно сказать одно: непосредственно февральские события «выросли» из войны. Для историка это безразлично. Для

него важно, не то, от чего что произошло, а что и в чем вскрылось...

В середине февраля из-за транспортных трудностей в Петрограде ухудшилось продовольственное снабжение, прежде всего хлебом*. «Хвосты» (так тогда назывались очереди) за ним быстро росли, усиливая в обывателях беспокойство, раздражение и недовольство. 18 февраля рабочие одного из цехов Путиловского завода потребовали прибавки к зарплате. Дирекция отказала, уволила нескольких рабочих, и объявила о закрытии некоторых цехов на неопределенное время. Однако пострадавшие были поддержаны рабочими Путиловского завода и других предприятий. 23 февраля ст. стиля (8 марта нов. стиля) на ряде заводов и фабрик проводились небольшие митинги и собрания, посвященные Международному женскому дню. Немногочисленные большевики и члены других революционных групп (прежде всего близкой к большевикам так называемой «Межрайонки») доказывали, что истинные причины безработицы и отсутствия хлеба — равнодушие и произвол властей, хозяйский грабеж. Это, естественно, находило отклик: измученные войной люди уже вдоволь наслушались (да и насмотрелись) о «сытой» и «беззаботной» жизни верхов. Большую активность проявляли женщины-работницы, особенно остро переживавшие невзгоды и тяготы жизни.

События стали нарастать с поразительной быстротой. Здесь, пожалуй, и таится главная «загадка Февраля». Какой мотор «запустил» их, какая пружина сорвалась и сдвинула с места? Голодовка, бездействие властей, политическая агитация? Вероятно, все вместе взятое...

24 февраля стачки приняли еще больший масштаб, рабочие митинги и демонстрации стали более многочисленными, в некоторых местах произошли столкновения с полицией и поддерживавшими ее подразделениями запасных батальонов гвардейских полков, расквартированных в Петрограде и его окрестностях.

---

* Следует отметить, что в целом продовольственное снабжение на фронте и в тылу было более или менее удовлетворительным. Во всяком случае значительное его ухудшение началось после февральских событий и крушения монархии.

25 февраля к рабочим стали присоединяться представители других слоев городского населения, и движение начало приобретать очертания всеобщей стачки. Над митингующими и демонстрантами кое-где уже развевались красные флаги и полотнища с лозунгами «Хлеб, мир, свобода!». Правда, быстро исчез появившийся было лозунг «Долой войну!», что, по-видимому было следствием втягивания в события интеллигенции и близких к ней групп населения.

А что же власти? Они оценивали все происходившее, как обычные «беспорядки» и особой тревоги пока не проявляли. Впрочем, почти также смотрели на события в революционном подполье и либерально-оппозиционных кругах. Никто не мог предположить, чем это все на самом деле закончится.

Но 26 февраля (было воскресенье) власти все же «спохватились», перешли к более активным действиям: в ряде районов города полиция и войска стреляли в демонстрантов. Были арестованы некоторые члены Петербургского комитета большевиков. К концу дня многим казалось: порядок восстановлен.

Но в понедельник 27 февраля совершенно неожиданно в развитии событий наступил решающий перелом: солдаты, расквартированных в Петрограде запасных батальонов гвардейских полков (среди них было большинство новобранцев или напротив, вернувшихся в тыл по ранениям фронтовиков) стали переходить на сторону митинговавших!

Считается, что начало положила учебная команда запасного батальона Волынского полка, «подбитая» унтер-офицером Т.Кирпичниковым. Вскоре, после установления «нового режима» новый начальник Петроградского военного округа генерал Л.Корнилов вручит Кирпичникову Георгиевский крест, а в 1919 г., по некоторым свидетельствам, Кирпичников будет расстрелян по приказу будущего «корниловца» — генерала А.Кутепова... Солдатский бунт изменил всю ситуацию. Заждавшееся революционное подполье встрепенулось. Появился Манифест ЦК РСДРП (большевиков). «Задача рабочего класса, — говорилось в нем, — создать Временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя». Одновременно с большевистским манифестом (или даже не-

сколько раньше) появилось обращение «межрайонцев» (группа, близкая к большевикам) и эсеров к солдатам. Авторы призывали солдат покончить с «позорным режимом», с «кровопролитной бойней» и выбирать своих представителей «для Временного революционного правительства».

Днем позже, 28 февраля, появилось и воззвание меньшевистского Организационного комитета (ОК РСДРП). Оно призывало к сплочению всех сил, «не продавшихся старому строю». Меньшевики призывали к образованию Временного правительства, которое создаст условия для организации новой свободной России. «Нужно, — говорилось в воззвании, — чтобы пролетариат был окружен толстой и плотной стеной всенародного сочувствия и содействия».

Каково было реальное воздействие этих и других «листочков» на ход событий, сказать трудно. Но к концу 27 февраля, и уже во всяком случае 28 февраля, стало очевидно, что движение в Петрограде приобрело очень широкий и в значительной степени антиправительственный характер. Удивительное, странное состояние охватило Петроград. Активная часть населения возбужденно митинговала, другая, большая часть, толпясь вокруг, с острым любопытством наблюдала за происходящим. Попытки военного министра, генерала М.Беляева и командующего Петроградским военным округом генерала С.Хабалова взять ситуацию под контроль ни к чему не приводили. Сначала «растворился» в толпах отряд, сформированный полковником А.Кутеповым (будущим белым генералом) для разгона митингов и демонстраций в центре города. Затем сохранившийся под командованием самого Хабалова относительно небольшой отряд (до 1 тыс. чел.) словно в некоем забытии переходил из Адмиралтейства в Зимний дворец и обратно. Не дождавшись никаких подкреплений с фронта, Хабалов распустил свое воинство, и оно также «растворилось» в толпах людей.

Между тем, уже на третий-четвертый день событий — 25-26 февраля — по инициативе некоторых членов Союза рабочих кооперативов Петрограда, социал-демократической фракции IV Государственной думы, Рабочей группы Цент-

рального военно-промышленного комитета*, возникла идея создания Совета рабочих депутатов (по образцу 1905 г.). Однако реализовать ее удалось только 27 февраля. Днем в Таврический дворец явились представители Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с К.Гвоздевым и Б.Богдановым, освобожденные из «Крестов» (они были арестованы еще в конце января), и вместе с группой думских социал-демократических депутатов, а также представителей левой интеллигенции самочинно объявили о создании Временного исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов. Комитет тут же через единственную газету — «Известия Комитета петроградских журналистов» обратился с призывом немедленно выбирать депутатов в Совет: по одному делегату от тысячи рабочих и по одному от роты солдат. Вскоре прибыло примерно 250 чел., примерно 50 из них представляли рабочих; солдаты явно преобладали. Они и выбрали Исполнительный комитет Совета. Председателем его стал лидер социал-демократической фракции Думы, меньшевик Н.Чхеидзе**, его заместителями — трудовик А.Керенский, меньшевик М.Скобелев***. Наибольшую известность из этих троих получил Керенский, по удачному выражению одного из западных историков, вскоре ставший «первой любовью революции».

Он родился в 1881 г. в Симбирске, где его отец служил директором гимназии, которую окончили братья Ульяновы — Александр и Владимир (директор гимназии Ф.М.Керенский и инспектор народных училищ И.Н.Ульянов были дружески близки). Керенский окончил Петербургский университет, в 1905-1907 гг. тесно сотрудничал с эсерами, одно время даже с их Боевой организацией. После ареста и ссылки вернулся в Петербург и начал карьеру адвоката. Яркий, эмоциональный оратор, он завоевал широкую известность по ряду политических процессов. В 1912 г. был избран в IV

---

* Эти комитеты были официально созданы в 1915 г., для содействия мобилизации и распределения промышленных ресурсов в военных целях.

** Впоследствии эмигрант. В 1926 г. покончил жизнь самоубийством в Париже.

*** В 20-х гг. сотрудничал с Советской властью, вступил в РКП(б). В 1938 г. был арестован и расстрелян.

Государственную думу, где примкнул к фракции трудовиков. Охранное отделение пристально следило за ним. В его документах он проходил под кличкой «Скорый». Перед Февральскими событиями он уже играл видную роль как в революционных, социалистических, так и в либерально-оппозиционных кругах. Поэтому его «звезда» отнюдь не случайно взошла сразу после Февраля. Керенский играл роль как бы сцепляющего звена широкого, но разнообразного фронта антиправительственных сил на первом послефевральском этапе.

Большинство в Исполкоме Совета и в самом Совете принадлежало меньшевикам и эсерам. Это произошло отнюдь не потому, что большевики, как впоследствии объясняли большевистские историки, недооценив значение вопроса о формировании власти, «задержались» в уличной революционной борьбе. Главная причина была совсем в ином. Февральские события всколыхнули десятки тысяч людей разных социальных слоев. В такой обстановке большевики, ориентировавшиеся на рабочую «массу», рассчитывать на большее попросту не могли. Да и не было у них тогда лидера, способного поставить перед ними ясную политическую цель. Им еще предстояла долгая и сложная борьба за политическое влияние. Но и в своем эсерово-меньшевистском составе Исполком Совета и сам Совет, действовали с самого начала как властные представители тех сил, которые получили название «революционной демократии». Наибольшее значение приобрел знаменитый «Приказ № 1», в соответствии с которым Петроградский гарнизон за его особые «революционные заслуги» фактически выводился из подчинения командованию. Именно с него началась «демократизация армии», выразившаяся, в частности, в повсеместном создании в войсках комитетов разных уровней, в конце концов, серьезно подорвавших основы царских вооруженных сил.

В тот момент, когда царская власть в Петрограде фактически уже не существовала, либеральная оппозиция (центром которой была IV Государственная дума), до сих пор как бы в некотором оцепенении и даже растерянности взиравшая на то, что происходило в Петрограде, решила вмешаться, сохранив, впрочем, и некоторую возможность отступления.

27 февраля, т.е. почти одновременно с созданием Петроградского Совета, лидеры либеральной оппозиции в IV Государственной думе образовали «Временный комитет для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями». Председателем комитета стал председатель IV Думы, октябрист М.Родзянко*. Телеграммами с просьбами о конституционных уступках он еще 26 февраля «бомбардировал» царя, находившегося в Ставке, в Могилеве. В противном случае Родзянко предрекал гибель монархии и династии.

Однако до середины дня 27 февраля Николай II и генералы в Ставке не придавали особого значения сообщениям о начавшихся в Петрограде событиях. Они воспринимались как обычные «беспорядки». Проявилась ли в этом «политическая слепота» царя? Если и проявилась, то не в большей мере, чем у всех других политических и общественных деятелей, которые точно так же поначалу восприняли то, что происходило в Петрограде до 26-27 февраля. Николай II, по-видимому, был убежден, что положение не так уж плохо, а после наступления весной 1917 г., в успех которого он верил, «настроение вообще изменится» к лучшему.

Только тогда, когда пошли донесения о бунтах в Петроградском гарнизоне, которые столичные власти, по их запоздалому признанию, оказались не в состоянии подавить собственными силами, только тогда Ставка «очнулась». Первая реакция Николая II была вполне определенной: он распорядился двинуть в Петроград некоторые фронтовые части. В соответствии с этим, начальник штаба Ставки генерал М.Алексеев** приказал направить в Петроград Георгиевский батальон из Могилева, а главное — несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов с «прочными генералами». Во главе всей «экспедиции» царь поставил находившегося тогда в резерве Ставки бывшего командующего Юго-Западным и Западным фронтами старого генерала Н.Иванова. Был учтен, возможно, его опыт «приведения к

---

* Впоследствии — в эмиграции, где преследовался монархистами за «участие в революции». Умер в 1924 г. в Югославии.

** Во время гражданской войны один из основателей и лидеров «белого движения». Умер в сентябре 1918 г. на Дону.

послушанию» кронштадтских матросов, бунтовавших еще в 1906 г. Одновременно Иванов был назначен командующим Петроградским военным округом (вместо «растерявшегося» Хабалова) с фактическим наделением диктаторскими полномочиями: министры поступали в его полное подчинение.

Но выбор Иванова в «диктаторы» оказался явно неудачным. По его показаниям (правда, более поздним) он не вполне ясно представлял свою задачу. Во всяком случае никакой твердости и решительности этот старый генерал с лопатообразной бородой не проявил.

Еще до отхода из Могилева эшелонов с Георгиевским батальоном Николай II ранним утром 28 февраля сам покинул Ставку. Два «литерных» (царских) поезда двинулись в Царское Село (там находилась семья Николая II — жена и дети, тяжело заболевшие в эти дни корью). Утром 1 марта эшелон с Георгиевским батальоном достиг Царского Села, затем отошел на станцию Вырица и остановился здесь, по всей видимости, в ожидании подхода подкреплений. Время шло...

«Литерные» же поезда с царем и его свитой до Царского Села так и не дошли. По мере движения в поезда поступали тревожные сообщения. Наконец, в Малой Вишере железнодорожные власти сообщили, что дальше двигаться нельзя, так как следующие станции — Тосно и Любань, по видимому, уже в руках взбунтовавшихся, «революционных» войск. Потом выяснилось, что на самом деле солдаты, шедшие через Тосно и Любань эшелоны, просто разгромили станционные буфеты, после чего погрузившись в вагоны, проследовали дальше. Но «литерные» поезда повернули назад и пошли на Псков, где находился штаб Северного фронта (главнокомандующий генерал Н.Рузский*).

Тем временем находившийся в Могилеве начальник штаба Ставки генерал М.Алексеев внезапно изменил свою позицию. Если еще утром 28-го он активно организовывал карательную «экспедицию» генерала Иванова, то к концу дня решил поддержать председателя Временного комитета Думы Родзянко, убеждавшего его, Алексеева, «разрешить вопрос»

---

* После Октябрьской революции, летом 1918 г., генерал Рузский будет расстрелян большевиками в г. Кисловодске.

не силовыми, военными, а политическими средствами, попытавшись склонить царя к созданию правительства, ответственного перед Думой. Это было давней целью думского Прогрессивного блока, и теперь его лидеры (в том числе Родзянко) скорее всего посчитали, что момент для ее достижения настал.

Перемена в позиции такой ключевой военной фигуры, какой являлся генерал Алексеев, сыграла исключительно важную, может быть даже решающую роль в стремительном развитии дальнейших событий. Заручившись поддержкой всех главнокомандующих фронтами, Алексеев рекомендовал уже находившемуся под Петроградом Иванову воздержаться от намеченных ранее действий, а в Псков царю направил верноподданную просьбу о даровании «ответственного (перед Думой. — *Ред.*) министерства».

После колебаний, под давлением генерала Рузского, Николай II уступил и согласился, наконец, на формирование правительства, ответственного перед Государственной думой. Если бы как надеялись думские лидеры, на этом развитие драматических событий остановилось, Россия превратилась бы в конституционную монархию. Но...

Уставший от долгих разговоров Рузский из царского поезда тут же направился в свой штаб, чтобы оттуда по аппарату Юза связаться с Родзянко и сообщить ему это, как он считал, важнейшее известие.

Разговор Рузского с Родзянко начался в 3 час. 30 мин. в ночь с 1 на 2 марта и продолжался около четырех часов. С аппарата в штабе Рузского он сразу же передавался в Могилев, в Ставку, так что генерал Алексеев почти одновременно информировался о ходе переговоров. К изумлению Рузского, ожидавшего если не радостной, то во всяком случае положительной реакции Родзянко, тот совершенно неожиданно ответил: «К сожалению, манифест (об «ответственном министерстве». — *Авт.*) запоздал», «династический вопрос поставлен ребром», «требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича (великого князя, брата царя — *Авт.*) становится определенным требованием». Только при таком решении, уверял далее Родзянко, кризис будет преодолен:

временно по распоряжению Ставки краткое резюме разговора Рузского с Родзянко телеграфно было направлено всем главнокомандующим Фронтами и флотами — великому князю Николаю Николаевичу (дяде царя) на Кавказский фронт, генералу В.В.Сахарову — на Румынский фронт, генералу А.А.Брусилову — на Юго-Западный фронт, генералу А.Е.Эверту — на Западный фронт, адмиралу А.И.Непенину — на Балтику, адмиралу А.В.Колчаку — на Черноморский флот, Алексеев просил главнокомандующих высказать свое мнение, спешно сообщив об этом как в Могилев, так и в Псков. Но его телеграмма, кажется, содержала подсказку, ориентирующую на ответ в пользу отречения Николая II. «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения», — указал он.

Как можно объяснить столь резкую перемену в позиции генерала Алексеева? Впоследствии некоторые эмигранты и монархисты даже обвиняли его в измене, для чего «находили» какие-то факты, якобы свидетельствующие об относительно давних связях Алексеева с «врагами государства». Действительно, Алексеев сочувствовал либеральным лидерам, но это вызвалось желанием привлечь к военным усилиям более широкие общественные слои. Вероятнее всего, Алексеев посчитал, что с уходом Николая II, авторитет которого был подорван в военных верхах пресловутой «распутинщиной», власть укрепитя, что позволит активизировать военные усилия. Если бы он мог предвидеть...

Спустя некоторое время в Псков пришли телеграммы от главнокомандующих. Они были по сути своей однозначны. Все «умоляли» царя, как, например, телеграфировал генерал Эверт, «во имя спасения родины и династии принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Забрав телеграммы и взяв с собой двух генералов — С.Саввича и Ю.Данилова — генерал Рузский снова направился к царю. По воспоминаниям участников этой встречи, Николай II, стоя у столика, читал телеграммы, полученные от Алексеева и других высших генералов. Узкая полоска юзовской ленты кольцами падала на ковер, устилавший купе. Генерал Саввич вспоминал: «Наступило общее молчание,

«переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней».

Что же случилось за столь короткое время? Пока члены думского Временного комитета и высшие генералы вели переговоры, стремясь путем давления на царя склонить его к столь желанному «ответственному министерству», события в Петрограде уже продвинулись вперед. Уступка царя (дарование «ответственного министерства»), которая, по расчетам думских лидеров, могла остановить, успокоить «низы», в их представлении уже запоздала. Митинги, демонстрации, самое главное — выход из подчинения солдат гарнизона — все это оказало сильное давление на оппозиционные думские круги. Во Временном комитете Думы возобладало мнение в пользу того, чтобы сделать еще один шаг вперед. Здесь уже готовы были без особого сожаления пожертвовать давно непопулярным Николаем II ради стабилизации обстановки и упрочения системы конституционной монархии. Возобладал новый замысел: убедить Николая II отречься с тем, чтобы передать престол прямому наследнику, 13-летнему Алексею при регентстве брата царя — великого князя Михаил Александровича. Думским лидерам, казалось, что такой вариант создания новой власти более соответствует быстро меняющейся ситуации. Он и был сообщен Родзянкой генералу Рузскому, а в Псков срочно выехали думские посланцы: октябрист А.Гучков и монархист В.Шульгин* для непосредственных переговоров с царем.

Когда неожиданные сведения о новой позиции лидеров Государственной думы дошли до Ставки, генерал Алексеев и на этот раз не проявил колебания. Через генерал-квартирмейстера Ставки А.Лукомского он приказал Рузскому «отбросив все этикетки», немедленно разбудить царя (была ночь) и доложить ему все то, что сообщил из Петрограда Родзянко. Алексеев просил Рузского как можно скорее «выяснить вопрос», «ибо неизвестность хуже всего». Одно-

---

* Во время гражданской войны оба будут связаны с антибольшевистским «Белым движением». После его поражения — эмигранты. Гучков умер в Париже в 1936 г. Шульгина в 1945 г. арестует в Югославии контрразведка Советской армии. До 1956 г. он просидит в тюрьме (г. Владимир), затем будет освобожден. Умер в 1972 г.

длившееся одну-две минуты. Государь сказал: «Я решился. Я отказываюсь от престола», — и перекрестился».

В двух тут же составленных телеграммах — на имя Родзянко и Алексеева — сообщалось, что Николай II отрекается от престола в пользу наследника — цесаревича Алексея, а до его совершеннолетия великий князь Михаил Александрович назначается регентом. Однако отправка телеграммы почти тут же была задержана. Некоторые члены царской свиты, потрясенные решением царя, просили и даже требовали повременить, по крайней мере, до получения новых сообщений из Петрограда: уже было известно о выезде в Псков для встречи с Николаем А.И.Гучкова и В.В.Шульгина. Царь, по-видимому, заколебался: появилась какая-то слабая надежда. Решено было выслушать думских посланцев. Впрочем, у царя появились и какие-то другие мысли...

Тем временем, покуда «литерные» царские поезда блуждали по железнодорожным магистралям, а затем остановились в Пскове, Временный комитет Государственной думы приступил к формированию Временного правительства. Но это уже не могло быть сделано без соглашения с Исполкомом Петроградского Совета, которому фактически подчинялся гарнизон. Думские лидеры вынуждены были согласиться на переговоры с ним.

А Исполком? Почему он пошел на переговоры? В определенной мере это определялось, конечно, доктринальными представлениями его меньшевистско-эсеровских лидеров. Они исходили из той посылки, что, поскольку совершающаяся революция — буржуазная, власть должна сосредоточиться в руках правительства из представителей либеральных партий. Но существовал, конечно, и более прагматический мотив: еще не существовало уверенности, что с царской властью уже покончено, что войска генерала Иванова вот-вот не вступят в Петроград. Угроза возмездия витала в воздухе. Еще Т.Карлейль заметил, что революциями во многом правит страх. То же было и в революционных кругах Петрограда. И вполне естественно, что меньшевистско-эсеровские лидеры Исполкома в соглашении с Думой видели некую «легальную» основу происходящего.

Исполком Петроградского Совета, правда, заявил о своей готовности поддержать новое правительство лишь «постольку, поскольку» оно не войдет вразрез с интересами «революционной демократии». Думские лидеры хорошо понимали, что в обстановке государственного развала другого и нельзя было желать. Только немногочисленные большевики — члены Исполкома — высказались против любой поддержки новой власти, требуя создания не буржуазного, а, как это было определено еще в Манифесте их ЦК, Временного революционного правительства. Что при этом имелось в виду не совсем ясно, но вероятнее всего мыслилось образование власти Петроградским советом из меньшевиков, эсеров и большевиков (предложение руководителя Русского бюро ЦК А.Шляпникова^{*}). Большевики, естественно, остались в меньшинстве. Н.Чхеидзе и члены Исполкома Н.Суханов, Н.Соколов, Ю.Стеклов и В.Филипповский были выделены для переговоров с Временным комитетом Государственной думы. Они и санкционировали предложенный им состав первого Временного правительства. Это произошло в ночь с 1 на 2 марта. В формировании Временного правительства определенная роль, возможно, принадлежала негласной организации «политического масонства», возникшей приблизительно в 1905-1907 гг. и стремившейся создать широкий фронт либеральных и демократических сил России. А.Керенский позднее писал: «Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в истинной мере была воплощена в жизнь Временным правительством». В таком утверждении, по всей вероятности, имеется определенное преувеличение, но так или иначе во всем этом не было ничего общего с черносотенными вымыслами о «жидо-масонском заговоре» против монархии.

В правительство вошло 12 человек, среди них 6 кадетов, остальные — октябристы и близкие к ним деятели. Возглавил правительство один из лидеров Союза земств и городов

---

* В 1933 г. будет исключен из ВКП(б), а через два года за принадлежность к так называемой «рабочей оппозиции» власти выслан из Москвы. В 1937 г. был расстрелян.

(Земгор)* князь Г.Львов. Министром иностранных дел стал П.Милюков, военным министром — А.Гучков, министром торговли и промышленности — А.Коновалов, министром юстиции — А.Керенский (единственный социалист (эсер) в правительстве). Все это были люди широко известные в России.

Согласованная программа состояла из 8 пунктов: амнистия политическим заключенным, свобода слова, печати и т.д., отмена национальных и религиозных ограничений, подготовка к созыву Учредительного собрания, замена полиции народной милицией, выборы в органы местного самоуправления, вывод войск революционного Петроградского гарнизона на фронт, предоставление солдатам гражданских прав.

Эта программа решительно продвигала страну по пути конституционализма и демократизма. Даже Ленин, вернувшись в Россию, признал это. Россия, — писал он, — всего лишь в несколько месяцев по политическому строю «догнала передовые страны». Столь стремительная демократизация «по западному образцу» страны, еще не избавившейся от наследия не только самодержавия, но и крепостничества, притом в жесточайших условиях войны, не могла не иметь и отрицательные последствия. «Дозволенная свобода» воспринималась в народных «низах» как вседозволенность. Еще не успевшее укорениться гражданское сознание подавлялось сиюминутными желаниями мира, земли и т.д. Конечно, Временное правительство действовало и под давлением Петроградского Совета, но объяснять его политику демократизации только этим было бы, конечно, неверно. Временное правительство, состоявшее из виднейших деятелей российского либерализма, искренне стремилось навсегда покончить с остатками самодержавного режима в России. В этом было много идеализма, политической наивности. Правительство обратилось ко всем гражданам, ко всем слоям населения объединиться ради общей цели: создания свободной, демократической России. Увы, этого как раз и не произошло. Как

---

* Общественная организация, объединявшая представителей местных самоуправлений и ставившая своей главной целью оказание содействия военным усилиям России в самых разных областях: обеспечение вооружением, продовольственной, санитарно-медицинской и др. помощь.

писал один из современников, «вспыхнули тысячи аппетитов. Появились тысячи сепаратизмов. Каждый аппетит заявлял себя суверенным... Каждый требовал удовлетворения. Каждый требовал, требовал и требовал». Партийные интересы и политические амбиции буквально «разорвали» общество. Но это случилось не сразу...

В результате соглашения, достигнутого между Исполкомом Совета и думским Временным комитетом, в стране стали функционировать два политических центра: Петроградский Совет (в июне 1917 г. будет избран Всероссийский ЦИК Советов) и Временное правительство. Меншевистско-эсеровский Совет, по характеристике большевиков, проводил «соглашательскую» политику. Если это так, то трудно считать, что он находился в противостоянии Временному правительству. Были, конечно, весьма существенные разногласия, но они все-таки не разрушали главного соглашения. Тут большевики в своей критике были, пожалуй, правы. Поэтому широко распространенное утверждение о «двоевластии», которое возникло в России после Февраля, по меньшей мере нуждается в корректировке. Ситуация, пожалуй, создавала безвластие или «маловластие», чем «двоевластие». Совет действительно выражал интересы «революционной демократии» (рабочих, крестьян, солдат); Временное правительство — в большей мере — интересы имущих, как тогда говорили, «цензовых» слоев, а также интересы общегосударственные. Хотя формально только один социалист — Керенский — по собственной инициативе вошел в правительство, и оно, таким образом, практически являлось «однороднобуржуазным», но поддержка его Исполкомом Совета уже создавала предпосылку для образования в дальнейшем коалиционного правительства из представителей либеральных и социалистических партий (кроме большевиков). В этом, возможно, был залог дальнейшего развития событий хотя бы по относительно мирному пути.

Между тем, в 10 час. вечера 2 марта Гучков и Шульгин прибыли на станцию Псков и их тут же проводили в салон-вагон царя. Как только начались переговоры, Николай II заявил, что уже принял решение об отречении, но если раньше он хотел передать престол сыну — Алексею, то после

передумал и меняет принятое им днем решение (отречение в пользу сына) и отрекается не только за себя, но и за него в пользу брата — великого князя Михаил Александровича. По свидетельствам почти всех присутствующих (а их было 6 чел.) эти слова произвели ошеломляющее впечатление. Генерал Рузский впоследствии писал, что все попросту онемели: отречься за сына — законного наследника престола — царь не имел права.

По некоторым воспоминаниям, был сделан перерыв, после которого новая «формула» отречения все же была принята Гучковым и Шульгиным. Они сочли, что в обстановке, когда, казалось, рушились сами основы государства и когда понятие законности становилось эфемерным, — вопрос о том, кто станет новым монархом, уже не имел первостепенного значения. Они лишь просили Николая II, чтобы до подписания акта отречения, помеченного 3 час. дня 2 марта, он утвердил указ о назначении Г.Львова премьер-министром, а великого князя Николая Николаевича — верховным главнокомандующим. Все было выполнено.

В Манифесте, подписанном царем, говорилось: «Мы передаем наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу... Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и непоручимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, как будут ими установлены, принеся в том непоручимую присягу». Позднее, 7 марта, в последнем обращении к армии, Николай II принял «к подчинению Временному правительству»*.

В ту же ночь (на 3 марта) Гучков и Шульгин спешно выехали в Петроград.

Позднее появилась версия, согласно которой Николай II якобы с невероятной легкостью, даже беззаботностью отказался от престола. Это не так. Сохранившийся протокол разговора царя с Гучковым и Шульгиным, показывает, что он колебался. Его сомнения диктовались неверием в способность, по его убеждению, неопытных либеральных деятелей управлять огромной, находящейся в состоянии войны стра-

---

* Временное правительство запретило обнародование этого приказа.

ной, в уверенности, что только монархия, притом самодержавная, соответствует исторической традиции и духу России. Царь отрекся от престола, но, отрекаясь он верил, что монархия в России сохранится. И все равно он был глубоко потрясен тем, что произошло. Обладавший почти невероятной способностью «держаться в руках», теперь, когда все кончилось и когда он остался один, страшное напряжение дало себя знать. По свидетельству дворцового коменданта В.Войкова, войдя в купе Николай II уже после отъезда из Пскова, он увидел на глазах его слезы...

Однако передача престола Михаилу оказалась таким же запоздалым актом, как и ранее попытка сохранить монархию путем дарования «ответственного перед Государственной думой правительства...».

В Петрограде на митингах рабочих, солдат, просто обывателей выносились резолюции с требованием республики. Конечно, эти резолюции шли не из «толщи масс». Они принимались по инициативе и предложениям представителей левых политических партий, но по принятии их они направлялись в Исполком Совета и здесь воспринимались как «голос народа». «Исполкомовцы» со своей стороны будировали этот вопрос в правительстве и думском Временном комитете. Здесь тоже стало укрепляться мнение, склонявшееся к тому, чтобы вопрос о будущем государственном строе решался в Учредительном собрании. В этом усматривалась возможность компромисса правительственных и советских верхов. Как это ни странно, Родзянко еще вчера «бывшийся» всего лишь за правительство, ответственное перед Думой, а затем поддержавший идею отречения Николая в пользу наследника, теперь примкнул к левому, республиканскому течению. Связавшись с Псковом и Ставкой, он убеждал генералов, что отказ от провозглашения Михаила императором будет действительным только до предполагаемого созыва Учредительного собрания; к тому же можно надеяться, что оно примет решение и о монархической форме правления в России. Этот новый неожиданный поворот, наконец, вызвал у генерала Алексеева раздражение. Он попытался организовать совещание главнокомандующих в Ставке для того, чтобы, по его словам, организовать давление на «влиющее правитель-

ство», но уже не нашел прямой поддержки. Находившиеся в некотором смятении генералы больше не желали вмешиваться во всю эту петроградскую политическую сумятицу.

Ранним утром 3 марта группа членов думского Временного комитета и Временного правительства (под одним свидетельством 10, по другим 12 чел.) прибыли на Миллионную улицу, где в доме княгини Путятиной скрывался Михаил. На его «благоусмотрение» представили две точки зрения: сторонники одной (большинство во главе с Керенским и Родзянко) просили великого князя отказаться от принятия престола по крайней мере до решения Учредительного собрания; сторонники другой (Милюков, Гучков) настаивали на безусловном принятии им престола, как последней надежды на сохранение российской государственности. Мнение Керенского и Родзянко взяло верх. В составленном Манифесте говорилось: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». Манифест призывал всех граждан подчиниться Временному правительству и таким образом легитимизировал его. Конечно, антимонархические настроения в Петрограде тогда проявлялись, и это повлияло на то, что произошло на Миллионной. И все-таки не народ решил судьбу монархии. Огромная Россия в те дни практически не участвовала в событиях и никак не выражала своего мнения о государственном строе России. Надо признать, что те люди (8-10 чел.), которые утром 3 марта находились в квартире на Миллионной улице, они и поставили точку в истории российской монархии. Что ими двигало? Конечно, «текущий момент», который неожиданно открыл перспективу осуществления давних планов либеральной общественности. Рушилось самодержавие, но установление и конституционной монархии в глазах некоторых более решительно настроенных оппозиционеров, не давало надежной гарантии самодержавно-монархической реставрации. Между тем, ситуация давала возможность «подвинуть» антицаристское движение за рам-

ки конституционной монархии, подведя его к республиканскому лозунгу.

В истории крушения российской монархии поражает феномен безразличия и равнодушия, которые его сопровождали. Русские монархисты, главным образом, черносотенного образца, такие напористые и крикливые в обычное время, в критическую минуту не выказали ни малейшего признака, свидетельствующего об их желании защитить монархию и монарха, стремительно покинули тонущий монархический корабль. Фраза Николая II, записанная им в дневник 3 марта 1917 г. — «кругом измена, и трусость, и обман» — на долгие годы позорной печатью легла на русский монархизм.

В первой половине марта почти все Романовы официально заявили о своей верности Временному правительству. Это, безусловно, определило отречение Николая II и, пожалуй, в еще большей степени отказ от престола Михаила, который ссылкой на решение будущего Учредительного собрания как бы «связал руки» другим возможным претендентам. Впрочем, ни тогда, ни после русские монархисты не проявляли готовности сражаться за монархию. Российская монархия пала при почти полном равнодушии. Впрочем, вскоре такая же судьба постигнет и российскую демократию...

Судьба последних Романовых, оставшихся в революционной России, оказалась трагической. Первой жертвой пал Михаил Романов, весной 1918 г. высланный из Гатчины в Пермь. В июне того же года, группа чекистов и рабочих г. Мотовилихи инсценировала его похищение, увезла за город и убила. Примерно через месяц (в ночь на 17 июля) официально по решению Исполкома Уралоблсовета, но, как можно считать, при молчаливом согласии и одобрении Москвы, были безжалостно расстреляны Николай и вся его семья, весной 1918 г. перевезенные в Екатеринбург из Тобольска. Через день в Алапаевске были уничтожены те Романовы, которые были высланы сюда из Екатеринбурга: сестра царицы — великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн, Игорь и Константин Константинович, князь Владимир Палей. А зимой 1919 г. еще четверо великих князей (Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий

Михайлович) были расстреляны в Петропавловской крепости «в порядке» красного террора. Все это произошло в обстановке разгоревшейся гражданской войны, когда всякие моральные принципы были безжалостно отброшены. Потрясенный этими убийствами один из основателей российской социал-демократии Ю.Мартов писал: «Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование великой русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови! Как будто недостаточно было Уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова!.. Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест., то вдвойне стыдно за эту трусость — позорный спутник всякого террора!».

Победа Февральского переворота решилась в Петрограде. Вторая столица — Москва, другие крупные города, фронт, вся обширная периферия, в сущности, вполне спокойно и мирно приняли то, что в конце февраля — начале марта свершилось в Петрограде.

Многие тогда верили, что отныне Россия пойдет по прямой, накатанной дороге к свободе, равенству и братству, что все темное и тяжелое в ее истории позади. Увы, это оказалось не более чем иллюзией. Уже ближайшие события рассеяли радужные мечты и надежды, эйфорию первых дней, первых недель. Они довольно быстро стали сменяться недоумением и разочарованием. Раздражение, ненависть и злоба, правда, были еще впереди...

Демократический центр: борьба за коалицию

Федор Степун, будущий известный литератор, философ и социолог, а в 1917 г. офицер, близкий к эсеровскому руководству, так описывал мартовский Петроград, в который он прибыл с фронта. «Я думал, что увижу его гневным, величественным, наполненным революционной романтики. Ожидания мои не сбылись. Впечатление было сильное, но обратное ожидаемому. Петроград по внешнему виду и по внут-

ренному настроению являл собой законченную картину разнужданности, скуки и пошлости...

Бесконечные красные флаги не веяли в воздухе стягами и знаменами революции, пыльными красными тряпками уныло повисли вдоль скучных серых стен. Толпа серых солдат, явно чуждых величию свершившегося дела, в распоясанных гимнастерках и внакидку шинелях, праздно шатались по грандиозным площадям и широким улицам города. Изредка куда-то с грохотом прокатывались тупорылые броневики и набитые солдатами и рабочими грузовики: ружья наперевес, трепанные вихры, шальные, злые глаза... Нет, это не услышанная мною на фронте великая тема революции, не всенародный порыв к оправданию добра свободного, а ее гнусная контртема... Это хмельная радость о том, что «наша взяла», что гуляем и никому ни в чем отчета не даем». Свидетельство Ф.Степуна, пожалуй, типичное. Таких свидетельство много.

А между тем, материальное положение «низов» не только не улучшилось, напротив, быстро ухудшалось. Росла безработица, скачкообразно взвинчивались цены на самые необходимые продукты. Очереди не уменьшались — увеличивались. Процветала дикая спекуляция. Война с ее огромными жертвами и потерями продолжалась. Миллионы солдат по-прежнему сидели в окопах. Многие крестьянские семьи, оставшиеся без кормильцев, уже третий год бедствовали.

Средние слои — либеральное чиновничество, демократическое офицерство, интеллигенция особенно радостно приветствовали политическую свободу, принесенную Февралем, но уже довольно скоро обнаружили, что эта свобода имела и обратную сторону. Образовавшийся вакуум власти заполнялся болезненно и уродливо. Переворот всколыхнул не только «низы», но и «дно». Со всей силой проявились групповые интересы, в том числе интересы сугубо эгоистические, а нередко и просто шкурные. Даже относительная социальная и политическая стабильность исчезла, что отрицательно отразилось как на материальном, так, что еще существеннее, и моральном состоянии интеллигенции, так много сделавшей в борьбе с царизмом. Впоследствии настроение этого слоя людей, пожалуй, выразит П.Струве. Когда уже в эмиграции

ему напомнят о том, как он радовался в первые мартовские дни 1917 г., он с раздражением ответит: «Дурак был!».

Росли тревога и в общественных «верхах». В момент февральского переворота, как уже отмечалось, даже многие монархисты враждебно настроенные к «распутинщине», в которой якобы погрязли Николай II и Александра Федоровна, без особых колебаний поддержали новую власть — Временное правительство. Они увидели в нем единственный центр, который мог противостоять революционной анархии и удержать «государственные скрепы». Выяснилось, однако, что и это были тщетные надежды. Слабая власть явно не могла укрепить порядок, развал усиливался. На окраинах поднимались и росли национальные, сепаратистские движения. Общий хаос нарастал.

Падение монархии обнажило страшную социальную язву: раскол общества, отсутствие гражданственности в большинстве населения страны, непонимание и неприятие им общегосударственных интересов. Вторая «смута» охватывала Россию...

Все эти настроения — недовольство и озлобление «низов», разочарование и опасения «средних классов», угрюмое выжидание тех, кто еще вчера благоденствовал, а то и управлял — перемешивались, создавая в целом напряженную, взрывоопасную обстановку. Долго продолжаться она не могла, и это, пожалуй, всеобщее ощущение зыбкости, переменчивости, временности возникшего режима получило отражение в резко обострившейся политической борьбе.

Левый фланг политического фронта составлял, как тогда говорили, «революционную демократию» — рабочие, крестьянство, солдаты, часть интеллигенции, представители других средних слоев, поддержавших февральский переворот. На выражение их интересов претендовали главным образом социалистические партии — эсеры и социал-демократы (меньшевики и большевики). Они выдвигали требования дальнейшего революционно-демократического развития общества, прекращения империалистической войны, расширения рабочего законодательства, проведения радикальной земельной реформы, включавшей ликвидацию помещичьего земле- владения. «Опорными пунктами» «революционной демокра-

тии» были созданные почти повсюду Советы, профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы, войсковые комитеты, местные самоуправления, другие быстро создававшиеся общественные организации. Еще в ходе Февральского переворота в Петроградском и других Советах сложился меньшевистско-эсеровский блок, который, как мы уже отмечали, оказывал так называемую «условную поддержку» Временному правительству, исходя из того, что оно будет вести страну по пути углубления демократии, соответствовавшей коренным интересам рабочих, солдатских и крестьянских масс. Примечательно, что почти сразу после победы Февральской революции многие большевики, возглавляемые вернувшимися из ссылки Л.Каменевым* и примкнувшими к нему И.Сталиным и М.Муреновым, проявляли осторожную готовность к объединению с меньшевиками и фактически (пусть с оговорками) одобрили их линию на «условную поддержку» Временного правительства. Если Каменев как раньше, так и в дальнейшем не раз проявлял свои меньшевистские и «полуменьшевистские» наклонности, то вообразить теперь в роли хотя бы «полуменьшевика» «твердокаменного» Сталина — дело, прямо скажем, нелегкое. Но было именно так. Сталин в начале 1917 г. не представлял собой вполне самостоятельного политического деятеля и, похоже, шел в «фарватере» Каменева. Так или иначе, но большевистское партийное руководство, которое возглавлялось А.Шляпниковым и которое вынесло на своих плечах всю тяжесть февральских событий, постоянно отодвигалось вернувшимися сибирскими ссыльными. На состоявшемся в конце марта Всероссийском совещании Советов большевики были уже достаточно близки к объединению с меньшевиками. Однако намечавшемуся блоку большевиков и меньшевиков не суждено было состояться. На его пути встал Ленин. Известие о свержении царизма застало его в Швейцарии, в Цюрихе, где он жил на квартире у сапожника Камерера. Сначала он не поверил в ошеломившую его новость: она была слишком неожиданной, и казалась невероятной. Но шок неожиданности прошел быстро.

---

* Был противником ленинской политики перед Октябрем, выступал против вооруженного восстания. В 20-х гг. один из лидеров оппозиции сталинскому руководству. В 1936 г. расстрелян.

И уже в первых своих работах («Письма из далека» и др.) он определенно высказывал мысль о том, что случившаяся в России революция не остановится на «буржуазно-демократическом этапе», а сразу же пойдет к следующему — «социалистическому этапу». Союзниками русского пролетариата на этом пути, — утверждал он, — будет беднейшее крестьянство, а также пролетарии передовых стран Европы. Это был новый взгляд, поскольку до сих пор большевистская программа исходила из того, что за победой буржуазно-демократической революции последует более или менее длительный период капиталистического развития, в ходе которого постепенно создадутся условия и для перехода к социализму. Но как показали дальнейшие события, Ленин, правильно оценил огромную, революционную энергию российских «низов» — рабочих и солдатских масс. Нужно было только организовать и мобилизовать их, дав им простейшие, понятные лозунги и определив самые близкие, видимые цели.

Во взглядах Ленина причудливым образом соединялись марксистские теоретические абстракции и практическая оценка российской действительности, в обстановке безвластия, чреватой революционной анархией и смутой.

Ленин рвался в Россию; он понимал: история представила, может быть, уникальный шанс для осуществления того, чем была наполнена вся его жизнь — стремлением «перевернуть Россию» через революцию, которая нанесет, наконец, смертельный удар ненавистному капитализму и империализму.

Поскольку антантовские власти не пропускали в Россию политических деятелей интернационалистского толка, пропагандировавших мир или тем более пораженчество в войне, Ленин и некоторые его сторонники не колебались вступить в переговоры о проезде в Россию через Германию. Другие группы эмигрантов, опасаясь политической компрометации, предлагали дождаться санкций на такую поездку из Петрограда, но немцы выражали согласие на немедленную организацию поездки и Ленин не желал ждать. По достигнутой договоренности во время движения поезда по территории Германии никто не имел право входить в сношения с русскими эмигрантами. Проехав по территории Германии на

поезде, затем на пароходе в Швецию, а отсюда снова на поезде в Финляндию, Ленин и около тридцати его спутников 3 апреля 1917 г. достигла Петрограда. Так на страницах русских и зарубежных газет, а затем в мемуарной и исторической литературе появился знаменитый «запломбированный вагон», вокруг которого до сих пор не утихают политические страсти. Широкое хождение приобрела версия о финансовой поддержке Ленина и большевиков германскими военными и гражданскими властями, версия, в крайнем своем выражении представляющая Ленина и некоторых других большевистских руководителей прямыми агентами Германии. Однако, даже те серьезные историки, которые считают версию о германских субсидиях большевикам доказанной, не принимают утверждение о Ленине как немецком агенте. Ленин был политическим лидером, исключавшим навязывание ему какой-то посторонней воли. Но во всем том, что связано с «запломбированным вагоном», несомненно, проявилось совпадение интересов Ленина и ленинцев, с одной стороны, и германских военных с другой. Ленину нужно было как можно скорее добраться до взбаламученной России для осуществления своих политических замыслов; Германия по своим собственным расчетам (подрыв военных усилий России путем пораженческой пропаганды) оказала ему содействие, и он ни на минуту не поколебался воспользоваться им. В этом был весь Ленин, без сомнений отбрасывавший любые препоны, если они стояли на его пути к цели. Это был политик, для которого цель оправдывала средства...

4 апреля Ленин обнародовал свои ставшие знаменитыми «Апрельские тезисы» — всего лишь несколько страничек. Дореволюционная концепция большевиков, о которой уже сказано выше, была отброшена. Выдвигалась новая идея — большевистская партия должна была развернуть борьбу за «перерастание» революции в социалистическую, опираясь на пролетариат и беднейшее крестьянство. По достижении успеха устанавливалась «диктатура пролетариата» в форме власти Советов, которая и должна была практически осуществлять радикальные преобразования, означающие, по мысли Ленина, «шаги» по пути к социализму. Эти «шаги» предусматривали установление рабочего контроля за производством

и распределением продуктов, конфискацию помещичьих земель в пользу крестьян, борьбу за немедленный мир и др. Что тут было собственно «социалистического» — сказать трудно. К тому же другие демократические партии отнюдь не выступали против такого рода намерений. Но Ленин требовал осуществления их немедленно и для критически мыслящих людей было понятно: подлинная цель ленинских требований — власть. Естественно, это означало устранение Временного правительства, и тех структур, на которые оно так или иначе опиралось. Однако, Ленин, осознавая, что время для этого еще «не созрело», не выдвигал «открытого» лозунга свержения Временного правительства, предложив обходный путь. В соответствии с его «тезисами» должен был пропагандироваться другой лозунг — лозунг «Никакой поддержки Временному правительству!», осуществить который, однако, можно было только через Советы, пока тоже поддерживавшие правительство. В связи с этим Ленин выдвигал лозунг «Вся власть Советам!» (даже эсеро-меньшевистским) и выдвигал перед своей партией главную задачу — завоевание большинства в Советах. Большевизированные Советы, считал он, — лишат правительство поддержки и, таким образом, на путях «мирной, политической борьбы возьмут в свои руки всю полноту власти». Однако совершенно очевидно, что такая позиция большевиков вела их к неизбежному противостоянию и конфронтации с другими социалистическими партиями и группами (меньшевиками, эсерами и др.), поддерживавшими Временное правительство. Ни меньшевики, ни эсеры отнюдь не стремились к переходу власти в руки Советов. Они смотрели на них совсем иначе. Для них — это были лишь «временные бараки», необходимые при строительстве демократического государства, не более. Ленин, конечно, хорошо знал это и решительно отверг «каменевские» объединительные тенденции. Он вообще настаивал на полном разрыве с социал-демократией II Интернационала, как погрязшей в оппортунизме, требовал создания Коммунистической партии и Коммунистического Интернационала.

Вполне естественно, что лидеры и ведущие публицисты социалистических (не говоря уже о так называемых буржуазных) партий решительно отвергли ленинские «Апрельские

тезисы». Никто из них и не помышлял о переходе власти к Советам. В них они видели лишь инструмент, на определенном этапе способствующий углубленной демократизации России — и не более того. Ленинские тезисы были охарактеризованы ими как «бред», «контрреволюционная пропаганда», «возбуждение пламени гражданской войны» и т.п. Невозможно было представить стремительного перехода фактически отсталой, к тому же потрясенной войной страны с подавляющим большинством крестьянского населения... к социализму! Но «Апрельские тезисы» встретили непонимание и отторжение и в «верхах» самой большевистской партии, где, как уже отмечалось, руководящую роль играл Л.Каменев, полагавший, что невозможно переходить к социалистической революции, не осуществив экономических и социальных преобразований демократического характера. Менее «теоретически» подготовленные большевики, по свидетельству большевика М.Лашевича, вообще мало поняли из ленинской «постановки вопроса» и были явно ошарашены. Лашевич вспоминал, как он подошел с недоуменным вопросом к И.Сталину, но тот лишь неопределенно ответил: «обойдется». Зато Л.Серебряков был более категоричен: «Либо мы дураки, либо Ильич того» (он покрутил пальцем у виска).

Не прошло, однако, двух-трех недель, как от этого неприятия практически не осталось следа. Как писал в своих воспоминаниях один из основателей российской социал-демократии А.Потресов, в партии уважали Г.Плеханова, любили Ю.Мартова, но... шли за Лениным. И на этот раз политическая воля Ленина, его энергия, его беспощадная критика оппонентов отбросила все возражения, сомнения и колебания. Приехавшие на Апрельскую конференцию (в 20-х числах апреля) молодые члены партии были возбуждены ленинскими призывами: у них «захватывало дух», для них, «рвавшихся в бой», открывалась поразительная и заманчивая перспектива. «Апрельские тезисы» получили на большевистской конференции полную поддержку! Капитулировал и Каменев, «каменевское» руководство было отодвинуто, столь же решительно, как в марте «шляпниковское». Верх взяли

прибывшие большевики — эмигранты, прежде всего Ленин и Зиновьев.

В мае 1917 г. из США в Россию вернулся Л.Троцкий. Поначалу он формально примкнул к уже упоминавшейся группе «межрайонцев», занимавшей промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками, но фактически стал сотрудничать с Лениным. Включение политика такого масштаба, как Троцкий, без сомнения, укрепило большевистское руководство. Однако, большевистским лидерам еще предстояла нелегкая работа по «большевизации масс», которые пока довольно прочно поддерживали меньшевистско-эсеровские Советы, а через их посредство — и Временное правительство. Но уже события, происходившие во время заседаний большевистской Апрельской конференции, показали, что определенная часть населения, во всяком случае Петрограда, под влиянием продолжающейся войны и экономического кризиса, быстро радикализуется. Ленин видел, может быть, не дальше других социалистических лидеров, но то, что их страшило и то, что они, как могли, пытались предотвратить, всему этому он не только смело шел навстречу, но и всеми доступными средствами содействовал. Они хотели остановить анархию, он ее разжигал...

18 апреля министр иностранных дел кадет П.Миллюков допустил очевидный политический промах: он обратился к союзникам с заявлением, в котором заверял их, что Россия будет продолжать войну до победного конца. Это не соответствовало заявлениям Петроградского Совета о необходимости борьбы за демократический мир, мир без аннексий и контрибуций. Часть солдат Петроградского гарнизона, пользовавшегося правом «невывода на фронт», вышла на улицы. Солдат поддержали рабочие некоторых заводов и фабрик. По некоторым данным на улицы и площади вышли до 100 тыс. чел. Большевики сразу же выдвинули лозунги «Долой министров-капиталистов!», «Долой войну!». Небольшая группа большевиков во главе с одним из лидеров Петербургского комитета С.Багдатыевым, по-видимому, до конца не поняв смысл главного ленинского лозунга «Никакой поддержки Временному правительству!», скоропалительно выставила лозунг «Долой Временное правительство». Багдатыев впус-

ледствии вспоминал, что, по его мнению, в нем не было призыва к немедленному свержению правительства. Представитель ЦК, присутствовавший при обсуждении этого лозунга, не протестовал против него и не требовал его снятия.

Поэтому Багдатов пребывал в некотором недоумении по поводу отстранения его от руководства Исполнительной комиссией ЦК. Он, видимо, плохо понимал «политическую игру» Ленина.

Между тем началась контрдемонстрация тех элементов петроградского населения, которое поддерживало Временное правительство и, которое шло, главным образом, за партией кадетов. В их рядах находились офицеры, чиновники, студенты и т.д. Они вышли с лозунгом «Доверие Временному правительству!». Кое-где возникли столкновения, в том числе и с применением оружия. Командующий Петроградским военным округом, генерал Л.Корнилов приказал выдвинуть на Дворцовую площадь несколько артиллерийских орудий, однако приказа его был отменен Исполкомом Петроградского Совета. Исполком также потребовал от Временного правительства «разъяснений» по поводу заявления Милюкова, а когда они были даны, признал их достаточными. Казалось, конфликт улажен.

Но апрельские события обнаружили первые опасные симптомы; прогрехотал первый раскат возможной гражданской войны. Для того, чтобы блокировать развитие этой угрозы, остановить непредсказуемые последствия, была выдвинута и реализована (хотя и не без борьбы) идея коалиции демократических сил — от кадетов до социалистов. Большевики, естественно, решительно отвергли ее, объявив предательством интересов трудящихся. Такое правительство, утверждали они, хотят создать для того, чтобы сохранить и укрепить буржуазный режим, не дать рабочему классу и беднейшему крестьянству развить и углубить революцию по социалистическому пути, добившись быстрого выполнения своих требований.

Однако, в начале мая 1917 г. первое коалиционное Временное правительство было образовано. В его состав вошло 16 министров, из которых 7 являлись представителями социалистических партий: от меньшевиков до народных социа-

листов. Премьер-министром остался князь Г.Львов, но Милюков и Гучков покинули свои посты и ушли в отставку. Место кадета Милюкова занял беспартийный М.Терещенко, место октябриста Гучкова (военного министра) — эсер А.Керенский. Довольно скоро ведущую роль в правительстве стали играть А.Керенский, М.Терещенко и левый кадет Н.Некрасов, а также занявший пост министра почт и телеграфа, меньшевик И.Церетели. Опубликованная этим правительством программа провозглашала дальнейшую демократизацию страны, борьбу с хозяйственной разрухой, подготовку радикальной аграрной реформы и стремление к достижению всеобщего мира. Для реализации этой широкомасштабной программы Временное правительство нуждалось в политической стабильности, при этом немалые надежды возлагались на Петроградский и другие Советы, имевшие значительное влияние как в тылу, так и на фронте. Отныне ось политической борьбы в стране, борьбы за власть прошла по вопросу о коалиции: за или против. Практически все действующие партии (кроме большевиков) поддерживали идею соглашения, блока политических сил. В нем видели хрупкую, но, может быть, единственную гарантию поддержания внутреннего мира в стране, единственный шанс на предотвращение общественного раскола и скатывания к гражданской войне. Только большевики решительно отвергли идею коалиции, как преграду на пути к победе задуманного ими дальнейшего, социалистического «углубления» революции. Слово «коалиция» стало одним из наиболее бранных в их лексиконе.

3 июня в Петрограде начал работу I-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором меньшевики и эсеры располагали прочным большинством (из немногим более 800 членов 285 были эсерами, около 250 меньшевиками различных течений и всего лишь 105 большевиков). Один за другим поднимались на трибуну меньшевистские и эсеровские лидеры, доказывая и убеждая делегатов, что у «революционной демократии» нет иного пути, кроме соглашения, коалиции с партиями, представляющими интересы «цензовых элементов» (буржуазии), интеллигенции и других слоев, столь необходимых России для созидательной общественной и государственной деятельности. Выступление

Ленина, заявившего, что большевики одни готовы взять власть в любой момент, веселое оживление в зале, если не смех. Но, как гласит пословица, хорошо смеется тот, кто смеется последним... Через несколько дней съезд принял резолюцию доверия Временному правительству. Однако происшедшие вслед за тем события показали, что резолюция съезда, принятая меньшевистско-эсеровским большинством, — это одно, а колеблющиеся, переменчивые настроения петроградских рабочих и солдат — нечто иное. По решению президиума съезда и исполкома Петроградского Совета на 18 июня была назначена массовая демонстрация, которую лидеры Исполкома, избранного съездом, рассчитывали провести под своими — «соглашательскими» — лозунгами. Большевики решили принять участие в этой демонстрации, однако, под собственными лозунгами, главным из которых был «Вся власть Советам!». Даже близкая тогда к меньшевикам газета М.Горького «Новая жизнь» оценила демонстрацию, как «отрицательный вотум доверия существующему правительству». Прямое недоверие было высказано «министрам-капиталистам», а косвенное — и министрам-социалистам.

Ленин писал, что ни у кого из видевших эту громадную демонстрацию на Марсовом поле не осталось сомнения в превосходстве большевистских лозунгов «среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России». Сомнения, конечно, оставались (например, о всей России вряд ли стоило говорить), но и поддержка большевистского лозунга не была случайной. Она росла постепенно и определялась как затягиванием опостылевшей войны, усилением экономической разрухи, так в значительной степени и энергичной, напористой пропагандой большевиков, упрямо доказывавших, что пока у власти — буржуазия и «соглашательские» партии, жизненные интересы рабочих, солдат и крестьян не могут быть удовлетворены. «Зерна» этой пропаганды падали на взрыхленную почву...

18 июня позиции правительственной коалиции пошатнулись. Разразился второй (после апреля) политический кризис. Но если тогда кризис был разрешен созданием коалиционного, кадетско-социалистического правительства, то теперь разрешить его помогло начало уже давно подготавли-

вавшегося Временным правительством наступления на фронте. С ним связывались не только, и, может быть даже, не столько военные, сколько политические расчеты. Временное правительство и ВЦИК Советов полагали, что успех наступления окажет стабилизирующее воздействие на внутреннее положение в стране, собьет растущую волну радикализма и экстремизма*.

Как показали последующие события, решение о наступлении было одним из наиболее тяжелых просчетов Временного правительства. Моральное состояние армии, в значительной степени подорванное, главным образом большевистской пропагандой, полной «демократизации армии» и немедленного мира, было серьезно подорвано! Произошло прямо противоположное тому, на что делали ставку инициаторы и сторонники наступления. Поначалу складывалось впечатление, что намерения, связанные с наступлением на фронте, оправдываются. Когда в Петроград 19 июня поступили первые сведения о переходе в наступление войск Юго-Западного фронта (при поддержке других фронтов), множество людей вышло на улицы и площади города. С лозунгами «Война до победы!», «Доверие Временному правительству!» они двинулись к Мариинскому дворцу — резиденции правительства.

Однако только 8-я армия генерала Л.Корнилова (после апрельских событий в Петрограде он ушел с поста командующего Петроградским военным округом и отбыл на фронт), наступала успешно. Другие армии Юго-Западного фронта забунтовали почти с самого начала и остановились уже через несколько дней. Еще более безуспешными оказались наступательные действия других фронтов. А 6 июля германские войска нанесли мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта, осуществив так называемый Тарнопольский прорыв. Вся грандиозная затея с наступлением, в которую Временным правительством и лично военным министром Керенским было вложено так много сил, обернулась ужасной катастрофой. Начался беспорядочный, порой

---

* Для более эффективной организации и подготовки наступления в войска направлялись военные комиссары. Они назначались Временным правительством с согласия военного отдела ВЦИКа Советов.

панический отход русских войск. Многие части оказались захлестнутыми волной анархии, некоторые городки и села на пути отступления подверглись погромам, грабежам, мародерству. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор растерялся. Корнилов же именно в эти дни показал свою «железную руку». Позднее он говорил: «Я приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах с соответствующими подписями».

Тарнопольский прорыв по времени почти совпал с драматическими событиями в Петрограде. Все началось с неожиданного выхода министров-кадетов из Временного правительства. Официально из-за несогласия с признаниями краевой власти на Украине — Генерального секретариата Центральной Рады. Имелись ли иные соображения? Уходом из правительства кадеты, возможно, рассчитывали поставить своих партнеров слева — меньшевиков и эсеров — перед необходимостью одним держать ответ за неудачное наступление на фронте. Не исключено, что имелась и другая цель — политическое давление: чтобы не остаться в одиночестве, меньшевики и эсеры, казалось, должны были стать более податливыми и пойти на такое соглашение с кадетами, которое позволило бы более решительно действовать в создании «сильной власти».

Но политические маневры дали совершенно неожиданный результат. В первых числах июля большевистски и анархистски настроенные солдаты (прежде всего 1-го пулеметного полка) и рабочие некоторых заводов вышли на улицы Петрограда с требованием устранения Временного правительства и перехода всей власти в руки Советов. К ним присоединились прибывшие из Кронштадта матросы. Были ли эти выступления совершенно стихийными? Безусловно, сыграла свою роль предшествующая большевистская пропаганда и агитация большевиков. Несомненно имела место и их организационная работа.

Некоторые члены Военной организации большевиков, Петербургского и районных большевистских комитетов склонны были развивать движение до максимальных пределов — даже до вооруженного восстания. Искус, по-видимому, был велик

и у высшего руководства. Зиновьев вспоминал эпизод напряженных июльских дней, когда в Таврическом дворце даже Ленин, «смеясь», спрашивал его и Троцкого: «А не попробовать ли нам сейчас?». Однако, посерьезнев, тут же отвечал, что это невозможно: ни провинции, ни особенно фронт не поддержат. «Фронтовик придет и перережет питерских рабочих». Позднее Ленин писал, что в июльские дни большевики «не удержали бы власти.., ибо армия и провинция до корниловщины (т.е. до конца августа 1917 г.) могли пойти и пошли бы на Питер». Но это позднее...

А тогда на крутой волне вооруженных выступлений сразу же закипела ультралевая, экстремистская пена. С широко известной в Петрограде дачи бывшего министра внутренних дел П.Дурново, ранее захваченной группой анархистов и других леваков, раздавались открытые призывы к восстанию против правительства, реквизиции предприятий, банков, складов, магазинов. В некоторых районах города была открыта стрельба, появились убитые и раненые. Демонстранты направлялись в Таврический дворец, где заседал ВЦИК, врывались в зал заседаний, бурно требовали покончить «сделки с буржуазией», понуждая некоторых членов ВЦИК немедленно объявить о взятии власти. При этом едва не пострадал лидер эсеров В.М.Чернов. Только вмешательство Л.Троцкого и кронштадтского лидера Ф.Раскольников спасло его от жестокой расправы.

Правительственная и вообще антибольшевистская пресса связала воедино то, что произошло на фронте, с июльскими событиями в столице, представив их «большевистской попыткой прорвать внутренний фронт». Моментально подняли голову правые силы. В некоторых местах Петрограда начались столкновения с применением оружия. Было много жертв. Власти вызвали в город воинские части с фронта. 10 июля 1917 г. прокурор Петроградской судебной палаты Н.Каринский дал указание следователю по особо важным делам Александрову приступить к производству следствия «о восстании 3-5 июля». Во дворце Кшесинской, где находился ЦК большевиков и редакция «Правды» были подвергнуты обыску многие руководители большевиков (Л.Троцкий, А.Коллонтай, Ф.Раскольников, Л.Каменев и др.) и арестова-

ны по обвинению в подстрекательстве к восстанию, в попытке государственного переворота. Министр юстиции П.Н.Переверзев дал санкцию на публикацию показаний некоего прапорщика Ермоленко, уличавших Ленина в связях с германским Генштабом*. Ленин и Зиновьев вначале выразили готовность предстать перед следствием, но затем предпочли скрыться. Насколько все же верны обвинения, предъявленные Ленину и некоторым другим большевикам? Вероятнее ближе всего к истине был Г.Плеханов, давно и хорошо знавший Ленина, а после июльских событий дававший показания (в качестве свидетеля) в следственной комиссии Александрова. «Неразборчивость Ленина, — говорил он, — позволяет мне допускать, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую мысль о каких-либо личных, корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные с точки зрения закона действия, не отвергались им ради торжества его политики». В целом лидеры меньшевиков и эсеров не поддерживали версию о «германских связях» большевиков, хотя, пожалуй, и не проявляли особой настойчивости в ее опровержении. Такая позиция понятна: вожди ВЦИК были не против политической компрометации большевиков, но опасались, что в своем развитии она может быть использована правыми и против них самих. Но как бы там ни было, наверняка обвинения в шпионаже и в сущности «пилатовская» позиция лидеров ВЦИКа нанесли Ленину не только политическую, но и глубокую моральную травму. Зиновьев позднее вспоминал, что потрясенный Ленин в своем послеиюльском подполье (в Разливе) говорил ему: «Как же мы могли быть так глупы... идти к этой банде (речь шла о первоначальном намерении Ленина и Зиновьева согласиться на арест и расследование под контролем ВЦИКа. — *Авт.*). Беспощадная борьба с этой бандой!». После июльских собы-

---

* Д.С.Ермоленко попал в германский плен еще в 1914 г. Весной 1917 г. он перешел фронт, был задержан и на допросах показал, что получил от немцев задание по ведению пораженческой пропаганды. Такое же задание, по утверждению Ермоленко, имел и другой агент — Ленин. Эти «показания» и были использованы Переверзевым в сумятице июльских дней.

тий Ленин стал утверждать, что Советы капитулировали перед Временным правительством, превратились в его бессильный «придаток» и потому настаивал на снятии главного большевистского лозунга — «Вся власть Советам!». Практически это уже означало призыв к подготовке вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства и захвата власти. Однако состоявшийся вскоре VI съезд партии в отсутствие Ленина молчаливо уклонился от этого требования, приняв не слишком определенную, аморфную резолюцию с призывом готовиться к грядущим классовым боям.

Июльские события показали, что Россия дрейфует в пропасть гражданской войны: слишком много раздражения и злобы накопилось в душах людей. Сторонники коалиции стремились остановить это движение, ее противники — большевики, проповедуя «углубление революции» через «классовую борьбу», фактически подталкивали его. Июль был первой, еще не четкой пробой «большевистского пера», которое меньше, чем через полгода уже твердо напишет: «октябрь»...

Между тем, в связи с выходом кадетских министров из правительства, коалиционное Временное правительство первого, «майского» состава перестало существовать.

Только 24 июля был объявлен состав нового, второго коалиционного Временного правительства. На этот раз в него вошли 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадет, 2 члена небольшой радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Правительство сдвинулось влево. Премьер-министром еще 8 июля стал эсер Керенский. В этот момент его «звезда» достигла апогея. Он стал как бы звеном, соединяющим «цензовиков» и «революционную демократию», символом единения, как тогда говорили, всех «живых», «государственно-мыслящих» сил страны. Большевики яростно клеймили его как «бонапартиста», лавирующего между революцией и контрреволюцией. Проведение центристской политики в обстановке углубляющегося общего кризиса и нараставшей в связи с ним поляризации общественных сил было невероятно трудной задачей. «Линия» Керенского нередко «срывалась» в маневрирование, подчас в лавирование, которое тянуло власть в тупиковое положение. В своем кругу Керен-

ский жаловался на то, что его желание «идти посередине» мало кто понимает и принимает. Действительно, ни левые, ни правые (а они наращивали свои силы) не были удовлетворены, и на обоих флангах все больше и больше накапливались крайние, радикально или даже экстремистски настроенные элементы, активно стягивавшие под свои лозунги новых сторонников. Существовал ли все-таки шанс на успех центристской политики? Трудный вопрос. Многие отвечают на него отрицательно. Но интересно мнение уже упоминавшегося Ф.Степуна. Он считал, что центристский, демократический курс отнюдь не был обречен на провал. Но Керенскому следовало стремиться не только идти «посередине», лавируя между левыми и правыми, а более последовательно проводить свою «линию». Впрочем, это — «пророчество, предсказывающее назад». Более определенно можно, пожалуй, сказать одно: Керенскому не хватало качеств политического лидера, способности в оценках событий исходить из реальности, а не из собственных идеалистических представлений. В этом отношении Ленин на две головы превосходил Керенского.

Правые: борьба за диктатуру

Итак, политический центр атаковывался как слева, так и справа.

С левого фланга атаки усилились с возвращением в Россию (в начале апреля) Ленина — этого большевистского Робеспьера, дававшего мощные импульсы своей партии, которая под его руководством повела энергичную борьбу за власть. Правые, консервативные силы по вполне объяснимым причинам несколько «задержались на старте». Слишком крут и внезапен был ход февральских событий, слишком глубокий шок вызвал он среди правых. Пожалуй, единственным политическим центром, к которому в сложившейся обстановке, по крайней мере, некоторые из них могли потянуться, стала кадетская партия, после Февраля оказавшаяся на правом крыле политического спектра (более правые

партии и организации либо исчезли со сцены, либо перестали играть сколько-нибудь заметную роль). Однако, кадеты не только поддерживали Временное правительство, но (с начала мая) являлись и правой частью коалиционного Временного правительства, левую часть которого составляли меньшевики и эсеры. Поэтому те правые круги, которые уже скептически относились к усилиям Временного правительства сдержать и остановить «революционную анархию», начали искать собственный путь борьбы с ней. В этих кругах крепла идея создания «власти твердой руки», практически — диктатуры. Одни, правда, еще считали, что эта идея совместима с укреплением власти Временного правительства путем освобождения его от «давления» Советов и других, как они говорили, «безответственных организаций». Другие, напротив, склонны были считать, что «спасение страны» — только в установлении военной диктатуры. Но если у левых — сторонников так называемой «пролетарской диктатуры» — уже нашелся свой Робеспьер, у крайне правых — сторонников военной диктатуры — весной 1917 г. свой Бонапарт или Кавеньяк еще не находился. Многие, впрочем, предсказывали его появление, в том числе и Ленин. «Не Церетели или Чернов, — писал он, — даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка. На это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент...: отстранитесь...»^{*}. Так и произошло.

А.Деникин позднее в «Очерках русской смуты» писал, что в генеральско-офицерской среде уже в конце марта многие приходили к мысли о том, что «революционный пасхальный перезвон» слишком затянулся, что пора «бить в набат». По имеющимся данным, поиск потенциального диктатора начался еще в апреле. Обсуждались кандидатуры генералов Алексеева, Лечицкого, командующего Черноморским флотом, адмирала Колчака^{**}, но в конце концов военные и некоторые представители промышленных и финансовых кругов, также обеспокоенных развитием событий в стране,

---

^{*} Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 345.

^{**} Осенью 1918 г. Колчак возглавит Белое движение в Сибири, будет провозглашен Верховным правителем России. После поражения в боях с красными он будет арестован и в начале февраля 1920 г. расстрелян в Иркутске. Его тело сбросят в реку Ангару.

стали сходиться на генерале Корнилове, который тогда, как мы знаем, еще занимал пост командующего Петроградским военным округом.

Имя Корнилова было популярно в России. Летом 1916 г. он совершил, кажется беспримерный для генерала побег из австрийского плена, куда попал весной 1915 г. после окружения части его 48-й стрелковой дивизии. Газеты и журналы тогда много писали о нем. Он получил Георгиевский крест и был назначен командиром 25-го армейского корпуса. В дни бурных февральских событий в Петрограде, стремясь «взять в руки» взбунтовавшийся Петроградский гарнизон, Родзянко просил генерала Алексеева назначить командующим округом популярного генерала Корнилова. Алексейев явно нехотя согласился (он сомневался в пригодности Корнилова для этого поста) и по его представлению Николай II, уже находясь в Пскове, утвердил новое назначение Корнилова. На своем новом посту Корнилов был вовлечен в круговорот политических страстей. Однако, апрельский кризис, прервал деятельность военного министра А.Гучкова и его подопечного — Корнилова. Он вновь возвратился на фронт, получив теперь 8-ю армию Юго-Западного фронта.

Тем временем в Петрограде, Москве и других городах, как раз в мае-июле стали возникать политические организации, ставившие своей целью «установление порядка». Наиболее значительным был, пожалуй, так называемый Республиканский центр, связанный с рядом военных организаций, таких как Союз георгиевских кавалеров, Военная лига, Союз бежавших из плена, Совет союза казачьих войск и др. Субсидировался Республиканский центр некоторыми крупными банками и, располагая определенными средствами, уже в июне установил связь с образованным в мае «Союзом офицеров армии и флота», главный комитет которого находился при Ставке (в Могилеве). Эти организации и приступили к консолидации правых и крайне-левых сил. После провала летнего наступления сторонники «сильной власти» и «наведения порядка» свои надежды связали с Корниловым. При поддержке комиссаров Временного правительства эсеров

Б.Савинкова* и М.Филоненко**, по достоинству оценивших его решительность в эти драматические дни, генерал Корнилов делал буквально головокружительную карьеру. В середине июля он уже стал главнокомандующим Юго-Западного фронта, а в 20-х числах июля — Верховным главнокомандующим! Бывший террорист Савинков мечтал теперь создать власть, сочетающую «красное знамя Керенского» и «крепкую руку Корнилова», власть, которая, как он полагал, сможет ликвидировать Советы и другие «самочинные», «безответственные» организации, покончив с развалом и анархией в стране. Возможно, что честолюбивый Савинков имел и собственные планы. Вчерашний революционер и террорист, в 1917 г. стал сторонником сильной государственной власти, в которой, возможно, видел себя, если не главной, то одной из главных фигур. По представлениям Савинкова, выдвигая Корнилова, Керенский должен был стремиться привлечь на свою сторону верхушку армии и с ее помощью стабилизировать обстановку. Однако у Корнилова и тем, кто делал на него ставку, по всей вероятности, имелись собственные намерения и собственные цели. Керенский, конечно, не мог не учитывать этого. К Корнилову он относился с подозрением. Но не доверял Керенскому, не полагался на него и Корнилов. Обстоятельства, однако, вынуждали их к сотрудничеству, скорее всего — временному. Каждый рассчитывал пройти свой путь с помощью другого, а в подходящий момент так или иначе расстаться.

Уже через неделю после прибытия в Ставку в качестве верховного главнокомандующего Корнилов на совещании с некоторыми министрами, приехавшими в Могилев, заявил, что для поднятия боеспособности войск и укрепления порядка в стране необходима не одна, а три армии: «армия в

---

* В период первой революции Б.Савинков был одним из руководителей Боевой организации эсеров. Затем эмигрировал, писал романы с осуждением террора. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. После падения Временного правительства вел борьбу с большевиками как в годы гражданской войны, так и после ее окончания. В 1924 г. нелегально прибыл в Советскую Россию, был арестован, приговорен к расстрелу, замененному затем на длительное заключение. Покончил с собой в тюрьме ГПУ.

** После Октября эмигрировал. Работал во Франции как адвокат. Позднее жил в США.

окопах..., армия в тылу и армия железнодорожников». Все три армии, говорил Корнилов, должны быть подчинены той же самой одной «железной дисциплине», которая будет установлена для армии, «держашей фронт».

Корниловская идея (создание «трех армий») была положена в основу разработки «записки» (или доклада) для Временного правительства, в составлении которой приняли участие Савинков, Филоненко и некоторые военные и гражданские чины Ставки. В «военном разделе» Корнилов требовал восстановления в полной мере власти генералов и офицеров; правительственные комиссары, хотя и сохранялись, но и их функции сводились к функции «врачей», которые «по оздоровлении армии» должны считать свою задачу выполненной. Сохранялись и созданные после Февраля войсковые комитеты, но им предлагалось действовать в точном соответствии с новым положением, по которому они ставились перед альтернативой: либо «проводить в сознание масс идеи порядка и дисциплины», либо «поддаться безответственному влиянию масс и тогда нести кару по суду». Митинги в армии запрещались вообще, собрания допускались только с разрешения комиссара и комитета. Корниловская «записка» клеймила тыловые гарнизоны (прежде всего Петроградский гарнизон), которые стали почти что «бандами празднующихся». Предлагалось немедленно установить одинаковый режим как для фронта, так и для тыла, распространив на тыл закон о смертной казни. Для расформирования неповиновующихся частей следовало создать «концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком».

«Гражданская часть» «записки» требовала объявить железные дороги, а также большую часть заводов и шахт на военном положении. Митинги, стачки, забастовки запрещались, точно также как и вмешательство рабочих в «хозяйственные дела». За невыполнение установленной нормы должна была последовать отправка рабочих на фронт. «Указанные мероприятия, — говорилось в «записке», — должны быть проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью...». «Руководительство судьбами государства» должно осуществляться «спокойной и со-

знательной твердостью людей мощной воли, решившихся во чтобы то ни стало спасти свободную Россию».

Основные идеи «записки» Корнилова, несколько «смягченные» Савинковым и Филоненко, вообще говоря, были приемлемыми для Керенского и Временного правительства, также стремившегося остановить экономическую разруху, стабилизировать политическую ситуацию, укрепить законность и порядок, предотвратить общий развал. Однако, ознакомившись с ней в первых числах августа, Керенский занял уклончивую позицию. Не отвергая ее в целом, он в то же время объяснял Савинкову, что проведение мер, в ней обозначенных, требует времени, осторожности и подготовки, поскольку слишком высокий «темп» их реализации может обернуться лишь противоположным результатом: недовольством и возмущением революционизированных «масс», что еще больше усугубит обстановку и пошатнет положение правительства. Осторожность Керенского, возможно, имели и более конкретную причину: уже шла подготовка к Государственному совещанию в Москве, на котором он рассчитывал получить вотум доверия «от всей земли». Однако сведения о «записке» и некоторых разногласиях между премьером и главковерхом проникли в прессу. Левые (меньшевистские, эсеровские, и, конечно, большевистские) газеты забили тревогу. Казалось, началась настоящая кампания за смещение Корнилова с поста главковерха. Тогда, как можно предполагать, по инициативе, исходящей из Ставки, развернулась встречная, прокорниловская кампания. Правые организации, группировавшиеся вокруг Республиканского центра и только что образовавшегося Совещания общественных деятелей, куда вошли скрытые монархисты, октябристы и кадеты, представители буржуазных и помещичьих организаций, провозгласили настоящий залп резолюцией о «несменяемости» Корнилова. Его популярность в правых кругах резко шла вверх, что было воспринято в Ставке как сигнал к активизации давления на Керенского и Временное правительство. Собственно говоря, этому способствовала и вся обстановка в стране. Экономика уже была близка к параличу. Из-за разрухи на транспорте ухудшилось продовольственное положение в Петрограде и Москве. В некоторых городах на воен-

ных заводах по неустановленным причинам происходили катастрофы, усиливавшие общую тревогу, подозрительность, нервозность. Росла уголовная преступность, во многих местах происходили еврейские погромы. Положение на фронте не сулило ничего хорошего: обозначилось предстоящее германское наступление на Рижском направлении, что создавало угрозу непосредственно Петрограду. В нем уже начинались первые признаки паники. Большевики клеймили правительство и «соглашательский» ВЦИК как пособников буржуазии и этим «объясняли» почти все невзгоды, обрушившиеся на страну и народ. Это находило отклик в «низах». Однако если в чем-либо и следовало упрекать правительство, то только в неспособности найти пути к быстрому преодолению тяжелейшего кризиса. Но существовали ли такие пути? Так или иначе, складывалось положение, о котором всегда мечтают экстремисты: чем хуже, тем лучше. В Ставке, Республиканском центре и «сопутствующих» организациях были люди, которые считали: день «х» приближается.

Парадокс заключался в том, что подготовка к нему велась под вполне «легальным» прикрытием. Впрочем, то же произойдет и в октябре, когда левые экстремисты-большевики будут готовить переворот, прикрываясь лозунгом борьбы со «второй корниловщиной».

Поскольку в случае захвата немцами Риги возникала угроза Петрограду, Корнилов начал форсировать реализацию разработанного еще в 1915-1916 гг. плана создания Особой Петроградской армии. Был отдан приказ о переброске III конного корпуса генерала А.Крымова и Туземной («Дикой») дивизии генерала Д.Багратиона с Юго-Западного фронта в район Великие Луки — Невель — Новосokolьники. Другим приказом с северного флота в район между Выборгом и Белоостровом должна была быть переброшена 5-я Кавказская дивизия из состава 1-го конного корпуса генерала А.Долгорукова. На дальних подступах к Петрограду создавался мощный кулак...

Тем временем в Москве, в Большом театре 12 августа открылось Государственное совещание. Большевики бойкотировали его, рассматривая как собрание контрреволюционных сил. По общему мнению Керенский выступил на совещании

неудачно, нервно. Говоря о тяжелейшем кризисе, в котором оказалась страна, он взывал к единству, к примирению всех общественных сил и политических партий и, видимо, сам плохо веря в действенность этих призывов, грозил левым и правым. Но все знали, что это лишь слова, слова, слова... Россия тонула в словах, речах и резолюциях.

Речь Корнилова имела другой характер. Он предупреждал, что если в ближайшее время не будут приняты решительные меры, фронт рухнет. То, что по своему положению он, видимо, не мог сказать, договаривал донской атаман, генерал А.Каледин, открыто призвавший ради спасения страны ликвидировать революционно-демократические организации.

Выступивший от имени ВЦИКа Н.Чхеидзе предложил программу оздоровления страны, которая сочетала проведение целого ряда мер государственного контроля в экономике с сохранением основ капиталистического производства. Правда, она содержала отступления от программы, выработанной на I-ом Всероссийском съезде Советов в июне, но в этом имелся определенный смысл. «Программа Чхеидзе» в целом могла стать приемлемой и для демократических кругов буржуазии. В знак единения меньшевик И.Церетели и представитель промышленно-финансовых кругов А.Бубликов на сцене демонстративно пожали друг другу руки. Увы, это был не более, чем жест. Государственное совещание не смогло преодолеть катастрофического раскола общества.

После Государственного совещания правые, прокорниловские силы ощутили себя окрепшими. Почувствовал это и Керенский. 17 августа, пригласив Савинкова, он сообщил ему, что принципиально согласен с содержанием «записки» Корнилова и даже дал поручение разработать соответствующие законопроекты. 23 августа Савинков по указанию Керенского прибыл в Ставку*. Состоялись переговоры. Быстро договорились о выделении Петрограда и его окрестностей (так называемого Петроградского военного губернаторства) из пределов Петроградского военного округа, который в со-

---

* В это время Савинков занимал пост управляющего военным министерством.

ответствии с желанием Корнилова передавался в подчинение Ставки. Далее Савинков заявил: поскольку у правительства существует опасение, что при введении в действие законопроектов, основанных на корниловской «записке», могут возникнуть «серьезные осложнения», усугубленные будто бы ожидаемым 28 или 29 августа «выступлением большевиков», то необходимо принять соответствующие меры. Правительство просило поэтому отдать распоряжение, чтобы 3-й конный корпус и некоторые другие части были подтянуты к столице. От имени Керенского Савинков просил только не поручать командование 3-им конным корпусом генералу Крымову. Уже на другой день войска начали это движение. 3-им конным корпусом командовал... Крымов. Однако до сих пор не вполне объяснимое вмешательство бывшего оберпрокурора Синода В.Львова сорвало, казалось бы, согласованные действия Керенского и Корнилова. Приехавший из Ставки Львов, 26-го августа явился к Керенскому и будто бы от имени Корнилова предъявил ему ультиматум о передаче власти верховному главнокомандующему. Керенскому и Савинкову предлагалось прибыть в Ставку для переговоров о формировании нового правительства. Керенский, уже давно подозревавший наличие в Ставке противоправительственного заговора, по-видимому, решил, что его подозрения подтвердились и немедленно начал действовать. Он приказал арестовать В.Львова и особой депешей объявил о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего. Когда она пришла в Ставку, Корнилов не подчинился. В нескольких обнародованных обращениях он заявил, что Временное правительство действовало и действует по указке Совета, где притаилось немало германских агентов. Войскам генерала Крымова было приказано двигаться прямо на Петроград.

Ответные шаги Керенского были не менее энергичными: он потребовал от Временного правительства чрезвычайной власти, которая была ему дана потрясенными министрами. Все они подали прошения об отставке. Корнилов был объявлен мятежником. Атмосфера была крайне напряженной. Как писал Л.Троцкий, «город в те дни затих. Ждали Корнилова, одни с надеждой, другие — с ужасом».

ВЦИК Советов и Исполком крестьянских Советов собрались на свое экстренное совместное заседание вечером 27 августа. В итоге длительных бурных дебатов в конце концов была принята резолюция, в которой правительству выражалось доверие, а Керенскому поручалось заменить ушедших министров-кадетов (кадетов заподозрили в содействии Корнилову)* «демократическими элементами». Одновременно было согласовано решение о подготовке к созыву еще одного государственного совещания, но с участием делегатов только революционно-демократических и демократических организаций, поскольку те, кто составлял правое большинство московского Государственного совещания, как считали, оказались замешанными в «корниловщину». Это было решение о так называемом Демократическом совещании, которое открылось позже — в середине сентября.

К концу 27 августа ВЦИК создал чрезвычайный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией. В состав комитета вошли представители президиумов ВЦИК и Исполкома Советов крестьянских депутатов (по 5 чел.), партий эсеров и меньшевиков (по 3 чел.), Всероссийского совета профсоюзов (2 чел.), Петроградского совета профсоюзов (1 чел.), Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (2 чел.) и ряда других организаций. Но для того, чтобы этот революционно-демократический орган обрел действительную силу, необходимо было, чтобы в него вошли и большевики, поскольку наиболее радикально или экстремистски настроенные «массы», готовые к решительной борьбе с «корниловщиной», шли за ними. Это было ясно не только лидерам ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов, но и Керенскому. «Июльский грех» большевиков был забыт. Большевики, естественно, не упустили благоприятный момент. В директивной телеграмме местным партийным организациям большевистский ЦК предписал: «Во имя отражения контрреволюции работать в техническом и ин-

---

* П.Милюков так определил двойственную позицию кадетов по отношению к Корнилову: «сочувствие, но не содействие». Это, по-видимому, верная формула. Кадеты готовы были воспользоваться плодами победы Корнилова, но считали неоправданным риском принять участие в деле, в котором они видели немало авантюризма.

формационном сотрудничестве с Советами, при полной самостоятельности политической линии». При этом в качестве важного условия ЦК на своем заседании 30 августа потребовал «освобождения арестованных в связи с событиями 3-5 июля и возвращения на свои посты преследуемых вождей рабочего класса — Ленина, Зиновьева и др.».

Представители большевистской партии (В.Невский и др.) вошли в состав Комитета народной борьбы с контрреволюцией. И хотя подчеркивался технический и информационный характер «блока» с оборонцами в составе этого комитета, на практике в дни борьбы с подступавшими к Петрограду войсками Крымова практически возникло политическое единство социалистических, советских партий.

29 августа части Петроградского гарнизона заняли боевые позиции между Финским заливом и Невой, готовясь встретить противника. Но боевых действий не потребовалось. На стороне правительства и революционной демократии был огромный перевес. Агитации и блокирования железнодорожных путей оказалось достаточно, чтобы парализовать движение войск генерала Крымова. Дальше Семрино, Луги и Ямбурга части 3-го конного корпуса и «Дикой дивизии» продвинуться не смогли, а созданная ранее корниловская «пятая колонна» в Петрограде, просто не решилась поднять голову.

Корниловский «мятеж» развеялся, как дым. Попытка установления военной диктатуры провалилась. Крымов застрелился. 1 сентября в Могилеве были арестованы Корнилов и другие генералы Ставки. «Ликвидацию» Ставки по поручению Керенского, взявшего на себя обязанности верховного главнокомандующего, осуществил генерал Алексеев, вполне сочувственно относившийся к замыслам и планам корниловцев. Л.Троцкий был, вероятно, прав, когда саркастически заметил в своей «Истории русской революции»: Алексеев и Корнилов при встрече «надо полагать, единодушно расходовали свой солдатский словарь по адресу Керенского...». Но поручение Алексееву, конечно, не было случайным. Керенский хотел хоть как-то сгладить то отрицательное впечатление, которое он произвел на правых, прокорниловские кру-

ги. И напрасно. Они не простили ему «коварства и предательства».

Корниловские события круто изменили всю политическую ситуацию в стране. Провал «корниловщины» означал тяжелое поражение правых. Они были деморализованы. Стушевались кадеты. В явной растерянности пребывали меньшевики и эсеры, которые соглашением с кадетами «ослепили» себя и просмотрели правый путч. Большевики же, которые внушали «массам», что правительство Керенского — лишь ширма, за которой собирает и соберет свои силы контрреволюция, увеличили кредит доверия.

Корниловское выступление привело лишь к новому всплеску революционной анархии. Особенно она усилилась в армии, поскольку офицерство было окончательно дискредитировано как «корниловское» и то немногое, что еще как-то держало дисциплину и боеспособность войск рухнуло. Большевики пожинали жатву, — жатву просчетов Временного правительства, прямолинейности корниловских генералов, осторожности лидеров «революционной демократии», жатву их политиканства и амбиций. Можно сказать: поражение Корнилова открыло путь к победе Ленина. Уже в конце августа два ведущих Совета — Петроградский и Московский — впервые приняли большевистскую резолюцию, требовавшую покончить с политикой коалиции и передать власть Советам. Сам Ленин признал все это неожиданным поворотом событий.

Левые: борьба за диктатуру «пролетариата»

В ретроспекции хорошо видно, что перед меньшевистско-эсеровскими лидерами ВЦИКа возникла трудная альтернатива: с кем «идти» дальше? По-прежнему с кадетами, с «цензовыми элементами», с которыми они уже прошли полугодовой путь, приведший к «корниловщине», или с большевиками, поддержка которых быстро радикализующейся частью солдат и рабочих становилась все более ощутимой? Итак, направо или налево?

Вечером 1 сентября на заседании ВЦИКа обсуждался вопрос о власти. К этому времени Керенский предпринял шаг, который, как он полагал, должен был оказать давление на колеблющихся лидеров ВЦИКа: было объявлено о создании временной Директории из 5 лиц, в которой кадеты отсутствовали. В ее состав вошли: сам Керенский (эсер), М.Терещенко (беспартийный), двое военных — генерал А.Верховский и контр-адмирал Д.Вердеревский, А.Никитин (меньшевик), Л.Каменев и другие большевики — члены ВЦИКа утверждали, что созданная Керенским Директория — «правительство лично для него». Меньшевистские и эсеровские лидеры правого и центристского направлений (М.Скобелев, М.Либер, Н.Авксентьев и др.) доказывали, что революционная демократия одна не сможет сформировать правительство, которое найдет широкую поддержку, что коалиция с «цензовыми элементами» должна быть продолжена, пусть не с кадетами, но с другими буржуазными представителями, приверженными демократическим принципам. Во всяком случае, утверждали они, необходимо поддержать Керенского и Директорию, по крайней мере, до предстоящего вскоре открытия Демократического совещания.

Большевистская резолюция «О власти», требующая перехода власти к Советам, была ВЦИКом отклонена. Он принял меньшевистско-эсеровскую резолюцию, призывавшую решить вопрос о власти на Демократическом совещании, а до той поры — поддерживать Керенского.

Тем не менее шансы на реализацию большевистских предложений полностью не исчезли: в среде меньшевиков и эсеров усиливались противоречия, обострялась борьба различных группировок, что при определенных обстоятельствах, возможно, могло сдвинуть их влево. Даже Церетели, наиболее стойкий борец за коалицию, с кадетами, не исключал возможности в дальнейшем, как он говорил, пойти «на риск» Советской власти. У эсеров также все громче раздавались голоса левых, отвергавших коалицию с кадетами, с «цензовиками».

Находясь в укрытии в Финляндии, Ленин в первой декаде сентября написал несколько статей, которые, казалось бы, ориентировали партию на возврат к апрельской, доиюльской

линии: на борьбу за развитие революции по социалистическому, но мирному пути: либо в политическом сотрудничестве, либо в политическом соперничестве с меньшевиками и эсерами. Ленин быстро уловил «послекорниловский сдвиг» и сделал очередной тактический ход.

Между тем «большевизация» Советов довольно быстро набирала темп, хотя ей еще далеко было до того, чтобы принять общий характер. Самое же главное состояло в том, что те, кто поддерживал лозунг «Вся власть Советам!» совершенно не воспринимал его, как требование создания большевистского правительства. В него вкладывался иной смысл: власть должна перейти в руки Советов, которые сформируют правительство из представителей всех социалистических партий, входящих в Советы. Однако наращивание большевистского влияния в некоторых Советах все больше тревожило меньшевистско-эсеровских руководителей ВЦИКа и некоторых местных Советов, поддерживавших ВЦИК. Если в конце августа и в первых числах сентября они заметно колебались в вопросе о коалиции с «цензовыми элементами» и колебались с довольно ощутимым уклоном влево, то теперь (к середине сентября), потерпев поражения в некоторых Советах (в Петрограде, Москве, Гельсингфорсе и др.) и отдавая себе отчет в том, что этот процесс может привести их к утрате ведущих политических позиций, они снова повернули вправо. Они по-прежнему отвергали «всевластие Советов», видя в них представительство лишь части населения страны — революционной демократии. Более чем полугодовое преобладание в Советах, ставшее для них как бы естественным положением руководителей «министерских» партий, можно думать, мешало им свыкнуться с мыслью, что они в один прекрасный день окажутся в меньшинстве, перейдут в оппозицию. Они понимали, что долго большевики не станут делить с ними руководство в Советах.

14 сентября предстояло открытие Демократического совещания. Во многих демократических организациях (местных самоуправлениях, кооперативах, Советах областного уровня, сельских Советах, профсоюзах, армейских комитетах и др.) меньшевики, эсеры и левые «цензовые элементы» еще удерживали большинство, и в случае формирования прави-

тельства на Демократическом совещании, оно могло поставить заслон большевизирующимся Советам рабочих и солдатских депутатов. Меньшевистско-эсеровские лидеры считали, что одни Советы, пусть даже широко представленные рабочими, солдатами и крестьянами, не могут претендовать на представительство всего огромного населения России*, что ничем не может быть оправдано исключение других социальных слоев, не только не менее, но даже более способных к общественному и государственному управлению. В передаче власти одним Советам они вполне обоснованно видели угрозу дальнейшему расколу страны, путь к гражданской войне.

Большевики же, напротив, настаивали на приглашении в качестве участников Демократического совещания представителей Советов и армейских организаций более низкого уровня, представителей местных профсоюзов, заводских комитетов и т.п. Смысл этого предложения был очевиден: большевики также хотели усилить свои позиции на Совещании. Однако ВЦИК это предложение, тоже по понятным причинам, отклонил.

Среди делегатов Демократического совещания было 532 эсера (в том числе 71 — левый эсер), 172 меньшевика (из них 56 — левых, интернационалистов), 55 народных социалистов, 17 — беспартийных и 134 большевика. Такой «расклад» давал преимущество сторонникам правого крыла меньшевистско-эсеровского блока, т.е. сторонникам продолжения коалиции с буржуазными элементами, «цензовиками», с кадетами.

Может быть, как всегда, первым значение наметившегося нового «коалиционного крена» в расчетах меньшевиков и эсеров оценил политически сверхчувствительный Ленин. Приблизительно с середины сентября его мысль, ранее казалось, обращенная к возможному компромиссу с меньшевиками и эсерами, резко меняет свое направление. Этот поворот, как можно думать, определялся двумя факторами. Во-

---

* По состоянию на июнь-июль 1917 г. Советы представляли примерно немногим более 20 млн. чел. Однако нельзя не учитывать того, что избрание советских депутатов, как правило, проходило хаотично и избиратели далеко не всегда хорошо представляли, кого они делегируют в Совет.

первых, продолжающейся радикализацией «масс» (вернее — части их), выдвигавшая большевиков на политическую авансцену, и, во-вторых, опасением, что возобновление прежней коалиции если не остановит, то затормозит этот процесс.

Так или иначе, в середине сентября Ленин решительно поднял вопрос о подготовке вооруженного восстания против Временного правительства. В письме в ЦК «Большевики должны взять власть», написанном 12-14 сентября, он писал: «Вопрос о том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Далеко не все большевистские лидеры были к этому готовы и желали этого. Июльский разгром еще был свеж в памяти. Но, главное, конечно, было не в этом. Вопреки распространенному впоследствии мнению, большевистская партия в 1917 году не являла собой монолит. В ней было довольно сильно умеренное, «правое» крыло, склонное на определенных условиях к блокированию с другими социалистическими партиями и неохотно принимавшее сверхрадикальные «установки» Ленина. Такие настроения наиболее явственно ощущались в его отсутствие. Так было до его возвращения в Россию, в определенной мере так было после июльских событий, когда он скрывался в Разливе, так случилось и теперь.

Между тем Демократическое совещание торжественно открылось в Александровском театре 14 сентября. Зал был декорирован красными знаменами, которые подчеркивали приверженность участников совещания революционным идеям.

От большевиков на первом заседании выступил «правый большевик» Л.Каменев. Он говорил, что можно составить любую программу для революционной демократии, но было бы полной утопией считать, что такую программу будут честно проводить в жизнь буржуазные партии. Каменев предлагал демократии, представленной на этом совещании, создать новое правительство. Такая позиция Каменева давала некоторый шанс меньшевикам и эсерам, ибо речь не шла о передаче власти исключительно Советам. Несколько иную точку зрения выразил Л.Троцкий. Он призывал к разрыву с

«буржуазией» и к созданию такого правительства, которое обеспечит передачу всей власти Советам. Несмотря на некоторые различия, речи Каменева и даже Троцкого, казалось бы, ориентировали на сотрудничество в рамках Демократического совещания. Но это (особенно позиция Каменева) совершенно не соответствовало позиции В.И.Ленина.

15 сентября, состоялось заседание ЦК, на котором главным вопросом было обсуждение писем Ленина о подготовке вооруженного восстания и, следовательно, разрыве с Демократическим совещанием. Предложение И.Сталина о «рассылке писем в наиболее важные организации» было отклонено. Постановили сохранить только один экземпляр писем, остальные уничтожить.

Таким образом, «директива» Ленина фактически была отвергнута ЦК, в котором возобладали «правые». Однако она не осталась без последствий. Кажется, она повлияла на позицию Троцкого, который, выступая на Демократическом совещании, заявил теперь не только о «шагах» по направлению к власти Советов, но о передаче им власти. Позиции Ленина и Троцкого быстро сближались.

А работа Демократического совещания шла тем временем в утомительных дебатах и словопрениях, от которых страна уже давно устала. Только 19 сентября главный вопрос — о власти — был поставлен на голосование. Он выявил раскол, а то и просто неразбериху, которые царили в рядах «революционной демократии».

Определились в основном три «течения». Правое крыло меньшевистско-эсеровского блока (И.Церетели, Н.Авксентьев и др.) взяло курс на возобновление и продолжение коалиции с кадетами. Центр — меньшевики-интернационалисты и часть эсеров (Ю.Мартов, В.Чернов и др.), отвергая эту «старую» коалицию, выдвигал идею создания демократического, практически «однородносоциалистического» правительства, опирающегося не только на Советы, но и другие демократические организации. Как знать, может быть в сложившихся тогда условиях (растущей поляризации общества) эта центристская позиция могла дать определенные шансы на выход из тупика в обострившейся борьбе за власть. Правительство, созданное на широкой демократической основе,

смогло бы, вероятно, с одной стороны лишить опоры левых и правых экстремистов, а с другой — получить поддержку в кругах демократически настроенных «цензовиков».

Левые — большевики — колебались между позицией Ленина и Троцкого, выдвигавших требование немедленной передачи всей власти Советам, и Каменева, осторожно склонявшегося к сотрудничеству с другими социалистическими партиями. Возобладало, однако, течение в поддержку возобновления коалиции с кадетами. По предложению И.Церетели решено было передать вопрос о формировании власти постоянному органу, который предстояло избрать Демократическому совещанию — так называемому «Совету республики» (или «Предпарламенту»^{*}). Это позволило Керенскому сформировать под своим председательством новое, третье по счету коалиционное правительство. В него вошло 6 кадетов, 1 эсер, 3 меньшевика, 2 трудовика, 1 независимый и 2 военных. Предпарламент выразил ему свою поддержку. В результате вместо левой, демократической коалиции, сохранялась та кадетско-социалистическая коалиция, которая уже исчерпала себя в дни «корниловщины». Власть как бы пошла по тому же кругу, вызвав раздражение и недовольство в «обществе» и в «низах», жаждавших перемен.

Создание нового — третьего по счету — коалиционного правительства совпало с началом деятельности новых Исполкома и Президиума Исполкома Петроградского Совета. Теперь он состоял из 13 большевиков, 6 эсеров и 7 меньшевиков. Председателем Исполкома Петроградского Совета стал Л.Троцкий. Одна из самых ключевых политических позиций фактически оказалась в руках большевиков. Это могло привести и вело к конфронтации между Петроградским Советом, с одной стороны, и Временным правительством, поддерживаемым ВЦИКом, с другой. Однако среди значительной части большевистского руководства будущее все же связывалось не с вооруженным восстанием против Временного правительства, а скорее с созывом и решениями II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

---

^{*} Он наделялся законосовещательными функциями и должен был прекратить свою деятельность за неделю до открытия Учредительного собрания.

26 сентября большевистский «Рабочий путь» поместил статью Г.Зиновьева, в которой говорилось: «Полновластным хозяином земли русской мы считаем созываемый на 20 октября Съезд Советов. Если этому съезду дано будет состояться, то к этому времени опыт с “новой” коалицией, мы убеждены, окончательно провалится, и ряд промежуточных элементов присоединится, наконец к нашему лозунгу “Вся власть Советам!”».

Но меньшевистские и эсеровские лидеры, контролировавшие ВЦИК Советов, не торопились с созывом II съезда. Уже шла подготовка к выборам в Учредительное собрание, и созыв съезда Советов мог лишь помешать нормальному демократическому процессу. Ленин, опасавшийся, что благоприятный момент для взятия власти может быть упущен, резко критиковал «легалистскую» позицию части большевистских руководителей, исключавших взятие власти без санкции съезда Советов. В письме членам ЦК, ПК, МК и Советов, написанном 29 сентября, он в присущей ему манере писал: «”Ждать” съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели или даже дни решают теперь все. Это значит трусливо отречься от взятия власти, ибо 1-2 ноября оно будет невозможно (и политически, и технически: соберут казаков ко дню глупейшим образом «назначенного» восстания)». В примечании к письму он добавил: «”созывать” съезд Советов на 20 октября для решения “взять власть” — чем же это отличается от “назначения” восстания по-глупому??». Ленин предлагал свой план: ударить по Временному правительству одновременно из трех главнейших пунктов: из Питера, Москвы и Балтийского флота. В крайнем случае Москва может даже начать. Главное — начать, главное — действовать решительно, сверхрешительно, освободившись от «парламентского кретинизма». В большевистских «верхах» некоторые считали, что это отдает бланкизмом, авантюризмом. Но что это было в сравнении с тем колоссальным сгустком политической воли, которой являл собой Ленин?

Крах демократического центра: установление левой диктатуры

А политическая ситуация «работала» на Ленина. В стране не прекращались забастовки, вспыхивали крестьянские бунты, усиливался национальный и региональный сепаратизм, фронт рушился, дезертирство принимало все более массовый характер. Немцы захватили Моонзундские острова, оттеснили Балтийский флот в Финский залив. Угроза Петрограду становилась реальной. Временное правительство уже обсуждало планы «разгрузки» Петрограда и эвакуации в Москву. Апатия и озлобление становились преобладающими. Умеренные политические партии, признававшие свою ответственность, надрывно призывали к единству, к коалиции. Большевики, напротив, культивировали «классовую» ненависть, указывая — Временное правительство. А оно все больше «повисало» в воздухе. Слева от него все явственнее зияла пустота. В то же время после провала «корниловщины», власть окончательно утратила доверие и опору справа. В этих кругах теперь не без злорадства смотрели на то, как над Временным правительством сгущались «большевистские тучи». Мало кто тогда верил, что большевики — это всерьез и надолго. Отводили им месяц, может быть два, после чего они неизбежно должны быть сметены полнейшей анархией, которая охватит страну. Тогда требования «порядка» зазвучат в полный голос, и «силы порядка» заявят о себе. А потому чем хуже, тем лучше — считали здесь. Правительство уже само чувствовало, что оно оказалось в положении «сидящего между двух стульев», но проявляло удивительную инертность. По черно-юмористическому выражению одного из современников, казалось, что даже брюки сидели на министрах, как на покойниках. Власть действительно была близка к параличу.

В такой ситуации точка зрения Ленина и Троцкого, в соответствии с которой партия должна была, наконец, решиться на самые активные действия для захвата власти, стала находить все большую поддержку. 5 октября ЦК большевиков принял исключительно важное решение. В протоколе засе-

дания записано: «После дискуссии принимается всеми против одного решение уйти из Предпарламента в первый же день по прочтении декларации». Этим «одним» был все тот же Л.Каменев*. В заявлении, поданном в ЦК, он заявил: уход из Предпарламента «предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии». Действительно, уход из Предпарламента означал, что большевики решительно порывают не только с правительством, но и с другими социалистическими и демократическими партиями, что они «выходят на боевую тропу». Так это и было понято. В Петрограде зациркулировали слухи о близящемся большевистском восстании. Об этом прямо писали многие газеты.

Первое заседание Предпарламента открылось 7 октября под председательством одного из лидеров эсеровской партии Н.Авксентьева.

Выступив от имени правительства, Керенский в который раз призвал к консолидации всех политических сил, видя в этом единственный путь выхода из тяжелейшего кризиса, в который все глубже и глубже погружалась страна. Но снова более или менее четкой, конкретной программы в его речи не содержалось. Призывы, призывы и угроза в адрес «безответственных агитаторов», подрывающих «единение страны». На трибуну поднялся Троцкий. Невзирая на открытую обструкцию правой части Предпарламента, он зачитал декларацию об уходе большевиков. Она заканчивалась словами: «Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности! Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам! Вся власть народу! Да здравствует немедленный, честный, демократический мир!».

В те дни Троцкий стал митинговым оратором № 1. В цирк «Модерн», куда чуть ли не ежедневно стекались тысячи рабочих с фабричных окраин, солдат гарнизона и матросов,

---

* К дальнейшему участию в Предпарламенте склонялся и Г.Зиновьев.

прибывавших из Финляндии и Кронштадта, его вносили на руках. Лозунги большевиков, требовавшие земли и мира сегодня, сейчас встречались овациями. Мало кто задумывался о последствиях, о будущем. Эти люди жили сегодняшним днем. В большевиках чувствовалась энергия, воля; они не призывали ждать, они не просили новых жертв, не требовали чего-то отдать, они сами выражали готовность дать и дать немало...

5 и 7 октября (уход большевиков из Предпарламента) во многом обусловили 10 и 16 октября — поистине судьбоносные для России дни, когда вернувшийся в Петроград Ленин сумел провести на заседаниях ЦК партии решение о начале непосредственной подготовки к вооруженному восстанию. Согласно Устава партии, вопрос о выработке политической линии находился в компетенции партийного съезда. VI съезд партии, как мы уже отмечали, не вынес решения о вооруженном восстании. Созвать новый съезд, где можно было бы решить такой вопрос, было, естественно, немыслимым делом, и его вынесли на заседание ЦК. В него еще на VI съезде избрали 21 члена и 10 кандидатов. На тайном заседании ЦК 10 октября присутствовали лишь 12 человек: 11 членов ЦК и один кандидат. За ленинскую резолюцию о вооруженном восстании проголосовало 10 человек (9 членов и один кандидат). Против курса на вооруженное восстание выступили Л.Каменев и Г.Зиновьев. Они заявили, что «объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». По мнению Каменева и Зиновьева, большевистское восстание неизбежно приведет партию к изоляции, так как резко восстановит против нее все демократические силы, поддерживающие Учредительное собрание, которое скоро должно начать свою работу. Призывать теперь к восстанию, — говорили они, — значит сорвать Учредительное собрание. Они утверждали, что какие-либо расчеты на поддержку международного пролетариата (один из главных аргументов Ленина и Троцкого) — совершенно неосновательны.

Имеется много свидетельств, согласно которым после принятия резолюции 10 октября она, однако, не была принята на вооружение. На местах очень многие разделяли мнение Каменева и Зиновьева. Через несколько дней пришлось

снова тайно собирать ЦК, на этот раз с привлечением представителей партийных и профсоюзных организаций Петрограда. На этот раз присутствовали 12 членов ЦК и 1 кандидат. За резолюцию Ленина, поддерживающую резолюцию от 10 октября, проголосовало 19 человек, 4 воздержались и 2 (те же Каменев и Зиновьев) высказались против. Однако решающими могли считаться только голоса двенадцати присутствовавших членов ЦК, из которых 2 были против, а голос одного кандидата не являлся решающим. Следовательно, ленинская резолюция вторично получила всего 9 голосов — менее 50% состава ЦК. Как когда-то 10 человек решили судьбу монархии в России, так теперь 9 человек решали судьбу демократии! Правда, предстоял еще II Съезд Советов. 18 октября Каменев сообщил свою точку зрения в газету М. Горького «Новая жизнь», что вызвало яростную реакцию Ленина, расценивавшего поступок Каменева, а заодно и позицию Зиновьева как «штрейкбрехерство», чуть ли не предательство и потребовавшего их исключения из партии. Он утверждал, что они... выдали «врагу» срок восстания, хотя только глухой мог не слышать в эти дни о том, что большевики готовятся к вооруженному выступлению. Об этом на всех крышах чирикали воробьи...

24 октября, воспользовавшись явно ошибочным, опрометчивым приказом властей все-таки вывести часть Петроградского гарнизона на фронт, Троцкий заявил, что контрреволюция перешла в наступление. Поддержав Ленина, Троцкий разработал тактику захвата власти. Он должен был проходить под легальным прикрытием. Конечно, она мало кого вводила в заблуждение, но все-таки (для самих «повстанцев») создавала какую-то видимость «законности». При Петроградском Совете был создан Военно-революционный комитет (ВРК), — как орган защиты революции и революционного гарнизона Петрограда от возможных контрреволюционных поползновений (интересно, что предложение о создании ВРК — Комитета по обороне — исходило от меньшевиков!). Теперь этот орган должен был возглавить восстание и заранее рассылал своих комиссаров в войсковые части гарнизона.

Троцкий не раз заявлял, что большевики не собираются «выступать». Он даже вел какие-то переговоры с командую-

щим Петроградским военным округом Г.Полковниковым, заверял его в этом. Поверил ли Полковников или тоже хотел свержения ненавистного Временного правительства, — сказать трудно. Во всяком случае практически ничего серьезного не было сделано для ликвидации возможного восстания. Но рано утром 24 октября петроградские власти допустили еще одну большую ошибку: юнкера совершили «налет» на редакцию большевистского «Рабочего пути». В ВРК это было расценено как начало наступления контрреволюции. Под предлогом защиты революции Троцкий распорядился приступить к установлению контроля над ключевыми объектами города — телеграфом, телефоном и др. Расчет явно делался и на то, что к 25 октября — дню открытия II Всероссийского съезда Советов — фактический контроль над городом уже будет в руках Петроградского Совета, и Всероссийский съезд под давлением большевиков санкционирует переход власти к Советам. Такая тактика оказалась успешной. По воспоминаниям современников очень немногие в Петрограде понимали, что, собственно, происходит и уж во всяком случае не ощущали атмосферы вооруженного восстания или нечто подобного. «Исторический момент» современниками не чувствовался...

Днем 24 октября Керенский явился в Предпарламент и потребовал выражения ему полного доверия для решительной, в том числе и вооруженной, борьбы с большевистским выступлением. Однако лидеры меньшевиков и эсеров предложили ему заявить о готовности приступить к мирным переговорам и аграрной реформе, полагая, что это выбьет почву из-под большевистской пропаганды. Они явно опасались военного подавления большевиков. В этом случае дело скорее всего дошло бы до введения в Петроград войск с фронта. Вставал призрак «корниловщины», которая вместе с большевиками готова была разгромить все революционно-демократические организации. Меньшевики и эсеры больше боялись правых, чем большевиков.

Не получив поддержки Предпарламента, Керенский решил действовать на свой страх и риск. Утром 25 октября, почти беспрепятственно минуя матросские и красногвардейские патрули, Керенский выехал из Петрограда в Псков, в штаб Северного фронта, чтобы оттуда лично привести войс-

ка. Второй раз после Февраля старый Псков оказывался в центре политических событий. От него и теперь, как в первые мартовские дни, зависело многое...

Когда исполнявший обязанности председателя президиума 1-го ВЦИК (избранного на I Всероссийском съезде Советов еще в июне) меньшевик Ф.Дан открыл съезд (в Смольном в 10 ч. 40 мин. вечера 25 октября), почти весь город уже находился в руках большевиков. Держался только Зимний дворец, где находилось Временное правительство. По воспоминаниям многих участников съезда, зал Смольного был набит людьми в рабочих поддевах, солдатских шинелях, матросских бушлатах. Многие курили и сизый дым махорки плавал над рядами кресел и в проходах между ними. Троцкому, как он впоследствии писал, вообще показалось, что кругом все серо, что «господствовал серый цвет». Поскольку большинство на съезде принадлежало большевикам или их сторонникам, президиум составили на такой пропорциональной основе: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и т.д. Но меньшевики и правые эсеры отказались от участия в президиуме. Места в нем заняли большевистские и левозесеровские лидеры, среди них Л.Троцкий, Л.Каменев, Г.Зиновьев, А.Луначарский, А.Рыков, В.Ногин и др. Председателем президиума был избран Л.Каменев — «правый большевик», который, как мы уже знаем, выступал против ленинского курса на вооруженное восстание, хотя через несколько дней принял в нем самое активное участие. Можно предположить, что выбор Каменева не являлся случайным: он мог демонстрировать, что большевики не заговорщики и сектанты, что они открыты для переговоров с другими партиями. Ленина в зале не было, но он находился тут же, в Смольном, в небольшой пустой комнате, на пол которой кто-то положил одеяла и подушки, чтобы можно было прилечь*. Он настойчиво, а то и гневно требовал скорейшего взятия Зимнего...

---

* В Смольный Ленин пришел поздно вечером 24 октября в сопровождении связного Э.Рахья. До этого он находился на нелегальной квартире М.Фофановой и покинул ее без разрешения ЦК, по-видимому, опасаясь, что в его отсутствие лидеры большевиков будут действовать недостаточно энергично и упустят момент для захвата власти. Рахья доставил в Смольный и Зиновьева, также находившегося на нелегальной квартире.

Практически первым слово взял левый меньшевик (интернационалист), Ю.Мартов. В создавшийся критический момент он был, пожалуй, единственной политической фигурой, способной остановить роковое развитие событий. Он говорил: «Задача Съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос Съезд нашел если не решенным, то predetermined, и мы (меньшевики-интернационалисты. — *Авт.*) считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией... Мирный исход возможен... необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями». Предложение Мартова поддержал С.Мстиславский, выступивший от левых эсеров.

В ходе работы II Всероссийского съезда наступил ответственный момент. Решающее слово теперь было за большевиками. И от них сейчас без преувеличения зависел ход исторических событий. На трибуну поднялся А.Луначарский, по характеристике Л.Троцкого, самый «бархатный» из большевистских ораторов. Луначарский заявил, что фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова.

Каменев тут же поставил предложение Мартова на голосование, и оно было принято единогласно под бурные аплодисменты всего зала. В этот момент II Всероссийский Съезд Советов находился в одном шаге от создания коалиционного Советского правительства, или, как тогда говорили, однородносоциалистического правительства. Идея коалиции еще жила!

Но съезд буквально терроризировался многочисленными внеочередными выступлениями. Из сохранившихся материалов съезда видно:^{*} в возбужденной, накаленной политическими страстями атмосфере съезда эту жизненно важную для страны перспективу может быть сорвали два внеочередных

---

* Стенограммы съезда нет. Она не велась из-за того, что стенографистки в знак протеста покинули съезд.

выступления армейских делегатов — меньшевиков Я.Хараша и Г.Кучина. Оба они заклеили то, что происходило в городе как большевистскую авантюру, заявили, что армия против нее и призвали «к мобилизации всех сознательных революционных сил для спасения революции». Были ли выступления Хараша и Кучина предварительно согласованы с руководством меньшевистской и правозесеровской фракций съезда? Этого нельзя утверждать, но нельзя и исключить. Во всяком случае только после их выступлений меньшевик Л.Хинчук и правый эсер Н.Гендельман официально заявили, что их фракция в знак протеста против заговора, который «ввергает страну в междоусобицу», «знаменует начало гражданской войны», покидают съезд. Сходные заявления сделали члены «Бунда» Р.Абрамович и Г.Эрлих.

Уход меньшевиков и эсеров со съезда скорее всего был ошибкой. Он развязывал руки большевикам, освобождая для них поле политической борьбы. На практике меньшевики и эсеры как бы пропускали большевиков к власти. Когда они спохватывались, было уже поздно... Забрезжившая было надежда на объединение «революционной демократии» рушилась на глазах. Ответ большевиков последовал незамедлительно. Большевистские армейские делегаты Ф.Гжельщак и Ф.Лукиянов дезавуировали выступление Хараша и Кучина. «Они, — горячо говорил Лукьянов, — излагают нам здесь мнение кучек, сидящих в армейских и фронтовых комитетах... Жители окопов, ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов». Но это, пожалуй, лишь подливало масла в огонь. Примерно 70 делегатов меньшевиков, правых эсеров, бундовцев и др., вытянувшись цепочкой, двинулись из зала. «Идите к Корнилову!», «Дезертиры!», «Враги народа!» кричали им вслед, как писал впоследствии Дж.Рид, «в буре криков, угроз и проклятий...».

Уход меньшевиков и правых эсеров ослабил те большевистские ряды, которые склонны были к компромиссу. Мартов — инициатор поиска «мирного исхода» и создания «единой демократической власти» — не мог, конечно, не понимать этого. Но он продолжал бороться фактически уже в безнадежном положении. По-прежнему он взывал к образованию «однородно-демократического министерства в резуль-

тате переговоров всех органов революционной демократии». Он предлагал избрать делегацию для переговоров, а до выяснения результатов ее работы отложить заседания.

Но теперь уже слово принадлежало не тем «мягким», «правым большевикам», которые склонны были поддержать Мартова. На трибуну поднялся Л.Троцкий, несколько дней спустя названный Лениным за решительный отказ от соглашения с меньшевиками и эсерами «лучшим большевиком». «Восстание народных масс, — говорил он, — не нуждается в оправдании. То, что произошло — это восстание, а не заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда...? Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!». И съезд также, как раньше бурно аплодировал Мартову, теперь он аплодировал Троцкому.

— Тогда мы уходим! — стараясь перекрыть шум, крикнул Мартов. У выхода из зала его остановил большевистский делегат от Выборга, молодой рабочий Акулов. «А мы считали, — с горечью сказал он, — что по крайней мере Мартов останется с нами». Мартов какое-то мгновение помолчал, потом ответил: «Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы участвовали». И вышел из зала...

Гул и шум стояли в зале. Трудно сказать, имелся ли теперь кворум, необходимый для принятия резолюций и постановлений. Но кто тогда думал о праве, о законности? Торжествовали самоуверенность, напор, ощущение силы и триумфа. И съезд без колебаний принимал резолюцию фракции большевиков, предложенную Троцким. «Уход соглашателей не ослабляет Советов, — указывалось в ней, — а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию». — Напрасно делегаты от Исполкома Советов крестьянских депутатов (Е.Гуревич), от левых эсеров (Б.Камков) и другие еще пытались вернуть съезд к предложению Мартова. Исход съезда

был уже решен. Вновь выступивший Луначарский заговорил теперь иначе: «...Мы все единогласно приняли предложение Мартова... Против нас повели форменную атаку, говорили о гробах, в которые нужно вколачивать гвозди, стали называть нас преступниками, авантюристами и т.д. ...К тем, которые ушли, уже давно неприменимо название революционеров, — они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев. С ними нам разговаривать не о чем».

В четвертом часу ночи с 25-го на 26-е Военно-революционный комитет сообщил о захвате Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Сообщение было встречено «оглушительными аплодисментами».

Второе заседание съезда открылось в 9 часов вечера 26 октября, на котором появился В.И. Ленин. Были приняты важнейшие документы: Декрет о земле, Декрет о мире, постановление об отмене смертной казни, резолюции против погромного движения, Декрет об образовании большевистского правительства — Совета народных комиссаров. В 5 ч. 15 мин. утра Каменев объявил II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов закрытым. Делегаты съезда запели «Интернационал», а по существу в это же время исполнявший обязанности председателя ВЦИК Советов Ф. Дан обратился к населению Петрограда с призывом объединить силы для ликвидации мятежа, означавшего «прямую гражданскую войну». Он был прав. Независимо от того, имелся ли на съезде кворум, необходимый для принятия декретов, невозможно было рассчитывать на то, что их примет вся огромная Россия: ведь съезд был собранием лишь рабочих и солдатских депутатов.

Тем временем Керенский, добравшись до Пскова, в штабе Северного фронта попытался организовать движение войск на Петроград. Однако главнокомандующий фронтом, генерал Черемисов явно не желал вмешиваться, как он говорил, в «петроградскую передрагу». Как и многие другие военные, он вероятно, не верил в прочность победы большевиков, но не хотел мешать им «убрать» Временное правительство. Только с помощью правительственного комиссара, меньшевика В. Войтинского Керенскому удалось кое-как

убедить командира III конного корпуса, генерала П.Краснова двинуть к столице несколько казачьих сотен. Одновременно в Петрограде меньшевики и эсеры создали антибольшевистский «Комитет спасения родины и революции». В него вошли представители почти всех ведущих демократических организаций Петрограда. Формально комитет возглавил Н.Авксентьев, но, пожалуй, наиболее активную роль в нем играл также правый эсер А.Гоу.

Торжество большевиков все еще было под вопросом.

Борьба еще не кончилась. Большевистская власть была так слаба, что несколько казачьих сотен, шедших на Петроград, и противодействие горстки юнкеров, поддерживавших Комитет спасения в самом Петрограде, могли без особого труда сбросить ее. Разразился кризис и в самой большевистской партии. Ряд видных большевиков отвергли Советскую власть только как большевистскую. Народные комиссары Рыков, Ногин и Милютин вышли из Совнаркома, а Каменев и Зиновьев — из ЦК. В этих обстоятельствах Ленин, Троцкий и др. вынуждены были согласиться на переговоры с меньшевиками и эсерами под эгидой Викжеля* — мощного профсоюза железнодорожников, угрожавшего всеобщей стачкой в случае продолжения политического и военного конфликта. Давление в пользу создания правительства из представителей всех советских партий, т.е. правительства коалиции левых сил, в большевистской среде было все еще сильно. Даже ВРК Северного фронта, который всецело поддерживал лозунг «Вся власть Советам!», решительно требовал создания именно такого правительства. В сложившейся ситуации Ленин и Троцкий вынуждены были согласиться на переговоры. Скорее всего, они видели в них «дипломатическое» прикрытие и только. Не исключено, что и их оппоненты из эсеро-меньшевистского лагеря смотрели на переговоры примерно так же. Все взоры были обращены на движение «войск» Керенского-Краснова. Все ждали вестей из-под Гатчины, где должно было состояться «генеральное сражение». Переговоры затягивались. Меньшевики и эсеры выражали готовность на формирование коалиционного прави-

---

* Штаб-квартира Викжеля находилась в Москве.

тельства с участием большевиков, но без Ленина и Троцкого. Их считали главными «виновниками» «октябрьской авантюры». Но что были большевики без этих двух своих вождей? Могли ли они действительно согласиться на такую уступку, означавшую фактическую капитуляцию?

«Воинство» Керенского и Краснова потерпело поражение. Казаки заявили о своем нейтралитете и желании уйти на Дон. Это, собственно, и предопределило окончательный провал переговоров. Ленину не стоило особого труда «разоружить» бунтарей в своей партии-победительнице. Они не заставили себя долго упрашивать и вернулись под его знамена. А Керенский еще 1 ноября подписал заявление о сложении с себя обязанностей премьер-министра и верховного главнокомандующего. Переодевшись матросом, он скрылся*. Временное правительство перестало существовать.

Была ли победа большевиков предопределена? Ход событий 1917 г., начиная с Февральского переворота, таил в себе много исходов: упрочение демократической коалиции (кадетско-социалистической или «однородносоциалистической»), установление военной диктатуры правых, наконец, победу диктатуры большевиков. Они и пришли к власти, благодаря экономическому и политическому кризису, радикализму и экстремизму «низов», просчетам Временного правительства и умеренных социалистов, замешательству меньшевиков и эсеров, и, пожалуй, главное — политической воле и политическому искусству их лидеров — Ленина и Троцкого.

Выдающийся философ и литератор, а в 1917 г. видный эсер Ф.Степун писал: «Монументальность, с которой неистовый Ленин... принялся за создание коммунистического общества, сравнимо разве только с сотворением мира, как было рассказано в книге Бытия». Но... «Но в ответ на ленинское “да будет так”, жизнь отвечала не библейским “и стало так”, но российским “и не стало так”». Декрет о мире обернулся гражданской войной, Декрет о земле — жестокой

---

* До лета 1918 г. он находился в подполье, скрывался под Лугой, Новгородом, в Финляндии, в Петрограде и Москве. В конце июня также нелегально с помощью английского представительства Р.Локкарта выехал из Советской России.

«продразверсткой»*, Декрет об отмене смертной казни — массовым террором. Сбылись худшие предсказания. Ленин и большевики хотели «перевернуть» Россию, но прошло время и Россия «перевернула» большевизм. Однако это уже другие страницы истории...

Материалы Особой следственной комиссии Временного правительства по расследованию июльских событий в Петрограде в 1917 г.

Вниманию читателя предлагаются не публиковавшиеся ранее следственные материалы по так называемому июльскому делу (1917 г.). Следствие пыталось придать июльским событиям обвинительный уклон против лидеров большевиков. Неслучайно многотомное следственное дело (почти 25 томов) подводится под характеристику вооруженного выступления против государственной власти, а в ходе следствия проводилась мысль даже о большевистском вооруженном восстании. Еще одной официальной установкой следствию было провести доказательство версии о «немецком шпионаже» и связи партии большевиков с германскими спецслужбами и немецким генеральным штабом.

Следователи во главе с П.А.Александровым (сведения о нем даются в комментариях) не смогли тем не менее найти убедительных и осязаемых подтверждений ни той, ни другой версии. В результате почти все задержанные в июльские дни были освобождены еще до 25 октября 1917 г., правда, под денежный залог. Исключение составили руководители кронштадтских большевиков (Ф.Ф.Раскольников, С.Г.Рошаль) и некоторые другие, вышедшие из тюрьмы «Кресты» позже.

Делопроизводство в ходе следствия в целом было организовано весьма тщательно и скрупулезно. Всего было опрошено около 300 свидетелей. Показания арестованных и свидетелей были подробно записаны следователями и выверены. Запись велась на специальной долгохранящейся бумаге,

---

* Продразверстка — принудительное изъятие хлеба и других продуктов у крестьян.

что весьма облегчает работу с текстами. Отдельные показания были сделаны машинописью.

Исследователь, изучая июльские следственные материалы, имеет возможность сравнивать и сопоставлять различные сведения и подробности, имеющиеся в делопроизводстве, ознакомиться с мнением об июльском кризисе и видных политиков, и рядовых людей, Отдельные фрагменты обширного источникового комплекса об июльских событиях вводились в оборот еще в 20-х — начале 30-х гг. Однако в дальнейшем из-за существовавшего режима секретности в архивах и в силу иных причин публикации июльских материалов прекратилась, хотя важность их для осмысления сути июльских событий 1917 г. очевидна.

Не имея возможности изложить весь материал следствия, составители воспроизвели текст обвинительного заключения и отдельные показания, касающиеся наиболее острых моментов обвинений большевиков.

Видимо, целесообразно осуществить в перспективе полную фондовую публикацию материалов Особой следственной комиссии, что позволит снять многие тенденциозные и необъективные суждения об одном из драматических моментов революции 1917 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1917 года 1 июля 21 дня судебный следователь по особо важным делам Петроградского Окружного Суда Александров, рассмотрев производимое предварительное следствие, о восстании 3-5 июля сего года¹, нашел нижеследующее: 3-го июля вечером на некоторых улицах города Петрограда появились мчавшиеся автомобили и грузовики с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими.

Они останавливали частные моторы, высаживали под угрозой расстрела шоферов и седоков. Затем занимали автомобили, устанавливали на них пулеметы и присоединялись к другим вооруженным моторам. Вскоре открылась из ружей и пулеметов беспорядочная стрельба, имевшая результатом не-

сколько жертв из мирного населения, случайно или по делу находившегося на улицах.

3-го июля к восстанию присоединился Первый пулеметный полк.

Руководителем этого выступления был прапорщик — Семашко. Он в марте месяце окончил пулеметные курсы, при офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме и в апреле должен был отправиться с пулеметной ротой на фронт, но самовольно не исполнил этого распоряжения, и продолжал являться в полк, устраивал общие собрания без ведома полкового комитета и образовал в полку «Коллектив большевиков», исключительно из числа солдат, его ближайших сотрудников, которые на собраниях препятствовали выступлениям всех с ними не согласных.

Этот коллектив, находился в связи с военной организацией Цент. ком. Рос. с.д. раб. партии, обосновавшейся в самовольно захваченном доме Кшесинской, на Б.Дворянской улице д. № 1/2².

Около 10 часов вечера полк выстроился и в полном вооружении в сопровождении грузовиков и автомобилей, вооруженных пулеметами, направился к дому Кшесинской, где его приветствовало с балкона несколько человек, призывая к вооруженному выступлению³.

Далее полк направился к Таврическому дворцу, где к нему обратились с речами Зиновьев и Троцкий⁴.

Последний, приветствуя вооруженное выступление, заявил, что завоевание уже сделано, так как рабочая секция с.р. и с.д. согласилась на то, чтобы вся власть была сосредоточена в Совете рабочих и солдатских депутатов. Троцкий говорил, обращаясь к солдатам, что «Совет рабочих и солдатских депутатов убеждает вас не ходить с оружием, между тем, честному человеку бояться оружия нечего, его должен бояться только бесчестный. Вы раньше ходили без оружия, искали продовольствия, но это ни к чему не привело, когда Вы выступили с оружием — тогда дело другое, теперь с оружием Вы можете потрусить у буржуев спрятанные ими продукты, — наша возьмет».

Кроме Зиновьева и Троцкого, выступал солд. I п.п. Жилин, настаивавший на необходимости выбора от каждой ро-

ты делегации для предъявления требований Временному правительству⁵.

Все это происходило около двух часов ночи, после чего воинские части направились в казармы; по дороге им попадало навстречу несколько вооруженных автомобилей, производивших стрельбу и призывавших войско к избиению буржуазии.

На другой день 4-го июля в полк явился прапорщик СЕМАШКО с матросами и рабочими и стал побуждать солдат отправиться с оружием и пулеметами требовать свержения правительства⁶.

Третьего июля из Петрограда прибыл в Кронштадт мичман Ильин, именующий себя Раскольниковым, с несколькими делегатами от пулеметного полка и выступил на митинге, на Якорной площади, призывая к вооруженному выступлению в Петрограде для ниспровержения Временного правительства и передачи всей власти в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Раскольников заявил, что рабочая секция Совета рабочих и солдатских депутатов уже высказалась за этот лозунг и что большая часть Петроградского гарнизона выступить вооруженной с таким же требованием, но нужно, чтобы и Кронштадт присоединился к этому.

В тот же вечер Исполнительный комитет с.р. и с.д. г. Кронштадта собрался под председательством Раскольникова, который вынес резолюцию собраться в 6 часов утра всем войсковым частям на Якорной площади с оружием в руках, а затем строго организованным порядком отправиться в Петроград и совместно с войсками петроградского гарнизона произвести вооруженную демонстрацию под лозунгом «вся власть в руки Совета солдатских и рабочих депутатов». Постановление это за подписью Раскольникова, как председателя комитета, в ту же ночь путем телефонограмм от имени начальника всех морских частей г. Кронштадта было разослано во все сухопутные и морские части города.

По данному гудком сигналу солдаты, матросы и рабочие, вооруженные винтовками, 4-го июля на утро стали собираться на Якорной площади, где на трибуне были произнесены Раскольниковым, Рошалею и солдатом, личность кото-

рого пока не установлена, речи, призывавшие к вооруженному выступлению. Здесь же были розданы собравшимся патроны.

Руководителями этого выступления, как это установлено показаниями свидетелей, были Раскольников, Рошаль и указанный солдат. Они переписывали являвшиеся войсковые части и распоряжались посадкою войск на пароходы для отбытия в Петроград.

Число участвовавших в этом выступлении было около 5000 человек. Отъезд из Кронштадта состоялся около 9 часов утра, а прибытие к Николаевскому мосту около 11 часов. Высадившись у Николаевского моста, все выстроились в колонну и под руководством тех же лиц двинулись по набережной Невы, свернули на Биржевой мост и, пройдя Зоологический сад, вышли к дому Кшесинской⁷.

Там вскоре на балконе появились поочередно сначала *Луначарский*, а затем *Ленин*, которые, приветствуя кронштадтцев «как красу и гордость революции», призывали отправиться к Таврическому дворцу и требовать свержения министров-капиталистов и передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов, причем Ленин сказал, что в случае отказа в этом следует ждать распоряжений от центрального комитета.

Во время произнесения Лениным речи один из кронштадтцев писарь Перстнев крикнул ему: «довольно, товарищ, кормить нас одними только словами, ведите нас туда и затем, зачем нас позвали», после чего было отдано приказание идти к Таврическому дворцу по маршруту, указываемому Раскольниковым и Рошалем⁸.

По дороге к Таврическому дворцу, на встречу попадало много автомобилей и грузовиков с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими.

По пути на Литейном проспекте была открыта перестрелка, продолжавшаяся около часа и повлекшая за собою многочисленные человеческие жертвы; во время этой перестрелки обратило внимание одного из свидетелей то обстоятельство, что те, «которые агитировали в Кронштадте за вооруженное выступление, оказались первыми трусами и разбегались»⁹.

По удостоверению начальников частей многие из матросов совершенно не сочувствовали вооруженному выступлению, но должны были принять в нем участие под угрозой расстрела со стороны руководителей¹⁰.

Ввиду происшедших обстоятельств и случившейся на пути к Таврическому дворцу перестрелки, воинские части подошли ко Дворцу возбужденными и пытались произвести арест некоторых из министров, принимавших в то время участие в заседании в Таврическом дворце комитета с.с. и с.д.¹¹

Многие из воинских чинов оставили свои части и, вернувшись на пристань, в тот же день вернулись в Кронштадт.

По возвращении в Кронштадт 6-го июля на одном из судов был найден на бланке Военной организации при центральном комитете Российской социал-демократической партии (Б.Дворянская 1-2) приказ от 5-го июля 1917 года за № 2045 на имя центрального комитета Балтийского флота за подписью мичмана Раскольникова нижеследующего содержания: «Прошу товарищей от имени военной организации прислать в Кронштадт на всякий случай крейсер “Россию” или “Диану”, либо какое-нибудь другое судно с артиллерийским вооружением»¹².

Как выяснено следствием, приказ этот был вручен в доме Кшесинской мичманом Раскольниковым одному из матросов, как делегату с поручением отправить его в Гельсингфорс в Центральный комитет Балтийского флота, однако поручение это не было исполнено и приказ оказался на одном из судов.

Выступление 1-го пехотного запасного полка произошло по подстрекательству прапорщика Сахарова¹³, солдат Ивана и Гаврила Осипова и Лейзера Славкина при следующих обстоятельствах.

3-го июля к вольноопределяющемуся 1-го пехотного запасного полка Торскому, как председателю комитета, явилось несколько солдат этого полка и рабочих и заявили, что весь Петроградский гарнизон постановил выступить с оружием, что такое постановление вынесено и первым пулеметным полком и что и 1-ый пехотный запасной полк тоже должен присоединиться к этому постановлению. На это председатель полкового комитета заявил, что на слово он

поверить не может и просит принести указанное постановление.

Однако подождав до 9 часов вечера и не получив его, Торский ушел домой, а в 10 часов по телефону ему было сообщено, что часть полка при оружии уже выступила из казарм и направилась в Таврический Дворец, где ее Торский и нагнал. Там выбранная от полка делегация вошла в Таврический дворец и выразила от имени полка требования; изложенные на принесенных полком плакатах: «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов» и «Долой 10 министров-капиталистов».

Исполнив это, полк, по настоянию председателя полкового комитета Торского, вернулся в казармы, но в ту же ночь Сахаров, Осиповы и Славкин созвали митинг, на котором своими речами вынудили у полка обещание 4-го июля снова выступить с оружием. Сахаров на митинге заявил, «что за выступление и могущую пролиться кровь он принимает на себя ответственность».

Уговоры командира полка, полкового комитета не делать этого не подействовали и почти весь полк по призыву прапорщика Сахарова во главе с командиром, полковым комитетом и офицерами выступил 4-го июля с оружием.

Придя к Таврическому дворцу и, предъявив свои требования, полк согласился отправиться домой, но Сахаров, вопреки приказанию командира полка, убедил солдат отправиться на Невский, где полк должен, как он выразился, «показать свою силу буржуям».

Когда со Шпалерной улицы полк свернул на Литейный, то неизвестно кем был произведен выстрел, показались казаки, по которым с Выборгской стороны была открыта стрельба, полк открыл стрельбу по казакам, началась перестрелка, с трудом остановленная офицерами.

В результате оказалось много раненых и убитых. Как выяснилось произведенным расследованием, названные руководители вооруженного выступления полка прапорщик Сахаров и солдат Гавриил Осипов во все предшествовавшее время при помощи самых демагогических способов вели усиленную пропаганду: против высылки на фронт маршевых рот, — против наступления, несмотря на категорический

приказ военного министра Керенского, за выход на улицу вооруженных солдат, как 3-го июля, так и раньше, вопреки запрещениям Исполнительного Комитета Всер. Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ввиду этого, считая названных лиц виновниками происшедшего вооруженного выступления полка, полковой комитет впоследствии, в своем постановлении ходатайствовал об арестовании вожаков восстания¹⁴.

* * *

При таких обстоятельствах произошло выступление вооруженных частей Петроградского гарнизона: 1-го пулеметного и 1-го запасного пехотного полков и войсковых частей г. Кронштадта, об обстоятельствах же, при каких произошло вооруженное выступление прочих частей, производится дальнейшее расследование... Следствием было выяснено, что вооруженному восстанию предшествовали систематические митинги в войсковых частях, на которых произносились речи, призывавшие войска к воор. восстанию.

Так, 2-го июля был митинг-концерт 1-го пулеметного полка в Народном доме, на котором выступали Луначарский, Троцкий, солдат 1-го пулеметного полка Жилин и один из делегатов расформированного на фронте полка. Все призывали к свержению Правительства, к неповиновению военным властям, к наступлению на фронте, причем указывали на то, будто бы бывшее только что наступление вызвано обманными действиями военного министра Керенского и офицеров и было результатом приезда американцев-капиталистов.

Особенное возбуждение произвел призыв Троцкого, старавшегося убедить в необходимости вооруженного выступления против правительства. Речь его прерывалась криками слушателей: «Убить Керенского, долой-войну, долой министров-капиталистов, не нужно наступать, всю власть в руки совета рабочих и солдатских депутатов». Речь его привела слушателей в такое возбуждение, что по замечанию одного из свидетелей «будь оружие у собравшихся, сразу же все отправились бы требовать с оружием в руках ниспровержения правительства».

Говоря против наступления на войне, Троцкий, между прочим доказывал бесплодность и бесполезность наступления французов. «Но странно», — говорит один из свидетелей, — «Троцкий говорил, что русским наступать не нужно, что французы напрасно наступали, а вот того, что немцы наступали — он не касался»¹⁵.

В течение апреля-мая и июня полковые митинги пулеметного полка посещали и выступали в качестве ораторов *Коллонтай* и прапорщик *Семашко*. Они призывали солдат к братанию с немцами как средству прекратить войну, не посылать маршевых рот на фронт, не подчиняться решениям полковых комитетов об отправке солдат на фронт, к свержению Временного правительства и таким путем добиться передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов.

Призывы эти оказали на солдат такое влияние, что они вышли из всякого повиновения не только начальствующим лицам, но и своим выборным организациям, ротным и полковым комитетам. На один из таких митингов *Коллонтай* приезжала с призывом вместо ожидавшегося *Ленина*¹⁶.

* * *

Расследование самого факта вооруженного восстания, имевшего место 3-5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства, и обстоятельств, при которых это восстание произошло, оказало, что оно возникло и протекало по указаниям центрального комитета р.с.д.р. партии. Все указания исходили из дома Кшесинской № 1-2 по Большой Дворянской улице, именуемого «штабом Ленина», где помещался означенный центральный комитет.

Так, по показанию невольно принимавшего участие в выступлении командира 3 роты Кронштадтского флотского полуэкипажа Семенникова, когда по прибытии, вооруженные части флота направились к дому Кшесинской, то указания идти в Таврический дворец с требованием о низвержении Временного правительства были даны Лениным, сказавшим, «что в случае отказа нужно ждать распоряжений от центрального комитета». По показанию поручика 1-го пулеметного полка Затыкина, лица, руководившие выступлени-

ем, находились в связи с какой-то организацией, от которой и выжидали распоряжений и сообщений о выступлении других полков¹⁷. По показанию командира роты Стогова связь Ленина с вооруженным выступлением обращала на себя внимание.

В доме Кшесинской после оставления его Центральным комитетом, в разных местах были обнаружены печатные бланки с заголовком следующего содержания: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Военная организация при Центральном комитете, Дворянская ул. д. № 1-2, тел. 70-84», а из показаний целого ряда допрошенных на следствии свидетелей установлено, что на таких именно бланках из дома Кшесинской отдавались в воинские части распоряжения о вооруженном выступлении.

Так, в ночь с 4-го на 5-е июля в военную Петроградскую усиленную автомобильную мастерскую на таком же бланке, за подписью секретаря Подвальского¹⁸, было прислано предложение названной мастерской привести в боевую готовность броневые машины с пулеметами, шоферами и опытными пулеметчиками в распоряжение военной организации. На таком же бланке было сделано предложение от 5-го того же июля за № 2045 за подписью мичмана Раскольниково на имя центрального комитета Балтийского флота о присылке в Кронштадт крейсеров «Россию» или «Диану» с артиллерийским вооружением¹⁹.

Кроме того в доме Кшесинской среди многочисленных бумаг найдены:

1) черновые заметки а — о распределении воинских частей и вооруженных рабочих по районам, б — о распределении между отдельными лицами обязанностей по заведению вооруженными силами, по разведке и внешнему караулу, по сношению с частями, по Петропавловской Крепости и др. и в. сведения о воинских частях, входящих в группу Выборгской и Петроградской стороны и Марсова поля, и установления связи через известных лиц, в числе которых значится Семашко, с различными полками.

2) Резолюция, принятая на заседании общегородской конференции РСДРП и делегатов от заводов, и воинских частей 3-го июля 11 час. 40 мин. вечера. В резолюции этой

рекомендуется: «Немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли». Как видно из данных пометок, резолюцию эту подтвердили: Центральный комитет, и В[оенная] о[рганизация]²⁰.

3) Телеграмма из Стокгольма от 20-го апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга) нижеследующего содержания: «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества, обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт».

4) Небольшая литература союза русского народа²¹ и

5) большое количество открытых писем издания журнала «Паук» с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 году и надписью о сделанном по поводу этого ритуального злодеяния запросе в австрийском парламенте.

Помимо документальных данных, связь вооруженного восстания с деятельностью Центрального комитета РСДРП, при котором была образована Военная организация, устанавливается также тем фактом, что все вооруженные части как Петроградского гарнизона, так и прибывшие из Кронштадта, направились к дому Кшесинской, где и получили указания от Ульянова (Ленина) и других лиц. Оттуда же исходили предложения в воинские части о приведении в боевую готовность броневых машин и пулеметов и наконец там же собирались вооруженные пулеметами грузовики и автомобили с пулеметами на них. Там, с балкона Ульянов-Ленин, приветствуя вооруженное выступление, дает программу действий, указывая на то, что дальнейшие инструкции будут даваемы отсюда же.

Следствием выяснено, что Военная организация при Центральном комитете рассылала за своею печатью инструкции с нижеследующими приказами:

1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном.

2. В каждой роте должны быть руководители.

3. Устроить ротные собрания и на них прочесть обращение.

4. Установить связь с Военной организацией, назначить для этого немедленно 2 товарищей к ним.

5. Поддерживать связь с соседними частями.

6. Проверять куда и кто отправляет команды из частей — командам давать инструкции.

7. Быть наготове и не выходить из казарм без призыва Военной организации.

Имеется приказ за подписью пулеметчика Спец[а] от 4-го июля 1917 года на имя фельдфебеля 11 роты в Ораниенбауме от члена Совета раб. и солд. деп. с просьбою передать во все роты о выступлении в полной готовности в Петроград в 8 час. утра для поддержки своих товарищей, взяв с собой все боевые пулеметы, винтовки и больше патрон²².

Усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев и повлекла за собою восстание 3-5 июля, была произведена в целях благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внеся разложение в некоторых частях войска и в тылу и на фронте. По этому поводу следствием пока удалось добыть нижеследующие данные:

I. Из показания допрошенного на следствии под присягою вернувшегося из германского плена прапорщика одного из полков Ермоленко выяснилось следующее.

Участвуя, в качестве добровольца, в Китайскую и Японскую войну, Ермоленко как только началась война в июле 1914 года отправился вместе с одним из полков в качестве добровольца в действующую армию, принял участие под Варшавой в первых боях и 7-го ноября того же года в мест. Ржгове взят в плен и отправлен в Ханн-Мюнден в лагерь для военнопленных.

Проживая там, Ермоленко обратил внимание на присылаемую для распространения среди пленных украинцев в канцелярию коменданта лагеря многочисленную литературу на украинском языке с призывом о необходимости отделения от России Украины.

В январе 1916 года Комендантом лагеря обер-лейтенантом Шенингом Ермоленке и другим пленным офицерам было предложено вернуться в Россию под условием рас-

пространения пропаганды в пользу отделения от России Украины, однако он от этого предложения отказался. В марте 1917 г. то же предложение было повторено. Посоветовавшись с другими своими товарищами-офицерами, Ермоленко принял это предложение и 3-го апреля вместе с Шенингом отправились в штатском платье в Берлин, где последний и повел его в Генеральный штаб и познакомил его с лицами, как оказалось, стоящими во главе организации шпионажа по различным отраслям, как-то по получению сведений о военных силах и их передвижениях, по повреждению заводов, работающих на оборону, по украинским вопросам и наконец по организации в России восстания против Временного правительства.

В переговорах с Ермоленко в Генеральном штабе ему было указано, что работать в интересах Германии он будет, конечно, не один, что в России имеется довольно большая организация по шпионажу, и как на одного из самых видных деятелей, работающих «от Германии и для Германии», было указано на *Ленина*.

На основании приводимых в своем обширном показании фактических данных Ермоленко удостоверил, что под предлогом будто бы инсценированного бегства из плена, он на условиях крупного вознаграждения, был командирован германским Правительством для работы в России на пользу Германии, для одержания победы немцев над русскими и скорейшего заключения с ними мира. По удостоверению Ермоленко такие же задачи возложены германским правительством и на *Ленина*, и на *Скоропись-Иолтуховского*. Последние, по словам Ермоленко, как ему это было объяснено в Штабе в Берлине, приняли на себя труд произвести путем пропаганды смуту в России и добиться этим путем во что бы ни стало прекращения войны с Германией.

Согласно данной Ермоленке в Берлине инструкции, он должен был иметь связь со Стокгольмом и обращаться при всякой надобности к проживающему там в германском посольстве некоему Свендсену, причем все сведения, касающиеся его деятельности по шпионажу, должны быть облакаемы в форму коммерческих сделок о покупке, продаже или отправке разного рода товаров.

Результатом переговоров Ермоленко с представителями немецкого генерального штаба было заключение с ним письменного договора, и получение в счет расходов и жалования в Берлине 1500 рублей и 50000 рублей в Могилеве, которые им, в действительности и были получены.

При содействии немецких властей Ермоленко был переброшен через Будапешт, Браилов и Тульчин, откуда на лодке был перевезен рыбаками как бы бежавший из плена в Россию.

По объяснению Ермоленки, в 1916 году в бытность нахождения его в плену в Берлине происходили 2 собрания социалистов, в которых принимали участие Иолтуховский и приезжавший к нему в Берлин и останавливавшийся у него Ленин.

II. Указание Ермоленко на непосредственное общение Ульянова-Ленина с германским правительством и деятельность его, как германского агента, подтверждено в нижеследующих добытых следствием данных. Прибывшие в качестве инвалидов из германского плена раненые офицеры Шишкин и др. удостоверили, между прочим, что в начале 1917 года Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый быстрый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с неким Парвусом (он же Гельфанд), имевшим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин, проезжая через Германию, пользовался комфортом и при проезде имел остановки, выходил из вагона, посещал лагеря, в которых находились пленные украинцы, вел пропаганду об отделении Украины от России. С проездом Ленина через Германию произошло резкое изменение в настроении немцев. В связи с проездом его, немцы, не стесняясь, говорили открыто: «Ленин — это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги».

III. Только что вернувшийся из плена один из инвалидов ст. унт. оф. Зиненко, проживавший 33 месяца в плену в Германии, показывает со слов других военнопленных, что Ленин, проезжая во время войны через Германию, объезжал лагеря, в которых находились пленные украинцы, и вел среди них пропаганду отделения Украины от России. По мнению свидетеля, Ленин «проехал в Петроград, войдя в соглашение с Германией с целью способствовать успешному ведению войны ее с Россией и путем смуты на почве больше-

визма, а в действительности на денежной почве, благоприветствовать Германии во враждебных [действиях]»²³.

IV. Находящийся в технической командировке за границей инженер Главного управления шоссейных дорог Константиновский, показывает, что Стокгольм, где он проживал, является крупным центром по рассылке в Россию германских шпионов, а также агитаторов для пропаганды сепаратного мира между Россией и Германией. В апреле месяце этого года ему лично было сделано конкретное предложение: сулили средства и машины для открытия газеты вне Петрограда с целью пропагандировать [поражение] Англии и Франции и предлагали за это 10000 рублей в месяц и неограниченный кредит для агентуры.

Взамен предлагали подписать чистые, якобы денежные бланки с немецким заголовком «Справочное бюро» на случай, если бы свидетель стал действовать против Германии, с целью взыскивать с него выданные авансы. От такого предложения свидетель отказался.

По словам того же свидетеля у германских агентов в Копенгагене и Стокгольме в первые дни революции появились крупные деньги и началась широкая вербовка агентов в Россию среди наших дезертиров и эмигрантов. Вожаки эмигрантов ходили в банк, получали и переводили деньги в Россию, причем этими операциями занимался в Стокгольме «Ния банк», получая на то ордера из Германии, как про это передавали сами служащие банка.

По сведениям, полученным свидетелем от самих служащих банков, «Ленин заходил в банк, производил какие-то денежные операции». В это время в Петрограде переводились крупные суммы на подозрительные имена и, по словам свидетеля, частями переведено 800000 р. и 250000 р.

При обследовании личности Ульянова-Ленина, как из показаний свидетелей, так и из имеющихся в делах Департамента полиции документальных данных, добыты нижеследующие сведения.

Ленин-Ульянов был близко знаком и поддерживал связи с бывшим членом Государственной думы Малиновским, состоявшим в качестве секретного сотрудника, на службе в Московском охранном отделении.

В делах Департамента полиции обнаружена тетрадь агентурных записей со слов сотрудника Малиновского, сделанных рукою вице-директора этого департамента Виссарионова, а одна запись рукою Белецкого²⁴. На 1-ой странице от 14 ноября 1912 года между прочим значится: «Ленин дал фракции следующие директивы: провести Лобову секретарем фракции..., на Рождестве съехаться в Кракове» и, как видно из дела, эти директивы Ленина были произведены секретным сотрудником Малиновским совместно с Департаментом полиции, причем Ленин чаще всех остальных депутатов посещал его в Кракове.

Будучи членом Государственной думы, Малиновский произносил речи, заранее приготовленные Лениным и Зиновьевым и представляемые Малиновским на просмотре в Департамент полиции.

Когда в мае 1914 года провокаторская деятельность Малиновского была разоблачена и он, получив из департамента полиции следуемое ему годовое жалование в размере 6000 р. ..., немедленно выехал за границу и, по приезду в Австрию, явился к Ленину, то последний, несмотря на появившиеся в печати разоблачения о провокации Малиновского, сразу же в «Правде» объявил Малиновского честным и чистым человеком²⁵.

Тогда же была созвана комиссия, состоявшая из Ленина, Зиновьева и Ганецкого (Фюрстенберга), оправдавшая Малиновского за недостаточностью будто бы улик, по обвинению в провокаторстве, при этом, по показанию свидетеля Трояновского²⁶, комиссией был допущен целый ряд неправильностей, сделавших эту комиссию совершенно неавторитетной.

Про дальнейшую судьбу Малиновского достоверно лишь известно, что он оказался в одном из лагерей военнопленных в Германии, но как он туда попал — неизвестно. Имеются однако сведения, что Малиновский, находясь в немецком лагере Альтен Грабов и ведя среди русских военнопленных нижних чинов пропаганду, состоит в отличных отношениях с германскими властями лагеря, пользуется их полным покровительством и действует по их наущению.

Из показаний допрошенного на предварительном следствии свидетеля бывшего члена Государственной думы Алексинского²⁷ выяснилось, что Ленин и Зиновьев, проживая в

октябре 1914 года в Австрии, близ Кракова, были арестованы австрийскими властями, как русские подданные, но вскоре освобождены с правом свободного въезда в Швейцарию, где и стали издавать свой журнал «Социал-демократ»²⁸, в котором распространяли идеи необходимости поражения России в этой войне. В номере 33-ем этого журнала содержался призыв к русским гражданам практически содействовать поражению России.

Встретив у одного знакомого Ганецкого-Фюрстенберга, свидетель очень удивился этому явлению, ибо никак не мог понять, каким образом Ганецкий мог жить и в Париже и в Австрии одинаково свободно. Еще более удивил его рассказ Ганецкого о том, что он узнав об аресте Зиновьева и Ленина, отправился туда, где они были арестованы и, как он сам выразился, «прервал допрос Ленина» и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. И на вопрос, обращенный свидетелем к Ганецкому, каково же его официальное положение в Австрии, если он, русский подданный, мог вмешиваться в действия австрийских властей, Ганецкий, смущенный этим вопросом, ничего на это не ответил, а потом выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из под ареста австрийского по личному предписанию графа Штюргка — австрийского премьера, который освободил их как лиц, желающих поражения России.

Из показаний свидетелей выяснено, что Ганецкий-Фюрстенберг Яков (уменьшительное Куба), проживая во время войны в Копенгагене, близок и связан — денежными делами — с Парвусом — агентом германского правительства²⁹.

В виду этих обстоятельств личность и деятельность Парвуса и его связи с разными лицами были подвергнуты тщательному обследованию на предмет установления сношений его с германским правительством.

В апреле 1915 года в швейцарской социал-демократической газете «Volksstimme», издающейся на немецком языке в Сан-Галене, а немного позже и в других журналах появились разоблачающие деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковом Фридманом из Базеля и б. членом Государственной думы Алексинским. В кратких чертах эти изобличающие Парвуса сведения сводились к тому:

- 1 — что Парвус член германской с.д. партии,
- 2 — что будучи выслан из Пруссии за несколько времени до войны, он во время войны получил право свободного проживания в Германии,
- 3 — что до войны он был финансовым советником турецкого правительства в Константинополе,
- 4 — что Парвус до войны и во время войны по собственному же признанию занимался в Константинополе спекуляциями по скупке хлеба, устроив крупную спекуляцию с русским хлебом, попавшим в Германию,
- 5 — что во время войны Парвус состоял агентом-provocatorem на жаловании у турецкого и австрийского генеральных штабов, которые поручили Парвусу способствовать революции в России, при этом он свободно разъезжал из Турции в Вену, Берлин и обратно.

По тем же данным деятельность Парвуса как германского и австрийского агента была направлена к поражению России и отделению Украины от нее.

Кроме того, добытыми на предварительном следствии данными о Парвусе установлено нижеследующее:

В июне 1915 года в России возникало одно из крупных пароходных обществ и нуждалось в финансировании.

Выехавший в качестве поверенного этого общества в Берлин Абрам Рабинович случайно познакомился дорогою с присяжным поверенным Мечиславом Юльевичем *Козловским*, представившимся ему бывшим членом Государственной думы.

Последний, узнав о цели его поездки, объяснил, что он, Козловский, едет в Копенгаген, куда вызван одним из крупных капиталистов, у которого он состоит юрисконсультom. Фамилии этого капиталиста однако он не назвал и впоследствии он оказался Гельфандом, он-же Парвус³⁰.

Результатом этого знакомства Рабиновича с Козловским было получение им, Рабиновичем, по приезде в Берген от Козловского телеграммы с приглашением приехать в Копенгаген.

Рабинович совместно с другим представителем названного Общества Бурштейном отправился в Копенгаген, где их и встретил Козловский совместно с Фюрстенбергом, отрекомендованным секретарем «капиталиста». Вид их обоих был

довольно «поношенный, не давший оснований предполагать близости их к финансовым аферам».

Капиталист оказался Гельфандом, с которым Козловский совместно с Фюрстенбергом и познакомили представителей Общества.

Гельфанд, с которым всем указанным лицам пришлось проводить довольно продолжительное время, произвел впечатление человека, располагающего крупными капиталами, но совершенно незнакомого с тем коммерческим предприятием, субсидировать которое имел желание.

По наведенным справкам представителями О-ва в Приват Банк в Копенгагене, в распоряжении Гельфанда находилось свыше миллиона рублей.

Проживая в Копенгагене вместе с Гельфандом, Фюрстенбергом и Козловским и ведя с ними переговоры, представитель Общества Бурштейн³¹ обратил внимание на кратковременные отъезды Гельфанда то с Фюрстенбергом, то с Козловским, и на вопросы, куда они ездят, Фюрстенберг объяснил, будто в Стокгольм, между тем как из разговора с лицами, близкими к ним, выяснилось, что они уезжали в Берлин.

В то время появились в печати известия о том, что проживающий в Копенгагене некий Парвус состоит в непосредственных сношениях с Германией и занимается шпионажем в России, на что и субсидируется Германией.

Бурштейн, не зная, что Гельфанд и Парвус одно и то же лицо в беседе с Гельфандом заметил ему: «смотрите, к каким приемам прибегают немцы и как они умеют использовать элементы, покинувшие Россию, что вы скажете о Парвусе». Произошло большое замешательство.

Из дальнейших показаний Бурштейна выяснилось, что Гельфанд приехал летом 1915 года в Копенгаген из Швейцарии через Берлин, при содействии Фюрстенберга, что жена Фюрстенберга Гизя также приезжала в Копенгаген из Галиции через Вену и Берлин, что спустя месяц после приезда жены Фюрстенберга приехал и брат его из Варшавы также через Германию и при том при содействии того же Гельфанда³², несмотря на то что никому из русских подданных этого не разрешалось, что Гельфанд с Фюрстенбергом и Козловским совершали неоднократные поездки из Копенгагена в

Берлин и обратно, что во время пребывания Гельфанда-Парвуса в Копенгагене к нему приезжали из Берлина какие-то лица, посещавшие также и Козловского с Фюрстенбергом, и наконец, когда в начале войны Германией было реквизировано в большом количестве сукно английской фирмы, то он почему-то оказалось в руках Гельфанда, и все костюмы, сделанные тогда Козловским, были сшиты из этого же сукна.

По показанию того же свидетеля Бурштейна, операций с реквизированным Германией и оказавшимся в руках Гельфанда сукном и операции его с аптекарскими и другими товарами носили лишь вид коммерческих операций, а в действительности служили прикрытием шпионской деятельности Гельфанда³³.

Все изложенные факты привели свидетеля Бурштейна к непреложному убеждению в том, что Гельфанд (Парвус), Фюрстенберг (Ганецкий), и Козловский немецкие агенты.

О таком открытии он написал письмо одному из своих знакомых журналистов в Петрограде ныне покойному Конту, и чтобы обеспечить получение этого письма, отправил его через русскую миссию в Копенгагене, вложив письмо в конверт, адресованный на имя Директора департамента полиции Белецкого как лица официального.

Ввиду изложенных обстоятельств всякие переговоры о финансировании общества были прерваны, и Бурштейн уехал в Америку, откуда вернулся лишь в июле 1916 года.

Проезжая через Копенгаген, Бурштейн, встретил Фюрстенберга, который остановил его, в угрожающем тоне сказал: «Я хочу свести с вами счеты, имейте в виду, что мы знаем о вашем доносе Белецкому, под видом частного письма какому-то журналисту», и при этом дословно передал ему содержание письма. Пораженный этим, Бурштейн ответил: «До сегодняшнего дня я был убежден в том, что Вы (т.е. Гельфанд, Фюрстенберг и Козловский) немецкие шпионы, а как теперь вижу, вы служите нашим и вашим». После чего, не простившись даже, расстался.

Гельфанд, видимо, опасался разоблачений шпионской его деятельности, потому что когда в Копенгагене была отпечатана в типографии книга на русском языке с разоблачениями шпионской деятельности Парвуса, и экземпляр отпе-

чатанной книги был отправлен в русскую миссию для испрошения согласия на отпечатание ее, то он путем подлога и подкупа добился того, что было получено извещение о неразрешении будто бы выпуска этой книги.

По удостоверению того же свидетеля для получения разрешений от Петроградского Градоначальника заграничных паспортов на имя приезжавших к нему из Петрограда лиц Фюрстенберг прибегал к посылке подложных телеграмм. Кроме того из показаний свидетеля Заславского³⁴ выяснилось, что в декабре 1916 года или начале 1917 года Фюрстенберг был уличен в контрабандном вывозе в Россию некоторых товаров, которые он получал из Германии, уничтожая следы германского происхождения, за что был приговорен к штрафу в 10000 крон и высылке из Дании.

Из имеющейся в настоящее время пока еще в копиях многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается обширная переписка из Зальцеебадена между проживавшей в Петрограде Суменсон³⁵, Ульяновым (Лениным), Коллонтай, Козловским, с одной стороны, и с Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом), с другой.

Хотя переписка эта и имеет своим содержанием указания на какие-то коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собою сношение шпионского характера.

Из доставленных кредитной канцелярией данных видно, что некоторые русские банки, в том числе Азовско-Донской, получали из скандинавских банков от Ниа Банк и Готенбергск Хандельс Банк крупные суммы, выплаченные разным частным лицам, причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета взяла только 750000 рублей внесенных на ее счет разными лицами.

Обсудив вышеизложенное, следственная власть приходит к нижеследующему заключению.

При расследовании настоящего дела, следственная власть руководствуется материалами, добытыми только следственным путем.

Предстоящие многочисленные допросы свидетелей, осмотры найденных при обысках вещественных доказательств

и переписки, обследование банковых заграничных денежных переводов — вся эта сложная работа будущего должна дать еще больший материал для раскрытия преступной организации и его участников.

Тем не менее и тот материал, которым следственная власть располагает в настоящее время, представляется достаточным для суждения как о наличии признаков преступного деяния, так и для установления многих лиц, принимавших [участие?] в его совершении.

При исследовании этих вопросов следственная власть совершенно не касалась политических платформ причастных к делу лиц и стоит исключительно на почве исследования состава общеуголовного деяния и достаточности оснований к привлечению обвиняемых.

События, имевшие место в Петрограде 3-5 июля 1917 года, выразились в вооруженном с целью ниспровержения Временного правительства восстании войск и народной толпы, сопровождавшемся стрельбою и насильственными действиями, повлекшими за собою многочисленные человеческие жертвы, в покушении вооруженной толпой войск и рабочих на арест некоторых членов Временного правительства и наконец в открытом призыве войск к прекращению военных действия, отказу в сопротивлении неприятелю и неповиновению властям.

Российские граждане, принимавшие участие в организации описанных преступных действий, не могли не сознавать, что тем самым они оказывали существенное содействие неприятелю в его военных против России действиях и, как показали дальнейшие события на театре военных действий, содействие это было действительно оказано.

Заключение вполне подтверждается установленным следствием фактом непосредственного общения некоторых из руководителей — участников преступления — с представителями воюющих с Россией держав, получения руководящих указаний по пропаганде среди войск мятежа и неповиновения властям и фактом получения на это денежных средств.

Такое преступное деяние заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 51, 100 и I ч. 108 ст. Угол. Улож.³⁶

Переходя затем к разрешению вопроса о лицах, участвовавших в совершении описанного преступления, следует признать, что выяснить всех лиц, в настоящее время пока не представляется возможным и только при дальнейшем следствии таковые могут быть выяснены по обстоятельствам вышеизложенным в настоящем постановлении. Однако и при настоящем положении дела, причастность нижеследующих лиц представляется доказанною в достаточной мере. К ним относятся:

1 — Ульянов (Ленин) Владимир, 2 — Апфельбаум (Зиновьев) Овсей-Герш, 3 — Бронштейн (Троцкий) Лев Давидов, 4 — Коллонтай Александра Михайловна, 5 — Луначарский, 6 — Гельфанд (Парвус), 7 — Фюрстенберг (Ганецкий) Яков, 8 — Козловский Мечислав Юльевич, 9 — Суменсон Евгения Маврикиевна, 10 — прапорщик Семашко (по восстанию в 1 пулеметном полку), 11 — мичман, именующийся Раскольниковым (по восстанию части войск и флота в Кронштадте), 12 — Рошаль (тоже), 13 — прапорщик Сахаров (по восстанию 1-го пехотного запасного полка).

Как выяснено следствием, при Центральном комитете Российской социал-демократической рабочей партии была образована военная организация, которая по показанию свидетелей и руководила восстанием, следовательно все те лица, которые по ходу следствия окажутся входившими в состав этой организации, по выяснении их личности, также подлежат ответственности по указанным выше статьям уголовного уложения, но, так как фамилии их в настоящее время не выяснены, то и вопрос о привлечении остается открытым в этом отношении.

На основании вышеизложенного судебный следователь по особо важным делам Александров ПОСТАНОВИЛ:

- 1 — Ульянова (Ленина),
- 2 — Апфельбаума (Зиновьева),
- 3 — Бронштейна (Троцкого),
- 4 — Луначарского,
- 5 — Коллонтай,
- 6 — Козловского,
- 7 — Суменсон,
- 8 — Гельфанда (Парвуса),

- 9 – Фюрстенберга (Ганецкого),
- 10 – Ильина (Раскольников),
- 11 – Семашко,
- 12 – Рошаль и
- 13 – Сахарова,

привлечь в качестве обвиняемых в том, что в 1917 году, состоя в русском подданстве, по предварительному между собою и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-ое июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств, насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем и способствовали успеху неприятельских армий.

Это преступное деяние предусмотрено 51, 100 и 1 пункт. 108 ст. Угол. Улож.³⁷

Судебный следователь по особо важным делам
Петроградского окружного Суда
(П.А.Александров) (подпись)

Прокурор Петроградской судебной палаты
Н.Каринский (подпись)

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 4. Л. 18 об.-34 об.

---

¹ Точное название делопроизводства «Предварительное следствие о вооруженном выступлении 3-5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти».

- ² Дом Кшесинской — оригинальной архитектуры здание, построенное в 1906 г. по заказу Николая II для балерины Мариинского театра М.Ф.Кшесинской, фаворитки царя.

После Февральской революции вплоть до июльских событий 1917 г. в нем помещались Центральный и Петербургский комитеты большевистской партии и Военная организация партии. Здесь же находилось Центральное бюро профсоюзов столицы.

М.Ф.Кшесинская пыталась добиться возвращения особняка. Но она так и не получила его назад, хотя большевики после июльских событий покинули здание. В нем обосновались захватившие особняк в июле месяце верные Временному правительству военные части (*Бондаревская Т.П., Великанова А.Я., Суслова Ф.М.* Ленин в Петербурге-Петрограде. М., 1972. С. 204-205, 211).

- ³ Выступление 1 Пулеметного полка передано в документе с большими вольностями. По показаниям солдата 9-й роты этого полка большевика И.Н.Ильинского, утром 3 июля в полк прибыли столичные анархисты, призывавшие к выступлению на улицу. Возражения Ильинского не остановили солдат, решивших выступить. Перед 3 июля в полку «велась какая-то агитация», но агитировавших сам Ильинский не видел и узнал об этом 3-4 июля от солдат. По его свидетельству (как и других лиц), полк вышел на улицу около 7 часов вечера 3 июля.

Сам Ильинский после полкового собрания 3 июля направился в штаб большевиков в доме Кшесинской. Там он обратился к членам Военной организации Н.И.Подвойскому и П.В.Дашкевичу с просьбой отговорить полк от выступления. Ильинский остался, а названные большевики уехали на автомобиле. Затем Ильинский тоже ушел и нагнал свой полк, который уже подошел к дому Кшесинской. Здесь он услышал речи с балкона Н.И.Подвойского и кого-то от ЦК большевиков. Выступил и Ильинский. Все как один говорили, что солдатам нужно разойтись. Если же имеются какие-то требования, то следует «избрать от рот делегатов и послать последних в Совет р. и с.д.». Но полк не подчинился уговорам и ушел (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 9. Л. 110-110 об., 111).

По свидетельству Л.Д.Троцкого, 1 Пулеметный и Московский полки подошли к дворцу Кшесинской к 8 часам вечера 3 июля. Видные военные работники В.И.Невский, М.М.Лашевич, Н.И.Подвойский пытались в речах с балкона дома повернуть полки назад. Но в ответ неслось «долой!» (*Троцкий Л.* История русской революции. Берлин, 1933. Т. II. Ч. 1. С. 36).

- ⁴ В своем заявлении в адрес Временного правительства от 10 июля 1917 г. Троцкий писал, что он полностью солидарен с позицией большевиков в июльские дни. Он сообщает, что многократно выступал перед демонстрантами у Таврического дворца 3-4 июля, как и представители большевиков. При этом Троцкий выражал «свою полную солидарность с основным лозунгом демонстрантов «Вся власть Совету». В то же время он «настойчиво призывал демонстрантов немедленно же возвращаться, мирным

организованным путем в свои войсковые части и в свои кварталы». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 41-43). Письмо написано от руки, зелеными чернилами. Оно было опубликовано в печати. 24 июля 1917 г. Троцкий был арестован.

О своей позиции в дни июльского кризиса Г. Зиновьев писал в статье «Ответ клеветникам» (газета «Рабочий и солдат» от 27 и 28 июля 1917 г.). Он вспоминает, что весь день 4 июля провел в Таврическом дворце и «много раз... говорил в толпе». Свои речи он заканчивал твердыми призывами «расходиться мирно по казармам и заводам». Он убеждал в необходимости возобновить работу на предприятиях, не позволять себя «провоцировать ни на один выстрел». Зиновьев даже советовал демонстрантам возвращаться обратно по другим улицам, минуя Невский проспект (Зиновьев Г. Соч. Год революции. Л., 1925. Т. VII. Ч. 1. С. 211).

В показаниях следствию Троцкий признался, что известие о выступлении 1 Пулеметного полка, переданное по телефону в Таврический дворец 3 июля, буквально «поразило» и его, и Зиновьева с Каменевым в не меньшей степени, чем представителей других партий. Тогда же Зиновьев и Каменев сообщили лидерам Советов, что ЦК большевиков предпринял немедленно меры, чтобы «удержать массы от выступления, тем более от вооруженного». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 51-51 об., 52).

- ⁵ А.И.Жилин — солдат 1 Пулеметного полка, большевик. По показаниям свидетеля меньшевика В.С.Войтинского от 15 июля 1917 г., данным в комиссии П.А.Александрова, он не раз встречал Жилина на заседаниях Петроградского Совета, видел его на митинге у пулеметчиков. Прямых призывов «к неповиновению и насилию» свидетель не слышал. 3 июля утром Жилин позвонил в ЦИК Советов и сообщил, что пулеметчики готовятся к вооруженному выступлению, но он всячески их от этого тогда отговаривал. Однако солдаты его не слушали. Он просил прислать в полк агитаторов, чтобы успокоить солдат.

По словам Войтинского, Жилин оказался во главе пулеметчиков у Таврического дворца, проводил здесь их построение. Он призывал полк к спокойствию и организованности. Сам Войтинский вступил в прямой контакт с Жилиным. Однако возникший митинг пулеметчиков принял беспорядочный и хаотичный характер, несмотря на старания Войтинского и Жилина. Войтинский считал, что Жилин пытался придать выступлению полка, которое ему не удалось предотвратить, «возможно мирный характер и предотвратить эксцессы». (ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Л. 14. Л. 55-55 об., 56-56 об., 57).

- ⁶ В постановлении следственной комиссии относительно прапорщика А.Я.Семашко (датировано 18 июля 1917 г.) говорится о его принадлежности к Военной организации большевиков и отмечается, что он на собраниях 1 Пулеметного полка, начиная с мая месяца, «призывал к недоверию и свержению Временного правительства». 3 июля Семашко принял участие в полковом собрании и предложил избрать «революционный комитет» и затем возглавил его. По словам документа, он лично обошел роты

полка 3-4 июля, призывая солдат «от имени Военной организации» [большевиков] к выступлению. Он же лично отдал распоряжения о водружении плаката с лозунгом «Вся власть Советам р. и с.д.», а также «требовал с заводов автомобили, вооружал их пулеметами, рассылал их к Таврическому дворцу и другим местам, указывая маршруты». Семашко «лично вывел полк из казармы в город, ездил в запасной батальон Московского полка с целью склонить его к выступлению, что и достиг».

В документе утверждается, что Семашко обещал пулеметчикам поддержку со стороны большевистской Военной организации и сам находился в постоянной связи с ней и лично с В.И. Лениным.

По делу Семашко было опрошено 30 свидетелей, в том числе и большевики-пулеметчики. (ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 14. Л. 70-70 об.).

По более позднему свидетельству А.М. Коллонтай (письмо в Ленинградский институт истории партии от 14 декабря 1951 г.), прапорщик Семашко был связным между агитаторской группой большевиков и своим полком. Его лично знал Ленин. Особенно часто фамилия Семашко всплывала при допросах в комиссии П.А.Александрова. (ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1511. Л. 1). Сам А.Я.Семашко скрылся от ареста, и дело его рассматривалось заочно. Позднее Семашко был комиссаром отдела военных сообщений при Генеральном штабе (ноябрь 1917 г.), начальником Особого отряда РККА (февраль 1918 г.). (ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 78. Л. 21; Д. 113. Л. 1).

Показания Ф.Ф.Раскольниковца во многом не совпадают с официальной версией обвинения. Он утверждал, что в Кронштадт представители пулеметчиков прибыли независимо от него, по своей инициативе. Впервые он увидел их на митинге на Якорной площади города. Пулеметчики призывали к немедленному выступлению в Петроград, но сам обвиняемый стремился, как он говорит, удержать матросов от этого шага. Он сослался на разговор по телефону с Л.Б.Каменевым, который говорил, что большевики стремятся не допустить выступления 1 Пулеметного полка на улицу. Но Раскольников не смог отговорить матросов от похода в столицу. На вечернем и ночном заседании Исполкома Кронштадтского Совета было решено выступить в Петроград. Поездка состоялась утром 4 июля, причем сам обвиняемый разъяснял матросам, что выступление должно носить характер мирной вооруженной демонстрации в пользу перехода власти Советам р и сд. Руководство демонстрацией было возложено на Раскольниковца. И он соглашался взять на себя «всю полноту и всю тяжесть ответственности за руководство вооруженным выступлением кронштадтцев».

Между 2-3 часами ночи с 3 на 4 июля Раскольников имел телефонный разговор с Г.Е.Зиновьевым, сообщив о неотвратимости прихода кронштадтцев в Петроград. Зиновьев нацелил тогда кронштадтских большевиков на проведение сугубо мирной демонстрации с изложением их требований ВЦИК Советов.

Проведение демонстрации поддержал Областной Комитет эсеров.

Кронштадтский отряд прибыл в Петроград около 11 ч. утра 4 июля. Здесь они получили инструкцию направиться к дворцу Кшесинской. Выстроившись на набережной Васильевского острова, моряки отправились к штабу большевиков, где они выстроились рядами. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 64-65, 72-73, 74-74 об.).

- 8 По свидетельству Ф.Ф.Раскольников, В.И.Ленин, несмотря на просьбы кронштадтцев, не хотел выступать, но затем уступил настояниям. Речь Ленина была краткой. В ней говорилось, как вспоминал Раскольников, что, несмотря на все зигзаги политической жизни, лозунг власти Советов неизбежно победит, ибо он является требованием жизни. Никаких призывов не было ни в речи Ленина, ни в речи Луначарского. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 67-67 об., 68-68 об.).

По показаниям самого А.В.Луначарского, выступить перед кронштадтцами его попросил Ленин. «Считая себя абсолютно не вправе умыть руки», он произнес речь. Смысл ее сводился к тому, что уход кадетов из Временного правительства в такой «крайне опасный момент» действительно ставит вопрос о переходе власти окончательно в руки народа, Советов. Луначарский говорил о том, что июльская демонстрация символизирует «готовность революционного народа и армии всеми мерами» поддержать ВЦИК Советов в решении вопроса о власти, придать ему в этом решимости. Он призывал придать манифестации спокойный мирный характер. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 114). Речи Ленина, который выступил вслед за Луначарским, ему услышать не довелось. В это время он вышел к кронштадтцам на улицу, где беседовал с ними, убеждая сегодня же, 4 июля, «во избежание трудностей» и возможных столкновений, вернуться в Кронштадт. (Там же).

Об отсутствии призывов к насилию и восстанию говорилось и в показаниях политических противников большевиков. Свидетель Л.Н.Гипперман, кадетский журналист, видел прохождение кронштадтцев у дома Кшесинской и слышал речи с балкона, произнесенные Лениным, Свердловым и Луначарским. Он не услышал никаких явных антиправительственных призывов. По словам Гиппермана, Ленин заявил, что лозунг «Долой 10 министров-капиталистов» становится действительным и «воспринимаемым большими массами революционного народа». Он сказал, что «выступление лучших сынов революционного пролетариата и солдат» должно привести к переходу власти к Советам р. и с.д. — «истинным представителям русской демократии». Вместе с тем Гипперман, в противоречии с услышанным им в речах, утверждал, что ЦК большевиков, как он полагает, был глубоко уверен, что ему в ходе развернувшихся событий удастся свергнуть Временное правительство и «передать власть Совету солдатских и рабочих депутатов». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 15-15 об., 16-16 об., 17 об.).

⁹ По показаниям Ф.Ф.Раскольников, от дома Кшесинской кронштадтцы отправились к Таврическому дворцу. Их путь лежал через Троицкий мост к Марсову Полю. Затем они пошли по Садовой улице, свернули на Невский, с Невского повернули на Литейный проспект. На углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы колонна была обстреляна из пулеметов. Стрельба велась из окон одного из домов. Это вызвало панику кронштадтцев. По данным обвиняемого, здесь 3 матроса были убиты и около 15 ранено. Пулеметы были обнаружены, но сам Раскольников в тот момент их не видел. Середина отряда была обстреляна на Невском. Тем не менее колонну удалось довести до Таврического дворца. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 74 об., 75).

По свидетельству арестованного большевика-кронштадтца С.Г.Рошалья, во время стрельбы у Пантелеймоновской улицы кронштадтцы отстреливались. По его мнению, в стрельбе по городу принимали участие и демонстранты, сопровождаемые автомобилями с пулеметами.

Рошаль сообщает, что эсеры из Исполкома Кронштадтского Совета, бывшие среди матросов, протестовали против остановки у дома Кшесинской, поскольку считали, что это придает демонстрации определенную партийную окраску. (Там же. Д. 18. Л. 87).

Позднее Ф.Ф.Раскольников вспоминал, что на углу Невского и Литейного проспектов их встретили якобы «жарким пулеметным огнем». Колонну подвергали обстрелу на углу Литейного проспекта дважды; стреляли «откуда-то из верхних окон или чердачных помещений». Кронштадтцы отвечали «по невидимому врагу». Руководители кронштадтцев стали немедленно собирать «эту разрозненную манифестацию», поскольку одни «легли на землю», другие «нашли себе убежище в подъездах или в воротах близлежащих домов». Пришлось снова собирать всю колонну. (ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 25. Л. 10, 11).

¹⁰ Утверждения авторов Постановления об угрозах в адрес кронштадтских матросов не увязывается с фактами. Свидетель-кадет Л.Н.Гипперман рассказал о другом. Он 4 июля беседовал с кронштадтцами, которые выражали разочарование результатами их поездки в Петроград. Они говорили, что их обманули делегаты-пулеметчики от 1 Пулеметного полка, которые говорили кронштадтцам о начавшихся кровавых столкновениях в столице. Они считали себя жертвой и со стороны «петроградской буржуазии»; недоумевали, что их никто не встречал, и они оказались как бы «в единственном числе». Они, по словам свидетеля, в тот момент не теряли веры в поддержку со стороны Балфлота, в приход боевых судов в Петроград. Свидетель отмечает, что в тот же день 4 июля большая часть кронштадтцев вернулась назад в Кронштадт. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 17).

¹¹ Речь идет об инциденте с В.М.Черновым, которого пытались арестовать неизвестные лица, оказавшиеся в рядах кронштадтцев.

¹² В показаниях Ф.Ф.Раскольника «приказ» от 5 июля 1917 г. назван отношением в ЦК Балтийского флота (Центробалт) за № 2045, написанном на бланке Военной организации ЦК РСДРП

им лично. По его словам, он просил Гельсингфорс прислать суда в Кронштадт главным образом для установления связи с этой главной военной базой Балтийского флота. Эту связь он «хотел установить только для того, чтобы сообщать сведения в действующий флот о положении дел в Петрограде ввиду существовавших по этому поводу разноречивых слухов, но не для боевых операций». Крейсера «Россия» и «Диана» обвиняемый считал второстепенными боевыми судами. Он утверждает, что эти суда он предполагал использовать для «возможности мирной демонстрации», если бы кронштадтцев задержали в Петрограде. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 61-61 об., 68-68 об.). Раскольников настаивал, что он не мог приказывать Гельсингфорсу, а только просил прислать эти суда. Решение же оставалось за Центробалтом. Он однако не захотел назвать лицо, через которое адресовал эту свою просьбу в Центробалт. Сам этот документ был написан Раскольниковым в помещении дворца Кшесинской, где он в тот момент находился. (Там же. Л. 60-60 об.).

По показаниям свидетеля с учебного судна «Океан» (Кронштадт), находившегося с отрядом в Петрограде, по возвращении в Кронштадт на судно, он увидел на столе каюты, в которой размещались представители Кронштадтского Совета, бумагу на бланке «РСДРП. Военная организация при ЦК». Она имела номер 2045 и дату 5 июля 1917 г. Свидетель точно передает ее содержание. Автором, подписавшим ее, был Раскольников. Этот документ получил от Раскольникова в доме Кшесинской матрос с «Океана» Аполлинарий Фортученко. Он должен был, как утверждает свидетель, отвезти ее в Гельсингфорс. Однако он туда не поехал, а отвез ее на «Океан» и бросил на стол. Свидетель позднее нашел послание Раскольникова и решил передать его министру юстиции. (Там же. Д. 2. Л. 27-27 об.).

- ¹³ В.В.Сахаров — большевик, член Военной организации большевиков. По его свидетельству, в 1 Пехотном полку в июне 1917 г. насчитывалось около 20 большевиков. (Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 146). В июльском выступлении, по свидетельству одного очевидца, приняло участие до 1 тыс. солдат 1 Пехотного полка. В.В.Сахаров поддерживал во время событий тесную связь с рабочей секцией Петроградского Совета, принявшей 3 июля резолюцию о переходе власти к Советам. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об., 45 об.).

- ¹⁴ 1 Пехотный запасной полк был в числе активных участников июльской демонстрации наряду с 1 Пулеметным, 180 Пехотным, 3 стрелковым запасными и батальонами гренадерского, Московского, Павловского полков, 6-го Саперного батальона.

4 июля в демонстрации участвовало 50-60 тыс. солдат и матросов Петрограда и его пригородов. (Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 171, 172, 175).

- ¹⁵ Действительная канва событий в связи с митингом-концертом в 1 Пулеметном полку 2 июля изложена следствием крайне про-

извольно и тенденциозно. По показаниям разных лиц картина представляется во многом иначе.

В показаниях Л.Д.Троцкого отрицается, что он 2 июля на митинге-концерте у пулеметчиков призывал к отказу от наступления и к вооруженному выступлению против власти. Это было открытое и платное мероприятие, куда явилось «много случайной, обывательской публики». По словам Троцкого, на таком митинге он никак не мог позволить призывать к свержению власти. Содержание речи обвиняемого сводилось к вопросам относительно маршевых пополнений на фронт, о дезертирстве из действующей армии. Сам Троцкий заехал на митинг-концерт с совещания фронтовых делегатов и затем снова отбыл туда. В речи он затронул и вопросы о власти и войне, доказывая необходимость власти Советов для выхода России из войны; утверждения о призывах оратора 2 июля к отказу от выполнения боевых приказов, от посылки маршевых рот Троцкий назвал грубой клеветой. На упомянутом совещании фронтовых делегатов (о нем сообщалось и в советских «Известиях») обвиняемый разъяснял, что левое крыло Советов в данный момент вынуждено подчиняться «политике, опирающейся на большинство», а потому — и политике наступления, проводя агитацию за осуществление своих идей. Те же мысли относительно власти и войны Троцкий, как он говорит, пропагандировал и на митинге-концерте пулеметчиков. Он категорически отрицал приписываемые ему призывы типа «Смерть Керенскому». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 47-47 об., 48-48 об.).

Утверждения Троцкого подкрепляются другими лицами. По показаниям рабочего завода Парвизайнен (партийность — большевик) А.А.Бабицына, слушавшего Троцкого 2 июля в Народном доме, никаких призывов к расправе с Керенским он не слышал. Свидетелю запомнились слова: если мы устраним Керенского, все равно не устранимся война. Оратор критиковал начавшееся 18 июня наступление на Юго-Западном фронте, предрекая ему неудачу, что в свою очередь подготовит почву для активизации контрреволюции. Не услышал свидетель и призывов к вооруженному выступлению: как он помнит, речь шла о борьбе за переизбрание Совета «путем устной и письменной пропаганды». Не было слов и о восстании против Временного правительства. (Там же. Д. 10. Л. 2-2 об.).

В показаниях подпоручика 1 Пулеметного полка А.Е.Затыкина от 15 июля 1917 г. говорится, что Троцкий, выступая 2 июля в Народном доме, «говорил с сильным подъемом и возбуждением, это был какой-то резкий, страстный, горячий призыв». Речь шла о том, что военный министр Керенский «нас обманывает, так же, как обманывал Вильгельм своих солдат». Оратор критиковал наступление на фронте, говоря о том, что «война нужна только капиталистам», выступал и против министров-капиталистов. Свидетелю вместе с тем показалось, что Троцкий как бы подводит к необходимости «сделать вооруженное выступление против правительства». Призывы оратора, по словам свиде-

теля, имели такую реакцию у слушателей, что они стали выкрикивать угрозы расправы с Керенским. В целом «получилась такая атмосфера» и возбуждение у собравшихся на митинг-концерте, что, по мнению свидетеля, если бы у участников собрания было в руках оружие, они «сразу бы пошли с оружием требовать передачи власти от правительства». Митинг продолжался с 5 ч. дня до 11 ч. вечера (Там же. Д. 2. Л. 13-13 об., 14).

«Абсолютно несостоятельными» считал обвинения против Троцкого и товарищ министра юстиции Временного правительства народный социалист А.А.Демьянов. Демьянов утверждает, что именно он позднее настоял и распорядился об освобождении Троцкого из тюрьмы, посчитав приписываемые обвиняемому выпады против Керенского нелепыми и бессмысленными. (Кентавр, 1994. № 6. С. 54).

- 16 В показаниях А.М.Коллонтай говорится, что в 1917 г. она неоднократно выступала в воинских частях Петрограда на полковых собраниях-митингах. Она рассказала, что на один из таких митингов в 1 Пулеметном полку поехала вместо Ленина, который был занят. На этом митинге Коллонтай выступила с речью, в которой отстаивала традиционные тогда требования большевиков о передаче всей власти «в руки Совета р. и с.д.», о невыводе из Петрограда частей гарнизона, об опубликовании тайных царских договоров, контроле над производством. Говорила она и «о непосылке маршевых рот на фронт». В то же время Коллонтай отвергла приписываемые ей призывы к братанию на фронте, относясь к этому, по ее словам, скептически. Она считала центральной задачей работу по пропаганде идей мира в тылу, хотя не исключала, что где-то могла призывать и к братанию. Но Коллонтай акцентировала внимание на то, что инициатива братания «исходит от французов и англичан, которые первыми бросили этот лозунг братания». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 2-2 об.).
- 17 Из вышеприведенных показаний подпоручика А.Е.Затыкина это не вытекает. Он показал также, что полковой комитет был против вооруженного выступления, о чем он впоследствии узнал. И поэтому А.Я.Семашко образовал свой «революционный комитет», который стал фактическим руководителем выступления. (Там же. Д. 2. Л. 14). Ни о каких руководящих указаниях со стороны свидетель не говорит.
- 18 Видимо, это — Н.И.Подвойский — один из руководителей Военной организации большевиков, а впоследствии Петроградского военно-революционного комитета.
- 19 Поясняя позицию Военной организации в июльские дни, Н.И.Подвойский рассказал о ее попытках остановить выступление полков на улицу, которые закончились неудачей. Тогда Военная организация, как и другие органы, решила встать во главе движения, придать этому организованный характер и этим, по возможности, «избежать кровопролития».

Подвойский считал, что «в гуще солдатской массы не было никакого стремления кого-либо арестовывать, что-либо захватывать».

Относительно броневигов, о которых говорится в следственном документе, Подвойский разъяснил, что было решено поставить «в наиболее опасных местах» броневиговые машины. Это делалось большевиками для охраны демонстрантов от возможности нападения. В ночь с 3 на 4 июля, между 1-4 часами ночи, броневигови были Военной организацией вызваны, чтобы разместить их около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Главного штаба и т.д.

Носившиеся по городу и производившие выстрелы чьи-то грузовики не имели никакого отношения к демонстрантам. (Шестой съезд (РСДРП большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 65).

²⁰ Речь идет о II общегородской Петроградской конференции большевиков, работавшей с перерывом в июле 1917 г. (См.: Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.-Л., 1922).

²¹ Союз русского народа — монархическая политическая партия. После Февральской революции запрещена. Выражала настроения правопатриотического спектра русского дореволюционного общества.

²² Е.И.Спец — солдат-большевик 11 роты 1 Пулеметного полка, расположенной в Ораниенбауме. Спец показал следствию, что он 3 июля 1912 г. приехал в Петроград и явился в Таврический дворец на заседание Фракции большевиков Петроградского Совета. В этом заседании участвовали полковые большевики И.Ф.Казаков, А.И.Жилин, И.Н.Ильинский. Здесь он узнал о решении 1 Пулеметного, 180-го и Московского полков выступить в этот же день с оружием в руках против Временного правительства. Затем вместе с большевиками-пулеметчиками Спец направился в дом Кшесинской на заседание Военной организации партии. По его окончании делегаты направились в свои части с поручением постараться удержать их от выступления. Если же полки решат тем не менее выступать, делегатам следовало возвратиться в Военную организацию для получения новых инструкций.

Спец после этого поехал в часть, в Ораниенбаум, где доложил о решении ВО ротному комитету, и вечером 3 июля опять отправился в Петроград в распоряжение Военки. Ему сообщили, что Военка решила выступить всем полкам с оружием в руках на другой день в 8 ч. утра.

Спец получил приказ вызвать в Петроград Ораниенбаумский гарнизон с оружием и в боевом порядке. Он отправил телефонограмму в 11 роту полка. В ответ в столицу утром 4 июля выехал 3-й батальон пулеметчиков с оружием и снаряжением, присоединившись к демонстрантам. (ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 36. Л. 7-7 об.).

²³ Еще 16 мая 1917 г. начальник штаба верховного Главнокомандующего генерал А.И.Деникин сообщил секретной депешей военному и морскому министру А.Ф.Керенскому о переходе в расположение VI армии Западного фронта бывшего прапорщика

16-го Сибирского стрелкового полка Д.С.Ермоленко и проведенном допросе последнего. Ермоленко показал, что в плену на его имя по ошибке поступала большая украинская литература и корреспонденция на украинском языке. Все это было адресовано его однофамильцу — С.С.Ермоленко. По предположению А.И.Деникина, С.С.Ермоленко, по-видимому, являлся популярным украинским деятелем. почта ему шла из Львова, Вены и из других мест.

Немцы, как считает Деникин, на основании этой переписки могли заключить, что в лице прапорщика Д.С.Ермоленко они заполучили «крупного и влиятельного представителя целой политической партии». Поэтому они решили воспользоваться пленным Ермоленко в своих целях. Они предложили пленному прапорщику отправиться под видом бежавшего из плена в Россию, чтобы он проводил широкую агитацию, используя любые средства, в интересах Германии. В частности, Ермоленко было предложено агитировать против Временного правительства, в особенности против Милюкова и Гучкова. Ему якобы также вменялось в обязанность пропагандировать отделение Украины от России. Но главное — отстаивать необходимость скорейшего заключения мира между Россией и Германией.

В послании Деникина пересказываются подробности вербовки Ермоленко германскими офицерами Генерального штаба, включая и выдачу денежных сумм на проведение подрывной антирусской работы.

В депеше Деникина упоминаются В.И.Ленин и председатель Союза освобождения Украины А.Ф.Скоропись-Иолтуховский; якобы они оба, по объяснению вербовавших Ермоленко офицеров, участвовали в некоем Берлинском съезде социалистов (время съезда вообще не указано). И эти офицеры командировали Ленина в Россию с теми же целями и задачами, что и Ермоленко. В послании Деникина априорно утверждалось о получении Лениным немецких денег через третьих лиц, предназначенных в Стокгольм; утверждалось и о возможных контактах Ленина со Скоропись-Иолтуховским.

Сам Ермоленко был в этот момент под стражей в распоряжении Ставки в Могилеве (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-2 об.).

К посланию Деникина были приложены документы, обнаруженные при Ермоленко, которые, по смыслу сказанного изобличали его как шпиона: малая записная книжка; удостоверение от младшего врача 16-го Сибирского стрелкового полка от 20 ноября 1914 г. о контузии Ермоленко; географическая карта Украины венского издания; экземпляры газет на украинском языке. (Там же. Л. 3).

По утверждению Д.С.Ермоленко, он был несколько раз контужен в боях (в том числе в Русско-японскую войну). (Там же. Л. 5).

Данные Ермоленко в апреле месяце показания оставались до определенной поры в секрете.

Вновь Ермоленко давал и повторял показания после июльских событий, для чего он был доставлен в Петроград. Его маловра-

зумительные свидетельства понадобились тогда для дискредитации большевистской партии, подвергшейся преследованиям после июльского кризиса. Они и включены в текст Постановления Особой следственной комиссии. На допросе 17 июля 1917 г. Ермоленко сообщил, что завтра он отбывает на свое местожительство в Хабаровск. Он добавил, что имевшиеся у него деньги, якобы полученные от немецких генштабистов, были ему оставлены с разрешения верховного главнокомандующего генерала А.А.Брусилова. (Там же. Л. 19-19 об., 22-22 об.).

По признанию А.Ф.Керенского, 17 мая или днем позже он получил от А.И.Деникина пакет с протоколом допроса Ермоленко, который провели офицеры контрразведки. Сообщенное Керенским целиком совпадает с вышеприведенным донесением А.И.Деникина. Керенский утверждает также, что «Союз освобождения Украины» функционировал в Австрии на средства Германии.

Кроме того, Керенский пишет, что в середине апреля были получены от французского министра военного снабжения социал-шовиниста А.Тома сведения о якобы имевших место связях большевиков «с многочисленными немецкими агентами». Расследование по этим материалам было поручено вести министрам Н.В.Некрасову и А.Ф.Керенскому. По утверждению автора мемуаров, об информации Тома не были поставлены в известность ни остальные члены Временного правительства, ни верховный главнокомандующий. По словам Керенского, в начале июля 1917 г. министр юстиции П.Н.Переверзев получил даже документы для проведения арестов по фактам расследования данных А.Тома. Однако в разгар июльского кризиса, 4 июля Переверзев, опасаясь за исход кризиса, опубликовал без санкции премьера Г.В.Львова, заявление для печати о связях организаторов июльской демонстрации с немцами. Детали этого заявления были взяты из доклада, подготовленного совместно М.И.Терещенко, Н.В.Некрасовым и А.Ф.Керенским по материалам «абсолютно секретных расследований», не имевших отношения к показаниям Ермоленко. (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 220, 221).

Однако Керенский ни словом не раскрывает содержания информации, переданной А.Томом, и это заставляет сильно усомниться в существовании таких сведений вообще. Что же касается выступления в печати П.Н.Переверзева, то он воспользовался шаткими и противоречивыми показаниями Ермоленко. Выступление Переверзева создало обстановку шпиономании и позволило обрушиться на противников власти. Однако убедительность опубликованного, да еще в бульварной печати, материала была невелика, и Переверзеву пришлось сразу же уйти в отставку. Тем не менее, была достигнута главная цель — вызвать антибольшевистскую истерию, отвлечь внимание от подлинных глубинных причин июльских событий.

В те дни министр-председатель Г.Е.Львов говорил, что антибольшевистский поворот в июльском кризисе укрепил в нем

лично чувство оптимизма. Он пришел к выводу, что «глубокий прорыв на фронте Ленина» имеет, по его мнению, «несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте». (Известия Петрогр. Совета р. и с.д. 1917. 12 июля).

По имеющимся опубликованным немецким документам невозможно найти какие-либо «финансовые следы» большевистско-немецких связей или какой-то намек на факты большевистско-германского альянса. Германские дипломатические документы свидетельствуют о намерении попытаться использовать позиции и взгляды левоинтернационалистского крыла РСДРП для решения германских общеимперских задач. Немцы надеялись, что революционное движение в России поможет заключить выгодный Германии мир, ускорит выход России из войны. Они поддерживали поездку в Россию секретаря Интернациональной социалистической комиссии Циммервальдского объединения Р.Гримма для зондирования условий заключения мира. Поэтому немецкие официальные лица склонились и к разрешению о проезде группы Ленина на родину. В телеграмме госсекретаря МИД Циммермана дипломатическому чиновнику Лесснеру говорилось от 23 марта 1917 г., что влияние радикального крыла русских революционеров поможет немцам «выиграть главное», т.е. избежать военного поражения, добиться почетного мира. Поэтому он высказывался за разрешение этим революционным радикалам проезда в Россию. О том же примерно писал германский посланник в Берне фон Ромберг канцлеру Бетман-Гольвегу.

В свою очередь кайзер Вильгельм II в телеграмме Бетман-Гольвегу от 11 апреля 1917 г. высказался в том плане, чтобы левые русские эмигранты по приезде в Россию «в качестве ответной услуги» приложили бы «все силы для немедленного заключения мира». (*Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland. 1917. Leiden, 1957. S. 53-54, 55-56, 65, 93-94*).

Однако надежды немецких официальных лиц использовать в своих целях поездку Ленина и его спутников в плане перелома общей ситуации в пользу Германии, практически не оправдались. Во время встречи Парвуса (А.Л.Гельфанда) с Лениным в Швеции 13 апреля 1917 г. (нового стиля) Парвус, как ярый сторонник германского правительства попытался выяснить дальнейшие намерения Ленина по прибытии его в Россию. Он убеждал Ленина, что необходимо заключить мир между воюющими странами. В ответ Ленин заявил, что его не интересует дипломатия. Его задачей является проведение социал-революционной агитации. Об этом разговоре в 1918 г. рассказал сам Парвус в своей брошюре. Разговор шел в присутствии большевика Я.С.Ганецкого, их общего друга. (*Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 256*).

24 С.П.Белецкий — директор Департамента полиции накануне Февральской революции.

²⁵ В.И.Ленин долго не верил в провокаторство Р.В.Малиновского, считая подозрения Н.И.Бухарина и других большевиков необоснованными. Малиновский состоял на службе в Охранном отделении Департамента полиции с 1910 г. В 1912-1914 гг. — член ЦК РСДРП, депутат IV Государственной думы. Был разоблачен после Февральской революции. В 1918 г. расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.

²⁶ А.А.Трояновский (1882-1955). Член РСДРП с 1904 г., меньшевик. Вступил в РКП(б) в 1923 г. Видный советский дипломат.

²⁷ Г.А.Алексинский (1879-1967). Деятель РСДРП. В 1907 г. — депутат II Государственной думы, участник V съезда РСДРП в Лондоне. Во время первой мировой войны социал-шовинист и ярый оборонец. В 1912 г. примкнул к с.-д. группе «Единство», возглавляемой Г.В.Плехановым.

В июльские дни 1917 г. опубликовал в газете «Без лишних слов» пророчащие большевиков документы. В 1918 г. эмигрировал. Скатился на позиции монархизма.

²⁸ «Социал-демократ» — с 1908 г. нелегальный ЦО РСДРП, с 1912 г. — ЦО большевиков. С декабря 1911 г. редактором газеты был Ленин. Выходила в Женеве до января 1917 г.

²⁹ Я.С.Ганецкий (Фюрстенберг) (1879-1937). Деятель русского и международного революционного движения. Член РСДРП с 1896 г. Один из руководителей социал-демократии Польши и Литвы (СДКПиЛ) в 1903-1909 гг. С 1907 г. член ЦК РСДРП, большевик. В 1917 г. — член заграничного представительства большевиков в Стокгольме.

Находясь за границей, занимался предпринимательской деятельностью. В январе 1917 г. Ганецкий был арестован по обвинению в экспорте медицинских изделий, поскольку они были запрещены в Германии и России.

Оксфордский исследователь М.Фатрелл ознакомился с судебным делом Ганецкого, который возглавлял правление одной датской торгово-экспортной компании. Оборот этой компании исчислялся десятками тысяч фунтов стерлингов. Как выяснилось, источником основных доходов компании была контрабанда противозачаточных средств в Германию и Россию. В связи с этим с Ганецкого был взыскан штраф, и он был выслан в Стокгольм, где помещалось правление компании. Здесь, по утверждению Фатрелла, Ганецкий стал работать «агентом Ленина и, возможно, продолжал торговлю». Доказательств происхождения денежных ресурсов Ганецкого «из немецкого источника» исследователь не обнаружил. (Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 172-173).

Имя Ганецкого фигурировало и в Комиссии П.А.Александрова, но «шпионский след» в связи с этим именем так и не был обнаружен, хотя тесные связи Ганецкого с Парвусом ни для кого не были секретом.

Арестованный тогда же большевик М.Ю.Козловский сообщил, что Ганецкий, находившийся в Дании еще в 1915 г., сообщил ему, что намерен заняться коммерческой деятельностью и со-

здать акционерную компанию по торговле с Россией. Он просил Козловского как юриста помочь ему в составлении устава компании. Ганецкий сообщил также Козловскому о знакомстве с Парвусом, который согласился создать концерн для задуманного предприятия. Козловский решил взять на себя посреднические функции по связи с петроградскими предпринимателями, но затем отказался от участия в этом деле, сказав об этом Ганецкому.

В 1916 г. Козловский стал по просьбе Ганецкого юрисконсульт-ом его торгово-экспортной фирмы в Копенгагене. Он пробыл в этой должности около 10 месяцев. Гонорары Козловский получал от Е.М.Суменсон, которая занималась продажей химических изделий и медикаментов, пересылая их в Россию из Дании и Швеции. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 14. Л. 9 об., 10, 11, 13-13 об., 14).

30 М.Ю.Козловский в своих показаниях подчеркнул, что никто из русских эмигрантов не считал и не считает Парвуса германским агентом. (Там же. Л. 15 об.).

31 По показаниям М.Ю.Козловского упоминаемый З.И.Бурштейн входил в ближайшее предпринимательское окружение Парвуса, купец из Ковеля. Бурштейн был допрошен в Следственной комиссии. Бурштейн по заданию Парвуса представил вместе с другими комиссионерами расчеты о возможности создания коммерческого предприятия совместно с Ганецким.

Козловский опроверг утверждения Бурштейна, что Ганецкий прибыл в Копенгаген через Германию. Козловский настаивал, что Ганецкий прибыл в Данию через Париж и Лондон из Цюриха (Швейцария). Его приезд в Данию был осуществлен по телеграфному вызову некоего Болеслава Шиликовского, присяжного поверенного из Варшавы, проживавшего в Копенгагене. Начало войны застало Ганецкого в Кракове или около Кракова. Его оттуда выселили австрийские власти как русского подданного, и ему пришлось с семьей перебраться в Цюрих. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 14. Л. 15).

В своем письме в адрес председателя ВЦИК Советов от 5 июля 1917 г. в связи с появлением в бульварной газете «Живое слово» порочащих его репутацию материалов, М.Ю.Козловский отрицал свою причастность к доверенным лицам германского генштаба. Он также отверг обвинения в том, что является «главным получателем немецких денег», переводимых, якобы, из Берлина через объединение «Дисконто-Гезельшафт» в Стокгольм в «Виа Банк», а отсюда в адрес Сибирского банка в Петрограде на личный текущий счет. (Там же. Д. 14. Л. 99).

32 Брат И.С.Ганецкого, В.С.Фюрстенберг также давал показания следствию. Он занимал должность заведующего Полоцким районом врачебно-заготовительных организаций Союза городов Северного фронта. Проживал в Полоцке. Был связан с предпринимательской деятельностью брата. (Там же. Д. 9. Л. 64-66 об., 67).

Жена Ганецкого по национальности была полькой австрийского подданства, и это, по словам Козловского, позволяло ей бес-

препятственно проехать из Цюриха через территорию Германии. (Там же. Д. 14. Л. 15).

- 33 Контакты Парвуса с немецкими правительственными сферами, видимо, имели место. В литературе о Парвусе сообщается о его встрече в январе 1915 г. в Константинополе с германским послом. Парвус убеждал посла, что интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров. Он развивал мысль, что в интересах Германии будет победа революции в России. Это может повести к распаду России на отдельные независимые государства, в чем Германия должна быть заинтересована. (*Земан З., Шарлау В.* Парвус — купец революции. С. 165). Политическая неразборчивость и нечистоплотность Парвуса в добывании средств вызывали осуждение русских революционеров.

В письме Л.Д.Троцкого в июле 1917 г. в редакцию советских «Известий» по поводу деятельности Парвуса говорилось о тайной связи Парвуса «с германским империализмом», что было, по мнению автора письма, несовместимо с революционной честью. Троцкий подчеркивал, что за время войны у него «не было и не могло быть ни политических, ни личных, ни прямых, ни косвенных связей с Парвусом». (Известия Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 8 июля).

В западной печати был создан устойчивый образ Парвуса как нечистоплотного человека, проходимца и мошенника, нажившего на войне огромное состояние. Вместе с тем в этих рассказах, как признают исследователи жизни Парвуса, соседствовали правда, полуправда и даже преднамеренное сгущение и искажение ряда фактов.

По некоторым данным, в 1919-1920 гг. в швейцарском банке на его имя лежало 2222 тыс. франков. Хотя, видимо, это была малая часть состояния Парвуса, размещенного будто бы в банках почти всех европейских стран — от Швеции и до Турции. (*Земан З., Шарлау В.* Указ. соч. С. 301, 306).

- 34 Д.И.Заславский (1879-1965). Сотрудник крайне правой социалистической газеты «День», именовавшейся органом социалистической мысли. Резко выступал против большевиков. Впоследствии видный советский журналист и фельетонист.

- 35 Е.М.Суменсон. Сотрудница торговой фирмы Я.С.Ганецкого. Была арестована после июльских дней.

В своих показаниях она утверждала, что Ганецкий «забросил свои социалистические идеалы и весь ушел в коммерческую деятельность». В 1915 г. Суменсон дала согласие Ганецкому работать в его учреждении, занимаясь продажей в России, в Петрограде, присылаемых ей товаров. Она вернулась из Копенгагена в Россию и стала там работать. В показаниях названы медикаменты, которые получала и реализовывала Суменсон в Петрограде, рассылая их в другие города.

Выручаемые от продажи медикаментов, шприцев и термометров средства Суменсон вносила на счета в разных банках. Неко-

торые счета были открыты на ее имя. Деньги, по ее словам, переводились за границу через банки по указанию Ганецкого.

Суменсон показала, что ей лично знаком и М.Ю.Козловский как представитель торгового предприятия Ганецкого, с которым она имела строго деловые отношения.

Суменсон отмежеввалась от политической подоплеки своей чисто коммерческой деятельности, пояснив, что вообще никогда не интересовалась политическими вопросами и делами и не имеет совершенно никакого отношения к событиям 3-5 июля в Петрограде.

Следствие позднее признало, что в действиях Суменсон не установлено никаких доказательств ее прогерманской деятельности. В сентябре 1917 г. она была освобождена из-под ареста. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 16. Л. 165-175 об., 309-309 об.).

36 Имеется в виду старое Уголовное уложение Российской империи, которым власти продолжали руководствоваться и после свержения самодержавия.

37 Еще до завершения следствия по июльским событиям прокурор Петроградской окружной судебной палаты Н.С.Каринский предал огласке в печати некоторые следственные материалы, придав этому четкую антибольшевистскую направленность. Это вызвало протесты в меньшевистско-эсеровском руководстве Советов р. и с.д., что привело к отставке прокурора. Уход Каринского связывали с заключением совещательной комиссии при Юридическом отделе ВЦИК Советов. Комиссия пришла к выводу, что преждевременное оглашение данных предварительного следствия до суда недопустимо ни частными, ни должностными лицами, поскольку действует общий принцип негласности материалов предварительного расследования.

ВЦИК Советов поставил в вину Каринскому распубликование в печати официального сообщения по делу большевиков. Всю деятельность Каринского на судебном посту ВЦИК в целом оценил как реакционную. ВЦИК связывал напрямую с именем Каринского арест наиболее видных деятелей большевистского крыла.

Прокурором Петроградской судебной палаты был назначен С.В.Карчевский (День. 1917. 6, 8 августа).

МАТЕРИАЛЫ ОСОБОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ

ПРОТОКОЛ

допроса В.М.Чернова 1917 г. августа 19 дня

Чернов, Виктор Михайлович,
Министр земледелия, православный,
под судом не был, Троцкому посторонний.

...5 июля с.г., днем, я был на заседании Центрального Комитета Советов р. и с.д. и Исполн. комитета Всерос. Совета кр. депутатов¹. Во время этого заседания было сообщено, что к Таврическому дворцу, где происходило это заседание, подошли вооруженные демонстранты, которые пытаются проникнуть в Таврический дворец для предъявления требований о том, чтобы Советы приняли власть в свои руки.

В течение этого времени неоднократно являлись делегации от бывших у дворца вооруженных частей все с теми же повторными требованиями, чтобы Совет² как можно скорее разрешил вопрос о власти. Делегации выслушивались и затем им заявлялось, что заседание будет продолжаться, что вопрос о кризисе власти будет разрешаться и будет разрешен в том смысле, какой найдет нужным собрание. Во время рассмотрения какого-то менее важного вопроса, я вышел из зала заседания и в одной из зал Таврического дворца, куда был доступ публики, ко мне подошли два каких-то человека, указавшие мне, что к Таврическому дворцу подошли кронштадтские матросы, что они ломятся в дверь, что стража не может их удержать, что они требуют для ареста министра Переверзева, что хотя матросам сообщено об отсутствии Переверзева, они продолжают ломиться в дверь³. Сообщавшие мне это лица попросили меня выйти к матросам, чтобы

удержать их от чего-либо непоправимого, что могло бы случиться. Я видел, что эти же лица, сообщившие мне эти сведения, подходили и к Церетели⁴. Поэтому я тоже подошел к Церетели, сообщил ему эти сведения. Церетели отсоветовал мне выходить к матросам, спрашивая меня, знаю ли я этих людей, просивших меня выйти. Людей этих я не знал, тоже предполагал возможность какого-либо инцидента, но все же решил выйти к матросам. Когда я подходил к дверям, у них была давка, некоторые матросы уже протирались внутрь здания, и немногочисленным солдатам у дверей было трудно их сдерживать. Когда я вышел за двери, то на подъезде дворца, за колоннами, какой-то неизвестный человек, подозрительный по виду, не в военной форме, закричал: «вот один министр в наших руках, что с ним делать». В ответ на это послышались нестройные крики: «взять», «арестовать», «судить». Другие кричали: «кто это, пусть с нами поговорит». В общем крики лиц за колоннами, вблизи меня, были явно агрессивные, точно подобранные, крики же далее колонн, на площади, наоборот, просили поговорить. Когда я вышел на ступеньки подъезда, вокруг меня сгруппировались матросы, кричавшие: «вот это один из тех, которые стреляют в народ»; «обыскать его, где у него оружие, которым он хочет в нас стрелять». Я ответил, что я вышел, чтобы говорить с пришедшими и если кто либо посмеет меня обыскивать, пусть делают со мной, что хотят, я не скажу ни одного слова. Я сказал это резко и стоявший вблизи матрос сказал: «нет оружия, не надо, пускай идет, говорит». Я взойшел на какое-то возвышение, кажется, бочку, сказал, что я министр земледелия Чернов, что не понимаю, чем все так взволнованы, в кратких чертах рассказал историю возникновения кризиса власти и сказал, что свое отношение к этому кризису Совет сейчас выясняет на заседании, почему и прошу их не волноваться, разойтись и спокойно ждать той оценки положения, которую вынесет Совет. После этого взял слово человек, назвавший себя членом Петрогр. комитета РСДРП, который заявил, что прежде чем я уйду, я должен буду ответить на некоторые вопросы, которые мне будут поставлены. Из поставленных им мне вопросов, главных было два, а именно, почему я до сего времени не издал закона о земельных сделках и почему, не-

смотря на пожелания Совета кр. депутатов и Главного земельного комитета⁵, правительство до сего времени не издало декларации о передаче земли народу. Я ответил на это, что эти законы разрабатываются, вносятся на рассмотрение Временного правительства, что прохождению их помешал кризис власти, что с своей стороны я Совету кр. депутатов докладывал о ходе законодательства по земельному вопросу, что мои действия находились в полном согласии и с желаниями Советов кр. депутатов и что в частности, сейчас, я должен пойти на заседание Советов продолжать участие в его работах. Толпа стояла в выжидательном положении, настроение толпы на дворе было неопределенное. То же самое лицо, ставившее мне вопросы, заявило, что собравшиеся требуют, чтобы их лозунги и требования, которые я могу увидеть на их плакатах, были мною доведены до сведения Советов, так как Советы должны решать не сами, а прислушиваясь к голосу народа. Я ответил, что лозунги эти уже известны Советам, что я не отказываюсь их передать Советам, но что Советы будут считаться с ними и многими другими голосами из народа и примут свое решение свободно. Затем я сошел с трибуны, повторив свое предложение разойтись, и направился к входу в Таврический дворец. Сходя с трибуны, я заметил за колоннами, у входа, движение вполне определенного рода; с двух сторон, около стен, пробирались к дверям, ряд лиц, причем в числе их «темную личность», которую я накануне, в заседании совета, разоблачил. Человек этот накануне явился в заседание, как представитель 1 пулеметного полка⁶, а бывшие в заседании солдаты этого полка, соц.-революционеры, заявили, что они этого человека никогда в полку не видели. После этого человек этот признал, что он в полк вступил только в тот день, когда явился во дворец. Человек этот был тогда арестован, но как он был освобожден, мне неизвестно. Заметив этого человека за колоннами, я обратил внимание, что он командовал группой лиц, пробиравшейся к дверям. У дверей лица эти окружили меня, не пускали в двери, а один из них схватил меня за руки, крикнув мне: «Стой, куда идешь, больно скоро хочешь». Схватил меня и кричал эти слова один из матросов. В это время появилось несколько лиц из Совета около колонн, я

заметил Рязанова, Стеклова⁷, которые пробовали говорить с матросами, окружившими меня и не пускавшими меня, но получили от матросов ряд увесистых пинков. В это время из дворца вышло еще несколько лиц, пытавшихся освободить меня, но их матросы отталкивали прикладами. Мне, стоявшему в тесном кольце, ничего не делали, а только не пускали меня и держали, пиджака на мне не разорвали. Подозрительная личность, командовавшая задержавшими меня матросами, все время указывала на стоявший вблизи дворца автомобиль. Тогда вся группа, увлекая меня с собой, двинулась к этому автомобилю, причем группа лиц, вышедшая из Таврического дворца, пыталась схватить меня за руки и не пустить меня, но это не удалось. Одного из желавших отнять меня, кажется, Камкова⁸, кто-то из матросов кольнул штыком. Я просил матросов и пытавшихся меня отнять прекратить борьбу, сказав, что я и при старом режиме видел насилие, что насилием меня не удивить, и заявил, что если меня хотят арестовать, то я сопротивляться не буду. Меня отвели к автомобилю, я сам вошел в него, сел, причем в автомобиль немедленно бросилось несколько человек из членов Совета, заявивших, что пусть тогда и их везут. К этому автомобилю подошел в это время дрожащий, растерянный Раскольников⁹, он пытался воспрепятствовать матросам, но его никто не слушал. Обращаясь ко мне, он просил меня успокоиться, заявив, что мне ничего не будет, что он сам со мной пойдет. Я ответил, что я совершенно спокоен, тут же обращаясь к матросам, стоявшим с разгневанным видом у автомобиля, сказал, что ответ им за меня даст русская деревня. В это время к автомобилю подошел появившийся из Таврического дворца Троцкий, который встав на передок автомобиля, в коем я находился, произнес небольшую речь. В этой речи он сперва обратился к матросам, спрашивая их, знают ли они его, видали ли, вспоминают ли. Затем указал, что кто-то хочет арестовать одного министра-социалиста, что это какое-то недоразумение, что кронштадтцы были всегда гордостью и славой революции, что они не могут потому хотеть никаких насилий над отдельными личностями, что отдельные личности ничего не могут значить, что здесь, вероятно, никто не имеет против того, чтобы министр-социалист возвра-

тился в зал заседания, а что матросы останутся мирно обсуждать жизненные вопросы революции. После этой краткой речи он обратился к толпе с вопросом: «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие, кто за насилие, поднимите руки». Ни одна рука не поднялась, тогда группа, приведшая меня к автомобилю, с недовольным видом расступилась; Троцкий, как мне кажется, сказал, что Вам, гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вернуться назад, что это было недоразумение. Все находившиеся в автомобиле могли свободно выйти из него, после чего мы и вернулись во дворец¹⁰.

Общая картина всего этого события не оставляла у меня сомнения, что здесь имела место попытка, заранее подстроенная, темных лиц, действовавших помимо общей массы рабочих и матросов вызвать меня и арестовать.

Возможно, что все это происходило не пятого, а четвертого июля. Я слышал только эту одну речь Троцкого, других речей его не слушал.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 10. Л. 58-59 об., 60.

-
- ¹ Свидетель неточен. Освещаемые им события имели место днем 4 июля 1917 г., во время совместного заседания Бюро ВЦИК Советов р. и с.д. и Бюро исполкома Всероссийского Совета кр. деп. Совместный пленум полного состава советских центров заседал позднее, с вечера 4 июля до утра 5 июля 1917 г.
  - ² Имеется в виду ВЦИК Советов р. и с.д., избранный I Всероссийским съездом Советов в июне 1917 г.
  - ³ Речь здесь идет об отряде кронштадтских матросов, прибывших на поддержку июльской демонстрации в Петрограде. Высадившись утром 4 июля у Николаевского моста, они прошли оттуда к штабу большевиков — дворцу Кшесинской на Петроградской стороне. После короткого митинга они направились отсюда к Таврическому дворцу, где заседали советские центры — ВЦИК и ИК СКД. По пути следования у матросов произошли вооруженные стычки с противниками июльского движения.
  - ⁴ И.Г.Церетели (1881-1959). Один из правооборонческих лидеров меньшевиков и ВЦИК Советов. Сторонник коалиции буржуазии с социалистами, противник власти Советов.
  - ⁵ Главный земельный комитет, как и другие земельные комитеты, был создан Временным правительством в марте 1917 г. Возглавлял Главный земельный комитет профессор А.С.Пашков (1846-

1921). По партийности был близок к партии прогрессистов. Сторонник общинного землевладения.

- 6 1 пулеметный запасный полк Петроградского гарнизона был начинщиком июльских событий. Полк был решительным противником Временного правительства. «Погоду» в полку делали экстремистски настроенные большевики (А.Я.Семашко, И.Ф.Казанов) и анархистские агитаторы (И.З.Блейхман, А.Железняков). Полк выступил вечером 3 июля на улицу вопреки решению большевистских органов, не поддержавших эту акцию.

- 7 Д.Б.Рязанов (Гольдендах) (1870-1938), Ю.М.Стеклов (Нахамкинс) (1873-1941) — с.д. деятели интернационалистского направления, впоследствии большевики. Входили в состав ВЦИК Советов р. и с.д. первого состава (июнь-октябрь 1917 г.).

- 8 Б.Д.Камков (Кац) (1885-1938). Один из лидеров левых эсеров.

- 9 Ф.Ф.Раскольников (1892-1939). Один из руководителей большевиков в Кронштадте. Впоследствии дипломат и литератор. Был арестован в связи с июльскими событиями в Петрограде. В своих показаниях следствию относительно инцидента с В.М.Черновым Раскольников рассказал, что он сразу поспешил на помощь министру, когда его потащили к автомобилю. Он вошел в машину вместе с подоспевшим Троцким. Раскольникову не давали говорить. Но ситуацией сумел овладеть Троцкий. После его короткой речи Чернова освободили. После этого выступил и Раскольников, осудивший насилие над министром, которое могло повести к обострению отношений «с Советом р. и с.д.». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 75).

- 10 Что же касается Троцкого, то он во время следствия квалифицировал попытку ареста Чернова как действия десятка «субъектов полууголовного провокаторского типа». Он показал, что после его энергичного вмешательства Чернов «получил возможность беспрепятственно вернуться во дворец». (Там же. Л. 47 об.-50 об.).

Еще до ареста, сразу после июльских событий, Троцкий писал об обнаглевшей подпольной провокации, рассчитывавшей на безнаказанность и сыгравшей «роковую роль» в июльские дни. Однако, по мнению Троцкого, само народное июльское движение «было подготовлено войной, надвигающимся голодом, поднимающей голову реакцией, безголовьем правительства, авантюристским наступлением, политическим недоверием и революционной тревогой рабочих и солдат». (Вперед. Орган Петербург. Междурайонного комитета объединенных социал-демократов (интернационалистов). № 7. 7 августа (25 июля) 1917 г. С. 4).

ПРОТОКОЛ

допроса свидетеля В.Л.Бурцева 1917 года 2-5-го августа

Судебный следователь по особо важным делам
Александров¹

*Бурцев Владимир Львович²,
журналист, 54 лет, православный,
проживаю: Литейный, 21,
кв. 6, телеф. 65-65*

...Деятельность Ленина-Ульянова в России, в настоящее время, со времени его приезда сюда, имеет непосредственную связь с его деятельностью за границею в период времени 1912-1914 годов, которую мне лично пришлось наблюдать.

В то время Ленин, Зиновьев, Каменев и другие, причем к ним часто приезжал и Малиновский из Петрограда³, проживали в Австрии, в Кракове, в нескольких верстах от русской границы.

Проживание в Австрии для русских эмигрантов в эти годы было сопряжено с большими затруднениями, проживание же Ленина и К-о там же, при их активной работе, когда они издавали литературу, свой орган — «Социал демократ», вели революционные связи с Россией — не только не встречало какого-либо стеснения или затруднений от австрийского правительства, а, наоборот, имело явно покровительственный характер. Такое покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину... объяснялось тем, что Австрия в то время подготавливала войну с Россией и покровительствовала тем лицам и партиям, которые бы могли в будущем во время войны ослаблять мощь и боевую способность России, что конечно являлось главною целью для Австрии. Описанное мною особо покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину выражалось не только в довоенное время, но ярко обнаружилось во время войны, когда Ленин, которого война застала в Австрии, был арестован. После объяснений с ним его быстро освободили и

по моим сведениям потому, что по указаниям австрийского министра, он, Ленин, будет полезен во время войны с Россией Австрии⁴.

Ленин и его товарищи после того свободно уехали в Швейцарию... Самой крупной фигурой социал-демократического движения среди большевиков был *Ленин*. Ленин, по моему мнению, фанатик, не преследовавший своих личных узких целей и подчинявший все интересам того кружка, к которому он принадлежал, и интересам этого кружка подчинил интересы всего революционного движения, интересы нации. К этим целям [он] шел всеми средствами, и для Ленина, можно сказать, цель оправдывала эти средства. По его мнению и мнению его кружка, нужно было желать во чтобы то ни стало победы Германии и немецкого правительства, а в лице Германии немецкого пролетариата, организованного лучше, чем какой-либо другой пролетариат.

Такой взгляд Ленина и его ленинской партии диктовал Ленину стремиться к победе Германии над Россией. И к этой цели Ленин шел всеми средствами и придерживался принципа «цель оправдывает средства»⁵.

Как фанатик, ставя цели своего кружка выше всего, он, Ленин, более всего заботится о торжестве этих целей, о победе Германии, ставя их выше интересов нации. Для переезда в Россию Ленина, при таких условиях естественны и понятны те услуги, какими Ленин пользовался при переезде через Германию в Россию, так же, как он пользовался услугами и покровительством австрийских властей. В то же самое время Ленин пользуется услугами различных немецких агентов, среди которых особенно выдается Парвус и его помощники по части оказания услуг Германии. Парвус⁶, старый социал-демократический деятель, был вместе с Лениным и его товарищами в Совете рабочих депутатов, был послан в Сибирь и оттуда бежал за границу, был активным деятелем немецкой социал-демократической партии. *Парвус* завязал прочные сношения с немецким правительством, когда Германия стала готовить войну с Россией. Задолго до войны он был немецким агентом в Константинополе и Болгарии. По указаниям немецкого правительства Парвус организовал враждебную России агитацию в Турции, Болга-

рии, Румынии и Австрии. С этой целью он завязал сношения с очень многими видными деятелями. Между прочим для этого же основал в Копенгагене научный институт. Многие из его *агентов*, вроде *Ганецкого* (Фюрстенберга)⁷ оказались в тесных отношениях с ленинцами и его партией и оказывали им огромные услуги и, как мне достоверно известно, не только идейные, но и денежные. Что оказывалась денежная помощь — это мне хорошо известно, как от лиц, приезжавших из Копенгагена, и беседовавших со мною, так и из переписки, которая существовала между Ганецким, как агентом Парвуса, так и другими лицами. Лично в отношении самого Ленина могу сказать следующее. Я не располагаю данными, указывающими на то, что Ленин непосредственно получал денежные суммы от Парвуса, Ганецкого и других немецких агентов, но в литературе я высказал открыто свое глубокое убеждение, это же убеждение, основанное на сообщениях моих товарищей говорю и сейчас, что Ленин *не мог не знать*, что его партия пользуется материальною поддержкою со стороны Германии и германских друзей.

Попытки немецкого правительства воспользоваться услугами эмиграции во время войны мне известны хорошо. Между прочим накануне объявления войны меня посетил один из крупных сотрудников австрийской газеты, который, зная мою крайне резкую борьбу с самодержавием, предложил мне ехать во время войны в Германию с тем, чтобы я продолжил мою борьбу с царизмом и предложил огромные средства — 100000 марок и неограниченный кредит. Было выражено при этом желание, чтобы я вел борьбу и пропаганду против царизма и правительства. На это я ответил: «Я еду, но не в Берлин, а в Петербург».

Из показаний, данных мне бывшим русским агентом, который с согласия Департамента полиции вел сношения с Бисмарком — немецким представителем в Берне, *Долиным*, я знаю, что немецкое правительство с полным отрицанием отзывалось о моей деятельности и деятельности Крапоткина⁸ и с большою похвалою о деятельности *Ленина*.

...*Малиновский* был у меня в Париже по поручению *Ленина* в начале января 1914 года, в виду того, что большевики узнали о том, что я заявлял, что среди них есть крупный

провокатор. Малиновский явился ко мне с рекомендацией Ленина, как член эс-дековского центр. комитета и председатель эс-дековской фракции в Государственной думе. Я ему указал на *одного* провокатора эс-дековского в Париже и заявил, что *второй* провокатор в Петрограде и указал ему способы его открыть. В то время я не подозревал того, что тогда предо мною стоял именно *второй* провокатор, о котором шла речь.

В апреле я неожиданно получил запрос из Русского слова⁹ высказаться о Малиновском, при чем сообщалось, что он обвинен в провокации по моим сведениям. В виду того, что в то время у меня не было и тени подозрения на Малиновского, как провокатора, я ответил, что я его не обвинял.

Через несколько дней я узнал, что Малиновский за границей, [я] заявил *Ленину* требование, что над Малиновским суд неизбежен, в виду обнаружившейся его политической и общественной непорядочности. Несмотря на все мои домогательства, мне Ленин не представил возможности самому снести с Малиновским и лишил нас возможности устроить компетентный, беспристрастный суд над Малиновским. Устроенное же Лениным разбирательство над Малиновским никого не удовлетворило¹⁰.

Несмотря на то, что Ленину я посылал несколько телеграмм и писем с требованием суда над Малиновским и свидания с ним, он всячески лишил меня возможности снести с самим Малиновским. Мое впечатление таково, что хотя у Ленина быть может в то время и не сложилось убеждения в том, что Малиновский прямой агент полиции — провокатор, но я не сомневаюсь в том, что Ленин, допуская это, однако, опасался, что полное раскрытие дела Малиновского будет очень неприятно для его, Ленина, деятельности, так как Малиновский был один из лидеров его направления, а поэтому Ленин всячески препятствовал полному разоблачению Малиновского и раскрытию его деятельности, как провокатора. Это минимум того, что я говорю про Ленина, и я могу сказать, что Ленин явился виновником того, что Малиновского мы не вскрыли и, если бы не Ленин, это было бы сделано нами.

Учиненный же Лениным суд над Малиновским был совершенно незаконным и конечно не удовлетворил, и было это им предпринято с целью не дать нам, товарищеским судом, «вскрыть» провокационную деятельность Малиновского.

1917 года августа 5-го дня судебный следователь по особо важным делам Александров продолжал допрос свидетеля по 443 ст. у.у.с. *Бурцев* Владимир Львович.

Продолжаю свое показание.

...II — В отношении *Троцкого* показываю: как революционера я знаю его около 15 лет.

Всегда в моих глазах он рисовался человеком горячо относящимся к революционному делу.

В 1913-1914 гг. он вместе с Парвусом был редактором газеты «Правда» в Вене¹¹, выступал как человек, вполне солидарный с Парвусом. Как я уже показал, Парвус подготовлял вместе с Австрией войну с Россией, но разделял ли Троцкий эту роль с Парвусом, мне неизвестно¹². Во всяком случае могу сказать, что Троцкий с начала войны занял ярко враждебную позицию по отношению к нашим союзникам. Это выразилось между прочим и в его газете, которая поддерживалась и его единомышленниками и случайными пожертвованиями отдельных лиц, кроме того, по дошедшим до меня сведениям у Троцкого был еще и третий источник денежных средств, а именно он будто бы получал денежные суммы через Парвуса от немецких агентов, обслуживавших немецкие интересы, а также от *Раковского*¹³. Впоследствии Троцкий высказывался против Парвуса, но не против его идей...

*Луначарского*¹⁴ я знаю много лет, как литератора и человека, близкого к ленинскому направлению. С начала войны он занял резко отрицательное к ней отношение и как в жизни, так и в литературе поддерживал постоянные отношения, работая вместе с большевиками.

Вне литературы его деятельность мне неизвестна.

*Рошаль*¹⁵. В отношении Рошалья имею показать нижеследующее. Когда я в революционное время посещал тюрьмы, то при опросе некоторые из содержавшихся провокаторов мне заявляли, что, посещая конспиративную квартиру для

свидания с жандармским офицером, они видели там также и *Рошаль*.

...Сведения о Троцком, Парвусе, социал-демократах большевиках, о их деятельности в 1915-1916 г. должен хорошо знать секретарь русской миссии бывший в Берне до самого переворота *Бибиков*; остался ли он в Швейцарии или уехал в Россию, мне неизвестно.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 6. Л. 25-28 об., 29, 30-31 об.

---

¹ П.А.Александров — судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда.

10 июня 1917 г., сразу после июльских событий в столице, он получил официальное предписание прокурора Петроградской палаты Н.С.Каринского «приступить к производству следствия о восстании 3-5 июля с.г. по признакам преступления предусмотренного 100 и 108 ст. Уголовного Уложения». Речь шла о статьях Уголовного Уложения царской России.

По получении предписания П.А.Александров в тот же день постановил приступить к производству следствия. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1 об.).

Делопроизводство об июльских событиях, состоящее из 20 с лишним следственных томов, именуется «Предварительное следствие о вооруженном выступлении 3-5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти». (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 1, 2 и др.).

Перед следствием в общей сложности прошло до 300 свидетелей разных званий и профессий: офицеры, лица младшего командного состава, военные и гражданские чиновники, журналисты и литераторы, студенты и т.д.

К судебной ответственности были привлечены В.И.Ленин, Г.Е.Зиновьев, Л.Д.Троцкий, А.В.Луначарский, А.М.Коллонтай, М.Ю.Козловский, А.Л.Парвус (Гельфанд) — заочно, Я.С.Ганецкий (Фюрстенберг), Ф.Ф.Раскольников, прапорщик А.Я.Семашко, С.Г.Рошаль, И.З.Блейхман и др.

Некоторые обвиняемые скрылись, включая Ленина и Зиновьева. (См.: 3-5 июля 1917 г. По неизданным материалам судебного следствия и архива Петроградского Комитета Р.К.П. Пг., 1922. С. 37, 47). В книге приводится подробный именной указатель свидетелей по делу из 283 чел. (С. 75-77).

Сам П.А.Александров в 1939 г. был репрессирован за участие в июльском расследовании 1917 г. Во время допросов конкретной вины не признал. Расследование продолжалось в 1939-1940 гг. (См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 6, 8).

² В.Л.Бурцев (1862-1942). Русский публицист. Издатель журнала «Былое», газеты «Общее дело» (издавал ее и в эмиграции после

1917 г.). Известен как разоблачитель провокаторов царского Департамента полиции (В.Ф.Азефа, Р.В.Малиновского и др.).

3 Р.В.Малиновский возглавлял большевистскую фракцию IV Государственной думы (1912-1917). В связи с угрозой разоблачений скрылся. Расстрелян в 1918 г.

4 Арест В.И.Ленина австрийскими властями в 1914 г. был вызван «шпионскими» подозрениями последних. После вмешательства лидеров австрийской социал-демократии Ленин был освобожден, поскольку арест оснований не имел.

5 Позиция большевиков по отношению к мировой войне 1914-1918 гг. здесь явно извращена. Большевики считали виновниками войны империалистов всех стран и не были сторонниками победы Германии. Они выступали за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за победу пролетарской революции. Большевики считали, что военное поражение России создает благоприятные условия для революционного подъема в стране против царизма. В то же время Ленин и большевики глубоко верили в революционный потенциал германского пролетариата и не исключали возможность победы социалистической революции в Германии.

6 А.Л.Гельфанд (Парвус) (1869-1924). Участник российского и германского с.-д. движения. С 1903 г. меньшевик. Обосновывал теорию перманентной революции в условиях XX в. В 1914-1918 г. — на социал-шовинистических, прогерманских позициях. С 1918 г. отошел от политической деятельности. Жил и умер в Германии в 1924 г.

Ленин и Троцкий осуждали социал-шовинистическую линию Парвуса и прервали с ним личные отношения.

Подробнее о Парвусе: *Земан З., Шарлау В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. Пер. с англ. изд. 1965 г. Авторы книги характеризуют Парвуса как миллионера-марксиста и нувориша, облеченного некоей особой миссией. Они приписывают ему убеждение в возможности достижения любых политических целей с помощью денег, включая даже подкуп деятелей социалистического движения. (*Земан З., Шарлау В.* Указ. соч. С. 243-244).

Говоря о попытках Парвуса в годы войны установить посредническую связь между большевиками и немецкими представителями, авторы книги не привели ни одного весомого аргумента о большевистско-немецких связях.

7 Речь идет о предпринимательской деятельности Я.С.Ганецкого, которую он проводил в пользу большевиков, находясь за границей. Ничего предосудительного в этой деятельности следственная комиссия П.А.Александрова не нашла.

В показаниях М.Ю.Козловского, данных им 24 июля 1917 г., он отказывался признать себя виновным в связи с обвинениями, выдвинутыми против Ганецкого. Козловский показал, что Ганецкий консультировался с ним по поводу организации акционерной компании по торговле с Россией. При этом Ганецкий назвал имя Парвуса, который соглашался участвовать в этом

предприятия. Сам Козловский не принял активного участия в этом деле. С 1916 г. он был юрисконсультom фирмы Ганецкого в Копенгагене, при этом не получая никаких денег из-за границы через банки лично от Ганецкого.

Козловский категорически опроверг утверждения о своих встречах с немцами дома у Парвуса. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 14. Л. 6 об. — 16 об.).

- ⁸ П.А.Кропоткин (1842-1921). Русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. В 1917 г. вернулся в Россию из эмиграции. Автор воспоминаний «Записки революционера».
- ⁹ «Русское слово». Ежедневная либеральная буржуазная газета (1895—1918). Выходила в Москве. Издатель И.Д.Сытин. Среди сотрудников — А.В.Амфитеатров, В.М.Дорошевич.
- ¹⁰ Имеется в виду партийное разбирательство в большевистских верхах о Р.В.Малиновском, устроенное в связи с возникшими в его адрес подозрениями в провокаторстве. Доказать обвинения тогда не удалось.
- ¹¹ В письме из «Крестов» в комиссию П.А.Александрова Троцкий писал, что венскую «Правду» он издавал вместе с меньшевиком М.И.Скобелевым. Она выходила как нелегальное издание и доставлялась в Россию. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 8. Л. 104-107).
- ¹² О своих отношениях с Парвусом арестованный Троцкий показал, что в 1904-1909 гг. он был связан с ним единством революционной позиции и работы. Когда же Троцкий узнал, что Парвус занял яро прогерманскую позицию, он заклеил ее. Троцкий выступал в печати против мероприятий Парвуса, проводившихся им в то время. (ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 50-50 об.).
- ¹³ Х.Г.Раковский (1873-1941). Болгарский революционер-интернационалист, в дальнейшем видный советский деятель. Долгие годы был близок с Троцким. Расстрелян.
- ¹⁴ А.В.Луначарский (1876-1933). Революционер-интернационалист. В 1917 г. входил в возглавляемую Троцким группу объединенных социал-демократов (межрайонцев). С VI съезда РСДРП(б) — большевик.
- ¹⁵ С.Г.Рошаль (1896-1917). Один из руководителей кронштадтской большевистской организации в 1917 г.

ПРОТОКОЛ

допроса Л.Д.Троцкого

21 июля 1917 г.

Допрос произведен в Петроградской одиночной тюрьме «Кресты», по статьям 51, 100 и 108 Уголовного уложения.

Я, Лев Давыдович Бронштейн — Троцкий... 37 лет, вне-исповедного состояния, отец мой был иудейского вероисповедания, рожден в деревне Яновка, возле колонии Грамотлей Елизаветградского уезда, Херсонской губернии, к каковой колонии и приписан как колонист — земледелец, при старом режиме был лишен гражданских и воинских прав приговором Петроградской судебной палаты в 1907 г. в качестве обвиняемого по статье 100 Уголовного уложения. Рождения брачного, считаю себя русским гражданином, кончил реальное училище, женат., по профессии писатель по общественным и социальным вопросам. Средствами к жизни является литературный труд, особых примет не имею. По поводу предъявленного мне «Постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 21 июля 1917 г.» имею сообщить нижеследующее.

1. Моя позиция за границей во время войны.

Война застала меня с семьей в качестве эмигранта в Вене, откуда я вынужден был выехать в течение 3-х часов 3 августа (н.ст.) 1914 г., бросив на произвол судьбы свою квартиру, мебель, библиотеку и пр.

В Цюрихе, куда я переехал с семьей, я издал немецкую брошюру «Der Krieg und die Internationale», направленную против империализма правящих классов Германии и политики немецкой соцдемократии, руководимой Шейдеманом и др. Эта брошюра, вышедшая в свет в ноябре 1914 г., была революционными швейцарскими и германскими социалистами — «либкнехтианцами» нелегально провезена в Германию, где распространение ее вызвало ряд арестов, в результате судебный процесс, закончившийся заочным осуждением меня к 8-месячному тюремному заключению. По телеграф-

ному предложению редакции «Киевской мысли» я в ноябре 1914 г. переехал во Францию в качестве корреспондента названной газеты. Одновременно с этой работой я участвовал в редакции ежедневной с-д газеты «Наше слово» (на русском языке), а также во французском интернационалистском движении (циммервальдистов, как оно стало позже называться).

Вместе с двумя французскими делегатами отправился в августе 1915 г. из Парижа в Швейцарию, где принимал активное участие в Циммервальдской конференции¹.

Хотя «Наше слово»² было подцензурной газетой, но оно дважды (при мне) закрывалось французскими властями — по настоянию русского посольства, как нам передавали парламентарии и сама цензура. Газета «Наше слово» была органом не большевиков, а «нефракционных интернационалистов»; стояло это издание под знаменем Циммервальда. Министр внутренних дел Франции г. Мальви выслал меня в конце сентября 1916 г. из Франции без объяснения причин, но явно за пропаганду в духе идей «Циммервальда». Так как я отказался добровольно покинуть пределы Франции, требуя предъявления мне определенных обвинений, то два полицейских инспектора вывезли меня на границу Испании. После нескольких дней пребывания в Мадриде я был, на основании агентурных сведений из Парижа, арестован, освобожден через 3 дня после интерpellации в парламенте, причем мне предложено [было] выехать в Америку. В середине января (н.ст.) 1917 г. я высадился с семьей в Нью-Йорке. В течение 2,5 месяцев вел там пропаганду идей Циммервальда на русском и немецком языках (среди организованных в Америке немецких рабочих, из которых, большинство стоит на точке зрения Либкнехта).

После того как разразилась русская революция, я на первом отходящем пароходе отправился с семьей в Европу через Скандинавию (в конце марта н.ст.). в Галифаксе (Канада) английские военно-полицейские власти задержали меня и еще 5 пассажиров, русских эмигрантов, на основании черных списков, составлявшихся русскими охранно-дипломатическими агентами. После месячного заключения в Канаде я был освобожден по требованию Временного правительства

и прибыл в Петроград — через Христианию, Стокгольм — в первых числах мая по ст. стилю.

2. Моя политическая работа в России.

В Петрограде я сразу примкнул к организации объединенных социал-демократов — интернационалистов («Междурайонный комитет»)³. Отношения этой организации, имевшей совершенно самостоятельный характер, к партии с.-д. большевиков были вполне дружественными. Я считал, что принципиальные разногласия, отделявшие нас раньше от большевиков, изжиты и потому настаивал на необходимости скорейшего объединения. Это объединение, однако, еще не совершилось до постоянного дня.

Политическая линия нашего поведения была однако в общем и целом та же, что и у большевиков. Я лично выступал в своих статьях в журнале «Вперед» и в своих речах за переход всей власти в руки Совета рс и кр.д.⁴ Само собой разумеется, что такой переход не мог осуществиться помимо Совета, а тем более против Совета. Стало быть, главная политическая задача наша состояла в том, чтобы завоевать большинство рабочих, солдат и крестьян на сторону указанного лозунга. По самому существу дела не могло быть и речи о том, чтобы путем вооруженного восстания меньшинства навязать большинству власть. В этом духе я десятки раз говорил на собраниях. Во всех тех случаях, что мне приходилось слышать ответственных большевиков, они высказывались в том же смысле.

Относительно войны я считал и считаю, что никакие наступления с той или другой стороны неспособны создать выхода из тупика, в который попали все воюющие народы. Только революционное движение народных масс во всех странах, и прежде всего в Германии, против войны способно приблизить час мира и обеспечить за этим миром демократический характер. Я доказывал, что только народное, подлинно демократическое правительство Советов способно будет показать немецким рабочим, что в случае их революции Россия не только не поспешит разгромить Германию, а, наоборот, протянет немецкому народу, опрокинувшему свое правительство, руку мира.

Грубой клеветой является утверждение, будто я призывал кого-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь покидать фронт, отказываться от выполнения боевых приказов или от посылки маршевых рот. 2 июля я по этим вопросам делал доклад, на совещании делегатов от 57 отдельных частей фронтов. В № 111 «Известий» напечатан краткий отчет об этом совещании за подписью д-ра Постеева (Известия ср и сд, № 111, С. 4).

...Я доказывал, что только создание «советского правительства» и его революционная внутренняя и внешняя политика (немедленно упразднение помещичьего землевладения, конфискация военной сверхприбыли, государственный контроль над производством, ультимативное требование от союзников отказа от аннексий), способны спаять русскую армию единством целей и настроения и сделать ее способной не только к оборонительным, но и к наступательным действиям. Для того, чтобы такая политика стала возможной — доказывал я — наше течение должно стать господствующим в Советах. Пока же мы в меньшинстве, мы вынуждены подчиняться политике, опирающейся на большинство, стало быть, и политике наступления, ведя в то же время агитацию в пользу наших идей.

3. Так называемое «вооруженное восстание» 3-4 июля⁵.

Подводить события 3-4 июля под понятие вооруженного восстания значит противоречить очевидности. Вооруженное восстание предполагает организованное выступление с целью осуществления при помощи оружия определенных политических задач. Поскольку же лозунгом выступления был «Вся власть Советам», не могло быть и речи о том, чтобы насильственно навязать им эту власть. К этому бессмысленному методу действий не призывала ни одна политическая организация. Не призывал и я. О самом выступлении пулеметного полка и его обращении к другим войсковым частям и заводам я узнал впервые в здании Таврического дворца 3 июля, во время соединенного заседания Исполнительных Комитетов ср и кр.д. Это известие, переданное по телефону, поразило меня, а также товарищей Зиновьева и Каменева не менее, чем представителей всех других партий. Тов. Зиновьев и Каменев тут же доложили, что их центральный Комитет

немедленно предпринял все меры к тому, чтобы удержать массы от выступления, тем более от вооруженного. Все посылавшиеся партийными центрами министры выступали по общему отзывам, в этом именно смысле. Тем не менее выступление, как известно, произошло.

Утверждение будто я лично призывал накануне, т.е. 2 июля, на митинге пулеметного полка к отказу от наступления и к вооруженному выступлению против власти, является совершенно ложным. 2 июля в Народном доме происходил открытый и платный «концерт-митинг», куда явилось много случайной, обывательской публики. На таком митинге я очевидно не мог призывать к вооруженному выступлению, если бы даже считал нужным такой призыв. В Народный дом я отправился непосредственно с того самого совещания фронтовых делегатов, о котором говорил выше. Я не только предупредил совещание, что еду на митинг, организованный пулеметным полком, но с митинга снова вернулся на совещание.

В своей речи в Народном доме я изложил свой ответ на вопросы о пополнениях, дезертирстве и пр., данный мною фронтовым делегатам. Уже эти обстоятельства, которые очень легко могут быть проверены, исключают всякую возможность того, чтобы я на митинге в Народном доме призывал к восстанию и к отказу от посылки маршевых рот. Речь моя свелась к пропаганде развитых выше воззрений на власть и войну. Никаких криков «смерть Керенскому» не было.

Вечером 3 июля я неоднократно выступал перед зданием Таврического дворца, где стояли вооруженные массы солдат и рабочих. Схема моих речей была такова: «Вы требуете перехода всей власти к Совету. Это правильное требование. Сегодня рабочая секция Совета впервые высказалась за этот лозунг. Стало быть у нас нет никакого основания отчаиваться. Жизнь работает за нас. Если вы явились сюда с оружием, то не затем, разумеется, чтоб производить над кем-либо насилие, а для того, очевидно, чтоб оградить себя от возможных насилий. Я призываю вас немедленно возвращаться в ваши войсковые части, спокойно и мирно, чтоб завтра наши классовые враги не смогли обвинять вас в насилиях».

Многие офицеры, сопровождавшие свои части, просили меня и перед их солдатами произнести ту же речь, дабы облегчить им возможность мирно увести солдат в казармы.

В Таврическом дворце я оставался безвыходно с 12 ч. дня 3 июля до раннего утра 4 июля. Во дворце Кшесинской я не был ни в эту ночь, ни вообще в течение первых дней июля и потому ни в каких совещаниях там участвовать не мог.

Вообще же я в доме Кшесинской был всего два раза. Первый раз — 10 или 11 июля. Второй раз в двадцатых числах июля, меня ввели в дворец Кшесинской, сперва во двор, а затем в одну из комнат, несколько слушателей моего доклада в цирке «Модерн», чтоб дать мне возможность передохнуть и переждать, пока разойдется толпа, провожавшая меня после доклада и мешавшая мне ехать домой⁶.

К помещавшейся во дворце Кшесинской Военной организации⁷ я никакого отношения не имел, в состав ее не входил, ни на одном из ее собраний не участвовал, и состав ее мне решительно не известен.

О политике большевиков я судил по «Правде», заявлениям ЦК и считал, что и Военная организация действует в том же духе. в «Правде» я не сотрудничал, никакие организации еще не объединялись. В конце июня или начале июля я поместил в «Правде» небольшую заметку за своей подписью, призывая к объединению обеих организаций.

Попытка арестовать В.М.Чернова была произведена десятком субъектов полууголовного провокаторского типа, перед Таврическим дворцом, 4 июля. Эта попытка была сделана за спиной массы. Я сперва решил было выехать из толпы вместе с Черновым и теми, кто хотел его арестовать, на автомобиле, чтобы избежать конфликтов и паники в толпе. Но подбежавший ко мне мичман Ильин-Раскольников, крайне взволнованный, воскликнул: «Это невозможно, это позор. Если вы выедете с Черновым, то завтра скажут, будто кронштадтцы хотели его арестовать. Нужно Чернова освободить немедленно!». Как только горнист призвал толпу к тишине и дал мне возможность произнести краткую речь, заканчивавшуюся вопросом: «Кто тут за насилие, пусть поднимет руку», — Чернов сейчас же получил возможность беспрепятственно вернуться во дворец.

На вопрос о составе Исполнительного комитета Совета р и сд я могу лишь рекомендовать следственной власти обратиться за справками к председателю его, Н.С.Чхеидзе, или тов. председателя, Керенскому, Скобелеву и др.

В состав Исполнительного комитета Петроградского Совета р и сд я был приглашен (с совещательным голосом) самим Исполнительным Комитетом как бывший председатель Петербургского Совета р.-д. 1905 г. В состав Всероссийского исполнительного комитета я вошел на Всероссийском съезде Советов от фракции «объединенных социал-демократов — интернационалистов».

...О моем отношении к Парвусу⁸, с которым я в 1904-1909 гг. был связан единством революционной позиции и работы, могу сообщить нижеследующее. Как только телеграф принес в Париже весть в начале войны о германофильских выступлениях Парвуса на Балканском полуострове, я выступил в «Нашем слове» со статьей, в которой заклеил лакейскую роль Парвуса по отношению к германскому империализму и объявил Парвуса мертвецом для дела социализма. Вместе с тем я дважды призывал в печати всех товарищей отказываться от поддержки каких бы то ни было общественных предприятий Парвуса. Все эти номера газет с этими статьями я могу представить в любое время, равно как и названную выше мою немецкую брошюру. Что касается т. Каменева (Льва Борисовича Розенфельда), то я соприкасался с ним ближе, чем с другими, как с мужем моей сестры и как с лицом, которое правильнее других большевиков посещало заседания Исполнительного комитета.

Обвинение Каменева в призыве к вооруженному восстанию в корне противоречит всему его поведению в критические дни 2-5 июля, как и всей вообще его позиции.

С Ганецким (Фюрстенбергом)⁹ я встречался несколько раз в разные периоды своей заграничной жизни на съездах или совещаниях. Никаких отношений с ним, ни личных, ни политических, у меня никогда не было. В переписке с ним никогда не состоял. Об его торговых операциях и связях с Парвусом узнал впервые из разоблачений печати; насколько достоверны эти разоблачения, не знаю. О г-же Суменсон¹⁰ никогда не слыхал — до того, как ее имя было впервые на-

звано в русской печати. Решительно никаких — ни прямых, ни косвенных, ни политических ни деловых, ни личных связей за все время войны не имел ни с Суменсон, ни с Ганецким, ни с Парвусом, ни с Козловским¹¹. Этого последнего я несколько раз видел на заседаниях Петроградского исполнительного комитета. ...Об его прошлом я не имею никаких сведений.

Обвинения меня в сношениях с германским правительством или его агентами, в получении от них денег и в деятельности за счет Германии и [в] ее интересах считаю чудовищным, противоречащим всему моему прошлому и всей моей позиции. Равным образом считаю совершенно невероятными какие бы то ни было преступления подобного рода со стороны Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, которых знаю как старых испытанных и бескорыстных революционеров, не способных торговать совестью из корыстных побуждений, а тем более совершать преступления в интересах немецкого деспотизма.

Выражая свое несокрушаемое убеждение в том, что дальнейший ход следствия разрушит бесследно конструкцию обвинения, считаю необходимым указать в то же время на то, что сообщение прокурорской властью печати непроверенных и по существу совершенно противоречащих действительности сообщений, никоим образом не может вытекать из потребностей объективного расследования и является отравленным оружием политической борьбы. Все протесты против неявики Ленина и Зиновьева теряют свою силу перед лицом той травли, какая ведется против этих лиц со ссылками на прокурорскую власть. Из всего изложенного выше вытекает, что по существу предъявленных мне обвинений я виновным себя не признаю.

Лев Бронштейн — Троцкий.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 44-52 об.*

---

¹¹ Циммервальдская конференция социалистов, противников войны, происходила в Швейцарии в 1915 г. Приняла манифест против войны. В.И. Ленин образовал Циммервальдскую левую группу, сторонников социалистической революции.

---

* Текст написан от руки чернилами.

- ² «Наше слово» — с.-д. газета, выходившая в Париже. Против позиции газеты выступал Ленин, поскольку она не выходила за рамки критики участников мировой войны.
- ³ «Междурайонный комитет» или межрайонная партийная организация в Петрограде, насчитывавшая до 4 тыс. членов. Ее возглавлял Троцкий. По идейным воззрениям была близка к большевикам. На VI съезде РСДРП(б) вошла в состав большевистской партии.
- ⁴ Переход всей власти в руки Совета р.с. и кр.д. Этот лозунг был обоснован Лениным в Апрельских тезисах и закреплён решениями Апрельской конференции 1917 г. Троцкий и межрайонцы поддерживали этот лозунг.
- ⁵ Речь идет об июльских событиях, носивших во многом стихийный характер. Массовая демонстрация трудящихся, руководимая большевиками, пыталась добиться отстранения от власти Временного правительства и мирного перехода власти к Советам. Зачинщиком движения был I пулеметный полк.
- ⁶ Описываемые события имели место в июне 1917 г.
- ⁷ Речь идет о Военной организации РСДРП(б) — «Военке».
- ⁸ Парвус (А.Л.Гельфанд) (1867-1924) — русский и немецкий социал-демократ. Впоследствии превратился в агента германского правительства и противника большевиков.
- ⁹ Я.С.Ганецкий (Фюрстенберг) (1879-1937) — левый польский социалист, впоследствии большевик, занимался предпринимательской деятельностью в пользу большевиков.
- ¹⁰ Ф.М.Суменсон — служащая фирмы, которую возглавлял Ганецкий.
- ¹¹ М.Ю.Козловский — польский социал-демократ, впоследствии большевик. Принимал участие в деятельности фирмы Ганецкого.

Заявление Л.Д.Гирецкого следователю

1 сентября 1917 г.

Ввиду того, что первый же оглашенный документ (показания прапорщика Ермоленко), который играл до сих пор главную роль в предпринятой при содействии против моей партии и меня лично, является несомненным плодом сознательной фабрикации, рассчитанной не на выяснение обстоятельств дела, а на его злостное (искажение); ввиду того, что в этом документе и следователем Александровым с явной преднамеренностью обойдены те важнейшие вопросы и обстоятельства, выяснение которых должно было бы неминуемо вскрыть показания неизвестного мне Ермоленко; ввиду всего этого я считал бы политически и нравственно унизительным для себя участвовать в искусственном процессе, сохраняя за собой тем большее право раскрыть истинную сущность обвинения перед общественным мнением страны всеми теми средствами, какие будут в моем распоряжении. И соответственно с вышесказанным я не считаю возможным продолжить заслушивание следственных материалов. Лев Гирецкий (автограф).

Записано со слов Троцкого.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 11. Л. 135 об., 136.

Показания арестованного А.В.Луначарского

25 июля 1917 г.

Местожительство — Петроград, Лахтинская ул., д. 5/20, кв. 12. Дворянин. Окончил гимназию и был в Цюрихском и Парижском университетах. Литератор.

В предъявленных обвинениях в том, что по уговору с другими лицами в целях содействия Германии в ее враждебных действиях против России организовал пропаганду среди

---

* О Д.С.Ермоленко см. выше.

населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных действий против неприятеля и в тех же видах в период времени 3-5 июля (1917 г.) в г. Петрограде участвовал в организации вооруженного выступления против государственной власти, повлекшего за собой убийства, ряд насилий и попытки к арестам некоторых членов правительства я себя виноватым не признаю и ответственным во всем этом никоим образом признать не могу, т.к. никогда к таким вооруженным выступлениям с целью произвести давление на демократию я не делал и, считая себя врагом германского империализма не менее как и всякого империализма вообще, никоим образом не согласовывал и не мог согласовывать своих поступков и действий с интересами Германии и во вред России. Лично о себе скажу, что к большевикам я не принадлежу и отношусь к с.-д. партии, к так называемому Междурайонному интернационалистскому комитету с.-д. партии. Партия эта, насчитывающая тысячи 3 членов, одно время вела переговоры с большевиками о слиянии, причем события 3-4 июля н.г. прервали эти переговоры. Относительно строения, состава и функционирования отдельных организаций партии с.-д. большевиков я совершенно не осведомлен.

9 июня н.г. я как член президиума Всероссийского съезда Советов был одновременно со всем президиумом уведомлен о готовящейся по инициативе большевиков и, как говорили, вооруженной демонстрации на 10 июня¹. Президиум подтвердил (тов. Чхеидзе) мое заявление, сделанное при т. Зиновьеве, что демонстрация эта является для меня совершенным сюрпризом. Я принял участие в чрезвычайной комиссии, целью которой было предотвратить демонстрацию (протоколы съезда). В то же время, отправившись на заседания съездовской фракции большевиков (в здании Кадетского корпуса на Васильевском острове), я энергически настаивал на немедленной отмене демонстрации, которая, как я утверждал, послужит сигналом для взрыва контрреволюционных сил. Съехавшимся экстренно членам ЦК большевиков я также настойчиво предлагал отмену демонстрации.

После принятия ЦК решения отменить демонстрацию я вместе с секретарем Исполнительного комитета т. Сурицем²

объехал ряд военных частей и заводов (припоминаю Гвардейский и 1 Балтийский флотский экипаж, Егерский и Семеновский полки и Николаевские мастерские), всюду призывая к спокойствию и извещая об отмене демонстрации.

Непосредственно после 10 июня я выступал на ряде митингов, из них самый большой был в цирке Чинизелли, и всюду призывал рабочий класс Петрограда к спокойствию, к работе над самоорганизацией и самообразованием, резко выступая против идеи вооруженных выступлений и указывая на то, что в столкновении рабочего класса и других элементов демократии заинтересованы только враги демократии, что разрыв между Петроградом и Россией принесет с собой неминуемую гибель страны и революции.

В эти же дни я опубликовал в № 4 журнала «Вперед» статью под заглавием «Класс, демократия и нация», в конце которой я высказывал те же положения.

1 июля н.г. ко мне на квартиру явился солдат 1 пулеметного полка т. Жилин³, с которым я познакомился в Совете р.-д. Он сказал мне, что пулеметный полк отправляет часть пулеметов и маршевую роту на фронт; что по поводу прощания решено устроить грандиозный митинг-концерт в Народном доме, в котором примут участие все популярные ораторы левого течения соц.-демократии. Я обещал быть. В 11 ч. (приблизительно) утра 2 июля тот же т. Жилин вновь приехал ко мне и объявил, что митинг обещает быть людным, но что все ораторы отказались от выступления, и умолял меня приехать. Я сделал это. На митинге мной была произнесена большая речь, в которой я развертывал картину роста социалистической идеи и место русской революции в этом развитии. Характеризуя текущий момент, я указывал на то, что революция должна идти дальше, если она не хочет заглохнуть, но что дальнейшие шаги ее не могут быть выполнены под руководством иного правительства, как чисто демократического, т.е. правительства, выдвинутого Советами р. сд. и кр. депутатов и опирающегося на них. Решительно никаких призывов к каким бы то ни было выступлениям не делал.

Видя, что другие ораторы не приезжают, я связался по телефону со своей организацией, прося разыскать и при-

слать т. Троцкого, т.к. несколько тысяч людей ждут продолжения митинга. Дождавшись приезда Троцкого, я уехал и содержания его речи не знаю. О митинге дана была заметка в «Правде» за подписью т. Петровского.

3 числа июля месяца я явился в заседание Бюро Исполнительного комитета в качестве гостя, т.к. очень интересовался докладом т. Церетели о правительственном кризисе⁴. Тут я узнал, что 1 пулеметный полк волнуется и что возможно его вооруженное выступление. Вскоре в Бюро появился т. Зиновьев⁵. Крайне взволнованный слухами, грозившими большой бедой, я обратился к нему за разъяснениями. Т. Зиновьев также был сильно взволнован. Он рассказал мне следующее. С фронта явились какие-то делегаты, возмущившие 1 пулеметный и гренадерский полки рассказами о наступлении и о расформировании активной части гренадерского полка. С утра, как утверждал т. Зиновьев, в полк хлынуло множество темных лиц, называвших себя в большинстве анархокоммунистами, которые привели солдат в такое смятение, что пулеметчиков — большевиков, в том числе т. Жилина, за успокоительные речи едва не избили. По словам Зиновьева, движение было стихийно и нелепо, шло под лозунгом против расформирования полков и направлялось главным образом против военного министра т. Керенского. Т. Зиновьев все время сносился по телефону со своими организациями.

Приблизительно часов в 5 он заявил официально в Бюро, что пулеметчики еще не выступили и что есть полная надежда удержать их.

Со своей стороны т. Дан⁶, крайне возмущаясь волнением, разъяснил, что правительством приняты необходимые меры и что попытка выступления окончится ничем. Совместно с тов. Троцким, Зиновьевым и Каменевым⁷ мы выработали хорошее воззвание, воспрещающее именем ЦК всякое выступление на 4 июля, которое и было отправлено немедленно в типографию газеты «Правда» для напечатания на первой же странице. Несколько успокоенный всеми этими заявлениями я спросил товарищей, не разрешают ли они мне отправиться в городскую Думу, членом которой я состою, для

заслушания крайне важного доклада т. Громана и представителей Петрограда.

В городской Думе я и оставался до тревоги на Невском и первых выстрелов, показавших мне, что события, которых я опасался и против которых боролся, разворачиваются. Предполагая, что встречу на улицах какие-нибудь организованные воинские части или рабочие массы, к которым могу обратиться с увещанием, я немедленно вышел на улицу и прошел пешком по Невскому, Садовой и т.д. Однако повсюду я встречал только мчавшиеся автомобили, полные вооруженными людьми, а среди публики переполох и резко враждебное к демонстрантам отношение. Домой я добрался очень поздно. Я был уверен, что воззвание в «Правде» внесет умиротворение, и предполагал на другой день принять участие в успокоении умов, крайне возбужденных кризисом власти и опасностями, грозившими революции.

На следующее утро я с горестным изумлением констатировал, что в номере «Правды» на первой странице, там, где предполагалось напечатать крупными буквами воззвание, зияла белая плешь⁸.

В Таврический дворец я должен был отправиться пешком. На Троицкой площади я встретил густые ряды кронштадтцев, отрезавших меня от Троицкого моста. Я остановился около сквера на площади, чтобы пропустить шествие⁹.

В это время ко мне подошел какой-то товарищ, который, сказал мне следующее: «Владимир Ильич Ленин увидел вас с балкона дворца Кшесинской и просил сказать вам, что ввиду невозможности удержать демонстрацию, решено придать ей мирный политический характер под лозунгом «Вся власть Советам». Ленин просит вас помочь в этом Центральному комитету и сказать с балкона дома Кшесинской соответственную речь.

Считая себя абсолютно не вправе умыть руки в этом опасном деле, я произнес речь, заключающую в себе такие мысли: уход членов партии кадетов из министерства в крайне опасный момент знаменует собой час, в который власть должна окончательно перейти в руки народа, т.е. Советов р с и кр. д. Между тем руководящие партии Совета все еще колеблются. Демонстрация 18 июня¹⁰ не повлияла на них. Я

понимаю новую демонстрацию, как стремление революционных масс придать решимость Исполнительному комитету, манифестируя готовность революционного народа и армии, всеми мерами поддержать его в борьбе с контрреволюцией.

Я окончил свою речь так: «Наша демонстрация должна носить мирный характер. Придя к Таврическому дворцу, вы пошлете в Исполнительный комитет свою делегацию, выскажете свой совет и удалитесь». После меня говорил и Ленин. Речи его я не слышал. Я спустился вниз и говорил с отдельными группами кронштадтцев об их провиантировании и необходимости, во избежание трудностей и возможных столкновений, сегодня же к вечеру вернуться в Кронштадт.

Мне удалось прибыть в Таврический дворец довольно рано на автомобиле. В течение всего дня я был на заседании, стараясь смягчить остроту отдельных инцидентов. Так, я уговорил рабочую делегацию не настаивать ни на каком сроке для ответа Комитета, а начать развозить массы по домам. Равным образом я способствовал внесению 176 полком, в котором у меня были знакомые, порядка. Образцовое поведение этого полка, насколько я знаю, отмечено всеми.

Тем не менее дальнейший ход демонстрации произвел на меня удручающее впечатление. Для меня стало ясно, что организация большевиков не в силах сдержать демонстрацию в своих руках; что анархические, хулиганские, а часто может быть и провокационные элементы, замешавшись в ряды демонстрантов, скомпрометировали ее, вызывая панику и эксцессы. Домой я вернулся пешком очень поздно и на следующее утро отправился в Таврический дворец. Не доезжая дворца, я встретил т. Флеровского¹¹, сказавшего мне, что заседание кончилось и возобновится лишь вечером. Вместе с ним мы пошли в редакцию газеты «Новая жизнь». У дверей редакции т. Флеровский был остановлен неизвестным мужчиной в сопровождении группы лиц, заявившим, что он признает в Флеровском анархиста, только что покинувшего типографию в Эртелевом переулке. Я немедленно засвидетельствовал, что все время шел с товарищем от Таврического дворца. Нас пригласили в комиссариат для выяснения личности, но по дороге мы встретили грузовик, полный солдат, и как выяснилось, возвращавшийся из Эртеле-

вого переулка. Остановивший Флеровского мужчина на этот раз прямо заявил, что мы анархисты. Крайнее возбуждение солдат несомненно грозило нам большой опасностью. Удалось, однако, разъяснить им характер инцидента, и они без излишней грубости препроводили и нас, и доносителя в Штаб округа.

В Штабе была немедленно установлена полная неосновательность указаний неизвестного мне человека, но выпустить нас из Штаба оказалось не так легко. Возбужденные солдаты протестовали против освобождения кого бы то ни было из арестованных. Около 10 ч. вечера конвойный офицер заявил мне, что может проводить меня до дверей Штаба и не ручается, не задержат ли меня вновь солдаты на площади. Он советовал мне лучше подождать ночи. Однако я решил выйти и в крайнем случае лично объясниться с солдатами.

Кроме нескольких ворчливых замечаний о том, что офицеры «всех отпускают», никаких препятствий я от солдат не встретил.

Этим исчерпывается мое прямое отношение к событиям 3-5 июля, а мои речи по поводу этих событий в Исполнительном комитете напечатаны в «Известиях» и более точно в газете «Новая жизнь». Тов. Ульянова (Ленина) я знаю давно, с 1903 года. До 1907 г. я работал с ним вместе, после же политически разошлись. После революции 1917 года мы вели переговоры о сближении и совместном издании газеты.

Тов. Зиновьева знаю с тех же пор. Фамилия его вовсе не Афельбаум, а Радомысльский.

Тов. Бронштейна также знаю с 1903 года. Долгое время был далек от него. Сблизился только во время войны, считая его одним из ближайших ко мне товарищей.

Александру Михайловну Коллонтай знаю с 1906 года по редакции журнала «Образование». Встречался с нею от времени до времени за границей. Все время она была меньшевичкой. Большевичкой сделалась она в последние годы, и как раз с этих пор я ее встречал лично раза два мельком в Петрограде. Тов. Козловского встречал на съезде Советов и в городской Думе. Знаком с ним лишь поверхностно. Суменсон не знаю совсем. Гельфанда встречал в Петрограде в 1906 году, в короткий промежуток, когда он был председателем

Совета депутатов. Троцкий, бывший близким товарищем Гельфанда, после его обращения в германофильство не только порвал с ним личные отношения, но и настаивал на прекращении с ним всякой связи, на бойкоте его.

С Ганецким мимолетно познакомился, проезжая через Стокгольм в мае н.г. Мне доподлинно известно, что после разоблачения газетой «День»¹² контрабандной торговли Ганецкого тов. Каменев требовал немедленного его удаления из партии, грозя своей отставкой из Центр. комитета.

С Раскольниковым познакомился приблизительно в конце мая во время поездки в Кронштадт.

Тогда же видел и Рошаля.

Дальнейших сношений с ними не поддерживал, хотя Раскольников произвел на меня крайне симпатичное впечатление.

Семашко и Сахарова не знаю совсем.

Больше ничего добавить не имею. Показание записано с моих слов.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 111-115 об.*

¹ 10 июня 1917 г. большевики решили провести демонстрацию в Петрограде, чтобы показать настроение рабочих и солдат столицы, в большинстве выступавших за передачу власти Советам. Меншевистско-эсеровское руководство Советов потребовало отменить эту демонстрацию, ссылаясь на то, что ею могут воспользоваться контрреволюционные элементы. В результате большевики проведение демонстрации отменили, не желая противопоставлять себя происходившему в это время I съезду Советов рабочих и солдатских депутатов.

² Я.З.Суриц — в 1917 г. меньшевик, впоследствии видный советский дипломат.

³ А.И.Жилин — солдат 1 пулеметного полка, большевик.

⁴ Речь идет о правительственном кризисе, вызванном уходом представителей кадетской партии из временного правительства. Этот уход кадеты объясняли несогласием с позицией правительства по украинскому вопросу.

⁵ Г.Е.Зиновьев — советский партийный и государственный деятель. в 1917 г. — член ЦК РСДРП(б).

* Показание записано черными чернилами следователем П.Бокитько. 8 августа 1917 г. Луначарский был освобожден по внесении денежного залога. (Там же. Л. 116 об., 117).

- ⁶ Ф.И.Дан — один из лидеров меньшевиков, товарищ председателя ВЦИК Советов, избранного на I съезде Советов в июне 1917 г.
- ⁷ Л.Б.Каменев — советский партийный и государственный деятель, член ЦК РСДРП(б) в 1917 г.
- ⁸ В связи с решением большевиков возглавить демонстрацию воззвание о невыходе на улицу в «Правде» не было опубликовано.
- ⁹ Речь идет о шествии кронштадтских матросов, прибывших на поддержку питерской демонстрации рабочих и солдат из Кронштадта 4 июля. Попытка кронштадтских большевиков удержать моряков от выступления не удалась.
- ¹⁰ Демонстрация 18 июня в Петрограде проходила по решению меньшевистско-эсеровского руководства Советов. Большинство демонстрантов выступало под лозунгом «Вся власть Советам», вызвав недоверие соглашательской политикой лидеров Советов.
- ¹¹ И.П.Флеровский — один из руководителей кронштадтских матросов, большевик.
- ¹² Газет «День» — орган правого крыла меньшевиков, выходила в Петрограде. Ее издателем был Д.И.Заславский, впоследствии видный советский журналист.

Письмо А.В.Луначарского судебному следователю

17 сентября 1917 г.

Милостивый государь господин следователь. Сегодня мною получена повестка, вызывающая меня в качестве обвиняемого для предъявления мне следствия.

Следствие это было мне предъявлено судебными властями несколькими моими товарищами по партии и процессу.

Ознакомившись с первыми же страницами его, товарищи мои констатировали недопустимое пристрастие, с которым велось следствие, целиком направленное на перечисление доказательств виновности по статье 108 Устава, каковое обвинение является в корне лживым, явно неосновательным и поддерживаемым лишь исключительно из чисто политических целей. Так характеризовали мне следствие ознакомившиеся с ним товарищи.

Ввиду нашего общего полного и искреннего доверия мы все, обвиняемые по этому процессу, решили отказаться от ознакомления со следствием. вам и без этого будет слишком легко выявить на суде мнимые аргументы обвинения.

Примыкаю к этому решению и довожу его до вашего сведения.

Товарищ Петроградского городского головы А.Луначарский.

Указан адрес судебного следователя: Фонтанка, 16. Петроград.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 231-233.

Письмо написано от руки.

**Показания большевика И.Н.Ильинского,
солдата 9-й роты 1 пулеметного полка.**

17 августа 1917 г.

На митинге полка утром 3 июля выступали анархисты¹. Я спрашивал одного из этих ораторов, какую же цель должно преследовать выступление, на что получил ответ, что «улица укажет цель». Я выступал против немедленной демонстрации, но эти слова встречались протестом, решено было выступать.

Как я узнал после выступления, перед 3-4 июля в полку велась какая-то агитация, причем на собрании 3-4 июля мне указали, что из ораторов, говоривших на этом собрании, ранее посещали наш полк матрос и солдат. Кто они такие, я не знаю. Полк выступил, насколько помню, в 8-м часу вечера. Я лично присоединился к полку около казарм гренадерского полка, дошел затем с полком до Марсова поля, оттуда направился к Таврическому дворцу один. Ни 3 июля, ни 4-го я очевидцем стрельбы на улицах не был.

Заявляю вместе с тем, что, состоя членом Военной организации РСДРП, я после собрания, на нем было решено выступление, отправился в дом Кшесинской, где просили Подвойского и Дашкевича², тоже состоящих в указанной организации, принять меры к тому, чтобы уговорить полк не выступать. Они немедленно уехали на автомобиле, я же остался в доме Кшесинской и ушел оттуда часов в 8 вечера,

причем на дороге у Гренадерского моста встретил свой полк. Полк прошел к дому Кшесинской, где к полку с балкона говорили речи; говорил Подвойский от Военной организации, кто-то из Центрального Комитета и, наконец, я, причем все мы говорили, что полку необходимо разойтись и в случае желания предъявить какие-либо требования, надо избрать от рот делегатов и послать последних в Совет р. и сд. Солдаты не согласились однако, и полк ушел. Показание прочитано. Записано правильно.

Иван Ильинский

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 9. Л. 110-111.

-
- ¹ Работу в 1 пулеметном полку проводили анархисты-коммунисты во главе с И.З.Блейхманом. Сходные позиции занимал прапорщик А.Семашко, один из инициаторов выхода полка на улицу 3 июля.
- ² Н.И.Подвойский и П.В.Дашкевич принадлежали к руководству Военной организации большевиков.

Показания эсера В.Н.Каплана

26 августа 1917 г.

Студент Петроградского политехнического института. 26 лет.

Я состою членом ЦИК Советов р и сд. 3 июля с.г. в нашем комитете были получены сведения, что многие рабочие петроградских заводов волнуются и хотят выступить. Лозунги выступления точно известны не были.

ЦИК не в общем заседании, а главнейшие представители его, как Чхеидзе¹, Гоу² и другие решили успокоить рабочих и с этой целью организовали поездки членов нашего комитета на заводы, чтобы предупредить выступления рабочих.

Я с доктором Менциковским³ поехал на Путиловский завод. Прибыли мы туда в 7-м часу вечера, во дворе завода собралась толпа рабочих тысяч в 15. Рабочие шумели, а некоторые из них, узнав, что я хочу выступить перед рабочими, говорили мне, что это будет бесполезно, т.к. рабочие уже решили выступать. Тем не менее я выступил перед рабочими,

которые, увидев меня пред собой, стали кричать «довольно». Я указал им, что я прислан ЦИКом и тогда рабочие стали спокойнее слушать меня. В своей речи я объяснил, что ЦИК против выступлений вообще, а в частности, против выступлений вооруженных. Однако рабочие на мой призыв разойтись не расходились, а некоторые из них заявляли, что они ждут для выступления сообщения из других мест.

Затем выступил какой-то солдат с бессвязной речью, утверждавший, что необходимо выступить. На мой вопрос, для чего это выступление должно состояться, он ответа не дал. Затем говорили разные лица, но никто не высказывался определенно ни за выступление, ни за невыступление, говорили вообще, что надо выждать. Говорил ли Багдатьяев⁴, мне неизвестно, я Багдатьяева не знаю. При мне выборов делегатов не было, да такой выбор и не мог состояться по бесцельности его, т.к. я в своей речи указывал, что ЦИК против выступления, что вопрос этот уже решен, поэтому выбор делегатов для посылки в ЦИК был бы излишним.

Затем выступил приехавший после меня на завод Саакиан⁵, его речи я не слышал, т.к. я с доктором Менциковским уехал. Саакиан мне говорил потом, что он выступал с призывом воздержаться от выступлений, путиловцы его выслушали, но когда он хотел выступить во второй раз, ему уже не дали говорить. Саакиан мне ничего не говорил, выступал ли перед рабочими при нем Багдатьяев, я не расспрашивал Саакиана подробно о том, что происходило на заводе.

В. Каплан (подпись)

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 19. Л. 64-64 об.

---

¹ Н.С.Чхеидзе, меньшевик, председатель ВЦИК Советов и Исполкома Петроградского Совета.

² А.Р.Гоу — эсер, член Бюро ВЦИК Советов.

³ А.Л.Менциковский — эсер, член ВЦИК Советов и Исполкома Петроградского Совета.

⁴ С.Я.Багдатьяев — большевик, председатель завкома Путиловского завода, ранее секретарь ПК большевиков.

⁵ С.С.Саакиан (Сако) — эсер, член президиума ВЦИК Советов.

Протокол допроса большевика Л.М.Карахана

18 августа 1917 г.

Я состою членом ЦИК Советов р и сд и гласным Центральной Петроградской думы. Я явился к вам, чтобы дать показание относительно речей, произнесенных Троцким 4 июля. Я слышал две речи его, обе они были произнесены у Таврического дворца, дословного содержания их не помню, но могу передать смысл их.

В своей первой речи перед дворцом [он] охарактеризовал общую деятельность Временного правительства, что оно не является правительством революционным, которое может что-либо дать рабочим, солдатам и крестьянам; участие в нем министров-капиталистов мешало ему осуществлять те незначительные мероприятия в интересах демократии, на которые министры-социалисты готовы были пойти. Только полным устранением министров-капиталистов и созданием власти из состава Совета р.с. и кр. д. возможно осуществить требования и задачи революции.

Петроградские солдаты и рабочие пока в меньшинстве, и их воля не может быть навязана Советам и большинству революционной демократии вооруженной рукой. Просим их мирно разойтись.

Вторую речь слышал не всю. В Таврический дворец явились какие-то люди с криками, что министр Чернов арестован. Я вышел из Таврического дворца и увидел, что около него стоит автомобиль, в котором сидел Чернов, кругом был народ. На передке автомобиля стоял Троцкий и произносил речь. Смысл речи был тот же, что и первой речи. Если министры-социалисты ведут политику не в интересах солдат, рабочих и крестьян, то это не значит, что их можно арестовывать и что бороться с ними можно путем насилий над ними. Поэтому надо немедленно освободить Чернова и доказать, что кронштадтцы, идущие в авангарде русской революции, не позволят себе путем насилия над своими идейными противниками добиваться осуществления своих революционных задач.

Троцкий тут же предложил баллотировать, освободить ли Чернова или арестовать его, и ни одного голоса против освобождения Чернова не было подано, почему Троцкий немедленно объявил Чернова свободным. За Троцким говорил Раскольников¹, который присоединился к соображениям Троцкого о недопустимости применения насилия и выразил уверенность, что в дальнейшем кронштадтцы будут соблюдать полный порядок и не допустят, чтобы из их среды кто-либо будет применять насилие.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 10. Л. 33-33 об.

---

¹ По показаниям Ф.Ф.Раскольникова, он вошел в автомобиль с арестованным Черновым вместе с Троцким. После речи Троцкого Чернов был беспрепятственно освобожден. Раскольников обратился с речью к кронштадтцам, в которой говорил, что они явились сюда, чтобы высказать пожелания о переходе власти в руки Советов. Сама демонстрация «происходит в пользу Советов». Он говорил, что недопустимо предпринимать действия, направленные против Советов, что проявилось в аресте министра-социалиста Чернова.

По словам Раскольникова, благоразумие восторжествовало. Он поблагодарил моряков за освобождение Чернова.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 18. Л. 75.

МАТЕРИАЛЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Демократическое совещание работало в Петрограде с 14 по 22 сентября 1917 г. Оно было создано по инициативе ВЦИК Советов р. и с.д. и ЦК ВСКД (крестьянского Исполкома).

В телеграмме о созыве Всероссийского Демократического совещания, подписанной Н.С.Чхеидзе и Н.Д.Авксентьевым, говорилось, что революционная Россия должна искать «свое спасение» в демократии; признавалась необходимость сильной революционной власти для организации обороны страны, решения внутренних проблем. Лидеры советских центров призывали к организации съезда «всей организованной демократии России». (Известия ЦИК и Петроград. Совета р и сд. 1917. 3 сентября).

На Демократическом совещании были представлены разнообразные силы: Советы, профсоюзы, общая и рабочая кооперация, военные организации, земства, служащие Земгора, представители демократической и либеральной интеллигенции, национальные группы (Известия ЦИК... 1917. 3 сентября).

По мнению большевиков, намеченный состав Демократического совещания совершенно не обеспечивал должного представительства ведущим революционно-демократическим учреждениям страны — Советам, армейским организациям, рабочим, профсоюзам и фабзавкомам. Фракция большевиков ВЦИК предлагала усилить состав Совещания делегатами от Советов, армейских органов, от профсоюзов и провинциальных заводских комитетов. ВЦИК Советов отклонил предложение большевиков. (Рабочий путь. 1917. 5 сентября).

Большевики считали, что расширение представительства кооперативов, земств и подобных им организаций означает стремление партий советского большинства «противопоставить явно выраженной воле революционных рабочих и солдат волю политически более отсталых слоев». (Там же. 16 сентября).

Предлагаемые вниманию материалы Демократического совещания публикуются впервые*. Вместе с тем отчеты о работе Демократического совещания помещались в газетах 1917 года; особенно подробно они давались в социалистической печати меньшевистско-эсеровского направления.

Архивные тексты представляют из себя соединение воедино стенографических записей и протокольных пересказов происходившего на этом форуме.

Сами же зафиксированные тексты были плохо выверены и содержат поэтому много описок в словах и текстовых погрешностей. Исправления в текстах публикации составителями не оговариваются.

Помимо машинописных вариантов заседаний, в материалах Демократического совещания встречаются и секретарские записи текста, сделанные от руки (полностью или в виде набросков карандашом и чернилами).

Такие наброски содержания нуждаются в уточнении, корректировке и реконструкции текста.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

14 сентября

Речь Л.Б.КАМЕНЕВА

Товарищи, министр-председатель и верховный главнокомандующий просил здесь говорить по правде. Правда, он сопровождал эту просьбу угрозами. Угрозы мы отмечаем, а по правде говорить согласны¹.

---

* Частично материалы Демократического совещания опубликованы: *Меньшевики в 1917 году*. М., 1996. Т. 3. Кн. 1. Данный сборник содержит не весь текст материалов, а только ту часть их, которая, по мнению составителей, наиболее важна для понимания значения этого совещания в политической жизни страны осенью 1917 г.

Отказ от доверия

И первым словом правды нашей, той партии, от которой я имею честь перед вами выступать, будет то, что шесть месяцев работы различных составов Вр. Прав. заставляет нас отказать во всяком доверии той политике, которая теперь возглавляется министром Керенским.

(Голос с места: нахал. Сильный шум и рукоплескания).

Товарищи, я полагаю, что мы живем в республике для того, чтобы на этом полномочном собрании представители рабочей демократии, партия пролетариата имела право сказать, что она не доверяет тому или другому правительству и не видит в этом ниспровержения государства Российского.

Ошибка Керенского

Керенский ошибался, полагая, что политика недоверия к нему есть политика недоверия к республике российской. Я полагаю, что мы должны отказаться от попыток разрешить стоящий перед нами вопрос о государственной власти путем громких декламаций, а только на основании реального учета того горького опыта 6-ти месячной коалиционной власти, который перед нами есть. И наше недоверие основывается не на недоверии к личности А.Ф.Керенского — отнюдь нет. Оно основывается на том опыте, который проделан, оно основывается на учете классовых сил, которые за эти 6 месяцев себя проявили.

Керенский не сказал вам, что самое объявление этого проекта реформ было связано у них с представлением, что трудящийся народ Петрограда не снесет этого издевательства над революцией, для этого предполагалось ввести военное положение и для этого был вызван Конный корпус, чтобы поступить в распоряжение Врем. прав. (сильный шум одной части и рукоплескания другой)².

Опыт 6-ти месяцев

Мы имеет шесть месяцев опыта, как определенная политическая партия подписывает программу демократии для того, чтобы их не осуществлять³. Дело идет теперь не о широковещательной программе. Нет уже времени у демократии торговаться.

Отдайте же себе отчет. Если вы хотите коалицию с буржуазией, то заключайте эту честную коалицию с кадетами, но, если корниловский мятеж научил вас тому, о чем говорила партия пролетариата с самого начала революции, тогда вы должны сказать, что перед революционной Россией единственное спасение, единственный способ восстановить доверие в армии — солдат к офицерам, единственный способ восстановить в крестьянстве доверие к тому, что оно землю получит, единственный способ восстановить у рабочего представление, что он живет в республике — это способ взять власть в руки самих рабочих, крестьянских и солдатских организаций.

Двоевластие

И если вы ту решимость, эту творческую энергию не проявите, то в лучшем случае вы опыт создадите двоевластие; ибо вы не вырвите власть на местах у Советов.

Вопрос Керенскому

Керенский сказал вам здесь, что он сказал вам все, но он не ответил на один вопрос, а именно правда ли то, что Корнилов подал записку, в которой развивал совершенно определенно проект мер, сводившийся к расширению смертной казни на всю территорию Российской республики. В эту докладную записку входил проект милитаризации железных дорог, введение воинской дисциплины на всех фабриках, фактическое подчинение трудового городского населения казарменному режиму⁴.

Не доверяйте и вы

Вы, товарищи, слышали, что я сказал, что мы не доверяем той политике, которая для всех воплощается символически в имени Керенского. Но я скажу больше, не доверяем не только мы, но и те, которые Керенского на власть поставили. Иначе, для чего они созвали вас сюда решать вопрос об организации власти. Для чего они хотят из нашего состава создать постоянный Предпарламент, который контролировал бы власть и перед которым она была бы ответственна.

Если бы Центр. комит.⁵ доверял этой власти, то они не выставили бы этих лозунгов.

Личный режим

Нельзя ставить ставку русской революции на ту или другую личность, какие бы благие желания эта личность не воплощала. Нельзя дать права безответственного правительства решать вопрос о смертной казни. Не место режиму личного усмотрения, режиму произвола, которому доверять и оставить его на будущее не позволит вам трудящаяся масса.

Керенский, созданный этой политикой, и спасение от коалиции, которая опирается на режим личных и диктаторских поползновений отдельных лиц, в том, чтобы революционная демократия в лице своих крестьянских, рабочих и солдатских организаций, собравшихся здесь, утвердила себя, как единственную власть⁶.

Единственный выход

Может ли быть проделан новый опыт коалиции. Я отвечаю на это отрицательно. И вот почему. Если мы признаем программу, принятую на Московском Совещании, то где же те силы, те политические группы, которые пойдут на осуществление ее!⁷ У цензовых элементов имеется одна только такая политическая партия — кадеты. Но она не принимает этой программы, как это было выяснено на Московском Совещании, на этой платформе коалиции сделать с ней мы не

можем, но если отвергнуть партию Народной свободы⁸, то тогда нет никаких политических группировок, с которыми можно вступать в коалицию. (Аплод.). Нечего себя обманывать. Нельзя Кишкиным-Терещенко или Некрасовым⁹ заменять большую политическую партию, являющуюся единственным выразителем цензовых элементов в России. И те, кто считает необходимым коалицию с теми, кто не принимает нашей программы, должны придти, тогда и сказать, согласны ли отказаться от этой программы. Но согласиться на отказ от этой программы, значит стать не тем, чем мы являемся сейчас и не терять авторитет в массах, интересы которых мы представляем. Если же мы перестанем отражать интересы этих масс, тогда для социальных элементов цензовой России не представит никакой цены заключать коалицию с нами. Идти к торгово-промышленной буржуазии тоже нельзя. Этот опыт уже нами сделан. Я напому, что Коновалов ушел из Правительства именно тогда, когда на очереди стоял вопрос об экономической политике революции¹⁰.

Таким образом, единственный выход — власть должна быть не коалиционной, власть должна перейти в руки демократии (аплодисм.), не к Сов. Р. и С. Дем., а в руки той демократии, которая здесь сегодня достаточно полно представлена. Власть должна быть здесь образована. Здесь должны быть намечены и органы, перед которыми эта власть и будет отвечать (аплод.). Понимая всю тяжесть ответственности, какая может пасть на наши плечи, и ту боязнь ответственности, какая возникает в нашей среде, я думаю, что мы должны отбросить эту боязнь ответственности. Возьмите же эту власть. — Заканчивает оратор при аплодисментах части собрания^{11*}.

---

* Данный абзац («Единственный выход») попал в стенограмму ошибочно. Он принадлежит Б.О.Богданову (См.: Известия. 1917. 16 сентября). Каменев же сказал следующее: «Мы должны сказать, что политика соглашения с буржуазными элементами привела к тому, что весь государственный аппарат оказался захваченным руками заговорщиков. Государственный аппарат может быть в руках того или другого класса. До последнего времени он находился в руках элементов, которые смогли направить его против революции. Необходимо, чтобы революция взяла в свои руки механизм государственного управления, как для собственного сплочения, так и против буржуазии. Трудовые массы

Заявление ЧХЕИДЗЕ

Раньше чем дать слово следующему оратору — Богданову, председатель Н.С.Чхеидзе делает следующее заявление:

Тов. Каменев в своей речи сказал, что к Петрограду были приведены контрреволюционные полки. Я должен сказать, что контрреволюционных полков в армии нет. (Аплод.). Если полки действительно были приведены к Петрограду, то потому, что их ввели в заблуждение и в обман. (Аплод.). Как только полки эти узнали в чем дело, они перешли на сторону революционных организаций. (Аплод.).

Речь Б.О.БОГДАНОВА¹²

Трибуну занимает затем Богданов.

Неустойчивость власти

Я думаю, что пришел момент сказать всю правду до конца. Я хочу обратить внимание прежде всего на то, что в итоге 6-ти месяцев существования революции мы можем установить бесспорно одно: это то, что у нас нет власти. Была до сих пор чехарда правительственная, и эта чехарда ничем не отличалась от той, которая была в последние дни царского самодержавия. Эта чехарда ведет к непрерывному ослаблению страны, к полной неустойчивости политики власти, создает колебание ее, топтание на месте. (Аплод.).

В собрании демократии, которая создала революционную власть, нечего аплодировать, когда выясняется чрезвычайная неустойчивость этой власти.

Эта неустойчивость власти привела к бесплодию самой правительственной работы. В самом деле, самый больной вопрос в нашей жизни — армия. Если она не выдержит испытания, не сдержит натиска врага и не защитит Россию, то революция несомненно потерпит поражение. В условиях революционных победить может только армия революционная

лучше справятся со своими делами, чем их классовые противники». (Известия. 1917. 16 сентября).

и нашей задачей было сделать армию революционной. Так мы ставили вопрос о Приказе № 1 и в этом направлении мы шли¹³. Но пришел Гучков, первый военный министр первого революционного кабинета, и все время саботировал реформы в армии. Он не желал провести декларацию прав солдата. Его сменил Керенский и декларация прошла в жизнь¹⁴.

Керенский не Гучков и действовал в контакте с демократией, и все-таки в правительстве Керенского были дефекты, которые мешали правильной работе. Керенский, прекрасно понимая, что армию надо перестроить путем неотложных реформ, делает это чрезвычайно медленно. И только после того, как приходит Корнилов, пришел новый военный министр Верховский¹⁵ и намечает ряд реформ, о которых Керенский знал, но почему-то их не делал. Вот линия поведения кабинета коалиционного. Такова эта линия и в аграрном вопросе. Та аграрная программа, которую намечала революционная демократия — она только принималась, но не проводилась. На этих двух вопросах ясно видно, как политика неустойчивости и колебаний приводила к ослаблению интенсивности этой политики и как отражалась она на всей России.

Против коалиции

Но недостаточно критиковать. Надо спросить, в чем причина всего этого. Для того, чтобы изменить все это, необходимо знать, почему правительство, даже одушевленное самыми лучшими намерениями, не в состоянии проводить политику реформ, необходимых стране.

Я скажу: через 6 месяцев революции я, сторонник коалиционного правительства, боровшийся за нее с первого дня революции, я через 6 месяцев говорю, что одной из главных причин является бесспорно коалиционный состав правительства. (Аплод.). Одна часть правительства непрерывно тормозила работу другой. То обстоятельство, что все реформы тормозятся, оторвало правительство от широких слоев народа. И как мы, Советы не поддерживали Времен. правит., все-таки эта поддержка была недостаточна для того, чтобы народ мог усвоить необходимость коалиционной власти и

терпеть борьбу внутри правительства. Но этого недостаточно: коалиционный состав правительства, который имел место в последнее время, привел к тому, что Правительство не только оторвалось от народа, но и превратилось в безответственное правительство. Безответственность была источником того, что правительство часто сталкивалось не только со своими принципиальными противниками, но очень часто и с теми группами и организациями, которые принципиально поддерживали его. Эта безответственность привела к тому, что правительство в настоящее время не опирается ни на один общественный класс, что, вероятно, и дало право Корнилову появиться в качестве завоевателя.

Основная причина крушения коалиции заключается в несоответствии фактических соотношений общественных сил и того формального выражения этих соотношений, какое существует в стране. И факт выявления огромных сил демократии, должен был оказать свое воздействие на те общественные классы, которые ориентируются в зависимости от силы или слабости демократии. Когда демократия сильна, когда она организована, в этот момент осуществление коалиции не только наиболее возможно, не только сила притяжения демократии становится максимальной, но в этот момент наименее опасно для демократии вступление в коалицию, ибо результат работ коалиции всегда соразмеряется с фактическим соотношением сил, вошедших в коалицию. И если теперь настал такой момент, когда демократия окрепла неизмеримо больше, чем она была раньше в момент корниловского заговора, то это еще нагляднее должно убедить те цензовые элементы, которые не пошли за корниловским мятежом, как за авантюрой, что всякая политика, направленная на разрушение демократии или на стремление создать власть помимо демократии, является авантюрой и обречена на крушение. Таково положение. То новое, что дал корниловский заговор, есть крушение тех авантюристических надежд, которые отталкивали от нас различные слои населения.

*Однородное или коалиционное правительство**

Вопрос о том, какова должна быть организация власти, в основной своей части сводится к тому, — однородными или коалиционными. Но если соотношение сил таково, что в настоящем фазисе революции для осуществления демократической программы возможно, а следовательно и полезно привлечение цензовых элементов¹⁶, это не значит, что в этом новом фазисе революции мы должны возрождать власть в тех формах и в тех взаимоотношениях демократии, в которых она была до настоящего момента. Ибо несомненно, в тот момент, когда расстроились ряды демократии, когда она была наиболее ослаблена, в тот момент создалась эта форма власти, которую называли безответственной властью. Здесь говорят о полной безответственности. Но, конечно, это и по существу, и формально — не верно, формально, и неверно потому, что эта власть была построена на принципе представительства демократических партий. В качестве формы контроля сохранено было право отзыва. Полной безответственности с формальной точки зрения, конечно, не было. И по существу, конечно, социалисты, члены Правительства, считались с настроением той среды, откуда они вышли, осведомляя их о своей деятельности и поддерживая с ними тесную связь.

Но, конечно, эта форма в зависимости не была той тесной формой, которая была в предыдущем этапе революции. Момент слабости центральной демократической организации [был налицо]. Пользуясь тем, что расстройство в рядах демократии создало недоверие в некоторых слоях демократии тем органам, которым они раньше беспредельно верили, именно в этот момент цензовые элементы поставили демократию перед выбором: или создать такую власть, связь которой с центральными органами ослаблена, или в этот момент слабости одним только взяться за организацию власти. Мы вынуждены были избрать первый путь, обеспечивающий все-таки революцию — сохранение коалиционной демокра-

---

* Судя по тону и содержанию следующих разделов, они принадлежат Церетели.

тической власти с демократической программой. В этот момент не было того единого органа который с такой же полнотой олицетворял бы собою российскую демократию, как [в] первый фазис революции, олицетворял ее совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда и во втором фазисе — Центральный комитет Советов¹⁷. С развитием русской революции, [наряду] с этими основными самочинными демократическими организациями, стали создаваться в различных областях различные демократические органы, бравшие на себя выполнение тех функций, которые полностью раньше осуществлялись этими общедемократическими самочинными органами. Такого центра, который бы объединял и самочинные организации и эти вновь родившиеся демократические организации, революция не успела создать, и именно потому, в этот момент, цензовой буржуазии легко было добиться осуществления власти, формально в своей ответственности не связанной с органами демократии, легко было на этой почве цензовым элементам открыть натиск против центральных демократических органов, в момент слабости демократии. В настоящее время результаты такой организации власти несомненно обозначены, в политике власти оказалось неизмеримо больше помех, чем было раньше, и надежда демократии на то, что эта политика будет на деле осуществляться в тесном контакте с демократией, несомненно ослабела. Ослабела не потому, чтобы лица, представленные в Правительстве, заслуживали меньше доверия, а потому, что только при неразрывном честном контроле представительного органа и контакта с ним возможно для какой бы то ни было власти осуществлять на деле политику, совпадающую с политикой этих представительных органов. И вот теперь настал момент, когда надо воссоздать орган, олицетворяющий всю российскую демократию во всех разветвлениях, чтобы объединить действия всей российской демократии и создать организованный базис для власти, отвечающий знанию и чаяниям всей демократии.

Учредительное собрание и демократия

В настоящий момент, если программа демократии должна быть осуществлена полностью без урезок, то это не потому, что силы демократии окрепли настолько, чтобы навязать всем остальным классам волю класса, ею представляемого, а потому что по всей сущности программа 6-го мая, затем программа 8-го июля и программа 14 августа, представляя собой развитие одних и тех же основных принципов демократии, являются элементарным условием для защиты, для существования страны. Шаги, которые диктуются власти в настоящий момент, этой программы таковы, что они связаны с жизнью государства. Я укажу на эти основные моменты. Вопрос о созыве Учредительного собрания. Конечно, власть, которая отказалась бы в назначенный срок созвать это всенародное общепризнанное представительство и постаралась бы оттянуть еще на долгий срок создание такого органа в предположении, что он не будет выражать интересов тех или других оторванных от масс элементов, такая власть действовала бы не только против демократии, но против всей страны, против самого ее существования. Ибо мы знаем, что самый решительный способ вывести страну из того хронического кризиса, в котором она находится, единственно надежный способ олицетворить волю всей нации и вместе с тем претворить эту волю с наименьшими препятствиями в жизнь, — это есть создание полновластного народного органа — Учредительного собрания. И если бы для создания коалиции нам предложили делать уступки в этой области, то выбора, конечно, не было бы: там, где насущные жизненные интересы демократии и всей страны поставлены на карту, отступление есть измена делу спасения страны; малейшее отступление здесь было бы ослаблением и демократии и власти. Но я думаю, подобно тому, как во втором коалиционном правительстве, такая постановка вопроса вынудила буржуазных представителей согласиться с назначением Учредительного собрания в кратчайший срок, так сейчас это наше требование окажется приемлемым к принятым те-

ми цензовыми элементами, которые на самом деле способны осуществлять дело спасения страны.

Не надо забывать, товарищи, что если нам пришлось раз отложить срок созыва Учредительного Собрания, то этому, конечно, с одной стороны способствовали некоторые цензовые элементы, но с другой стороны, мы в настоящем деле не смогли приложить всех наших усилий при перечислении причин, почему Учредительное собрание опоздало, дезорганизованность самой демократии имела решающее значение. Подобно тому, как мы в первый раз сомкнув свои ряды сумели перед общенародной волей заставить преклониться все входящие в коалицию элементы, так и теперь, я думаю, мы сумеем это заставить. Но если бы кто-нибудь не преклонился, то он отрезал бы себя от всего народа, всей нации и в прямом столкновении с интересами народа, вынужден был бы разорвать с демократией¹⁸.

Международная политика

Второй вопрос — вопрос международной политики. В настоящий момент, когда мы все знаем, и здесь военный министр коснулся этого вопроса, в настоящий момент, когда международное положение с каждым часом обостряется, когда изнуренные войной народы должны найти выход для завершения этой войны, и когда делаются совершенно определенные попытки завершить это дело за счет революционной России, — молчание России, ее бездеятельность и отсутствие инициативы в этом вопросе было бы предательством интересов страны, было бы изменой делу и демократии и всей страны. Активная международная политика в духе принципов русской революции, прямое сношение с союзниками для серьезной постановки вопроса о платформе, сплачивающей нас воедино и принятой сознанием демократии, как платформы желательного и возможного с точки зрения демократии всеобщего мира, это есть вопрос национального существования России. (Аплодисменты). И если бы в этом вопросе, при попытке осуществления коалиции, мы наткнулись бы на сопротивление, если бы здесь от нас потребовали

уступок, мы, конечно, должны были сказать, что интересами нации, интересами страны и демократии русская демократия не торгует. Для цензовых элементов, для всех сколько-нибудь жизненных классов, для которых ценно сохранение страны и ее экономическое процветание, не может быть сомнения, что если инициатива не будет проявлена революционной Россией в деле достижения всеобщего мира на началах, исключающих ограбление России, или нанесения ее жизненным интересам существенных ударов, то эта опасность реально стала бы перед нашей страной. И если бы в этом вопросе разошлись с нами организации цензовой буржуазии, они, конечно, оказались бы изолированными, отброшенными, они забыли бы тогда интересы собственных классов, и те партии, которые стали бы на этот путь борьбы с демократией, в момент, когда она отстаивает общенациональные интересы, всем доступные и всем понятные, окончательно дискредитировали бы себя. Такой разрыв не ослабил бы демократию, ибо все, сколько-нибудь здоровые элементы вынуждены были бы идти за демократией. Мы знаем, за социалистами в настоящий момент идут многие буржуазные элементы; они идут за социалистами не потому, что они социалисты, но потому, что они не видят в других партиях защиты своих интересов; недостаток буржуазных демократически-радикальных партий отбрасывает в наши ряды мелкобуржуазные элементы и, товарищи, если бы настал такой момент, чтобы существенные интересы, сохранность страны и нации были бы забыты партиями цензовых элементов, товарищи, может быть, не осталось бы никакого другого выхода у этих цензовых элементов, как создание новой партии, что для них, конечно, не мыслимо идти под знаменем социализма.

Удар по демократии – удар по армии

Так ставятся и все остальные вопросы в нашей платформе. Это не требование только демократии, только трудящихся классов; это требование сохранности, целостности страны, обеспечение ее существования. Здесь говорили о возрождении армии. Ведь если наша армия останется развалившейся,

если устойчивость и крепость этой армии не дадут возможности отразить неприятельское нашествие, ведь будет растерзана, разделена Россия, ведь это сознается всеми. Была сделана попытка Корниловым ударить по демократическим организациям армии; он ударил по ним в своих реляциях, выдвигая эти демократические организации развратителями армии. Затем он попытался силой оружия это сделать, и ведь поняла, почувствовала страна, что, ударяя по этим демократическим организациям, он ударяет по самой армии, что разрушение их было бы разрушением самой армии. Уже тот удар, который нанес Корнилов, тяжело отозвался и на боеспособности армии. Стало ясным, что нет другого исхода укрепления армии, как политика, опирающаяся на демократические органы этой армии; политика, признающая за солдатом права гражданина, способного понимать и отстаивать политические интересы страны, и та программа, которую развил здесь военный министр*, это не программа социалиста, вышедшая из утопических сообщений, — это говорил практик, знаток военного дела — он говорил о том единственном пути, которым еще мыслимо укрепить, воссоздать нашу армию. Когда он говорил о чистке командного состава и когда в связи с этим он ставил поднятие дисциплины и боеспособности армии, разве это — аргументы доступные уму только социалистов, разве не должны понять и широкие цензовые элементы, что только этим путем можно укрепить силу нашей армии. Здесь говорили по этой программе, почему она до настоящего времени не осуществлялась. В этом виноват коалиционное правительство — принцип коалиции.

Но, товарищи, я вас спрошу — в чьих руках было военное министерство? Из рук Гучкова демократия передала его в руки товарища Керенского, и если были недочеты в этом деле и если не вовремя были сделаны реформы, которые делаются теперь, после тяжких уроков, то, конечно, товарищи, это плохо; но мы, вся демократия, в этом отношении ответственные за то, что было. Почему мы поставили товарища Керенского. Потому что мы ему верили. Но, товарищи, мы могли поставить не военного человека, знающего дело, а

---

* Речь идет о военном министре А.И.Верховском.

именно тов. Керенского, который с военной организацией не мог быть знаком. Товарищи, у нас же было знатоков не только в этой области, но и во многих других. Именно в военном деле, мы сами знали — что надо что-то делать для обновления командного состава, и товарищ Керенский вместе с нами искал этот выход и не мог найти нужной решительности в настоящем деле. И вот молодой генерал, воспитанный нашей революцией, с тремя месяцами московской практики, молодой генерал, он теперь созрел и теперь пришел, чтобы делать дело революции. Не забудьте, товарищи, если мы многого не сделали, то потому, что мы ко многому были не подготовлены. Дело строительства России от оснований и до верху — это великая задача выпала на долю нашей демократии разом после крушения самодержавного строя, душившего демократию на всех поприщах. При необъятных задачах впервые ступившего на почву государственного строительства мудрено ли, что демократия во многом оказалась неподготовленной. Революция воспитывает демократию: с великим трудом, под влиянием кровавых уроков демократия учится; она падает, она поднимается и продолжает идти вперед, но, товарищи, не объясняйте всех наших неудач злой волей наших противников. Мы оказались вынужденными учиться и учась идти вперед. Товарищи, то огромное пересоздание государства, которое стоит перед нами, вы думаете оно скоро кончится? Ведь если суждено русской революции победить, дойти до конца, раскрепостить страну, создать новый прочный демократический порядок, то это работа нескольких лет. К этому идет революция, и мы знаем, как развивается победоносная революция: победоносная революция начинается с задач, осознанных широкими слоями почти всех классов нации. От этих задач она идет дальше к задачам, доступным более узкому кругу классов, и по мере того, как она подвигается дальше, все более и более радикальные классы выдвигаются вперед в деле осуществления революционных задач. И вот, товарищи, в этом деле не слишком ли мы торопимся создать положение, когда наиболее революционные классы окажутся одни в деле этого строительства, не слишком ли мы переоцениваем силы отдельных классов и их революционные настроения в такой

момент. Если бы отошла от дела общенародной программы, о которой я здесь говорю, та или другая часть, у нас, конечно, выбора не было бы, но тогда выбора не было бы и у всей нации в целом.

Демократия поражений не терпит

Но все ли силы других классов, товарищи, израсходованы? Здесь смеялись, здесь говорили, что шесть месяцев уже говорили, что шесть месяцев уже говорят о живых силах, но, товарищи, с помощью этой политики «живых сил» мы не растерянными донесли в эти шесть месяцев силы нашей демократии и силы нашей революции. Те, кто отклонялись от этой политики, те, кто в безудержном порыве стремились вперед, перешагнув через все классы и объективные затруднения, те действительно бывали отброшены назад, те понесли решительное поражение. Но, товарищи, демократия России, победоносно свергнувшая самодержавие в 3 дня, она в столкновении ни одним классом до настоящего момента поражена не была. И вот, товарищи, величайшее оправдание нашей политики, вот почему так трудно переменить стезю этой политики. Нам говорят: но ведь страна разорена, ведь так трудно общее положение. Да, но в этих трудных положениях мы сохранили основное, что дает нам надежду на победу, мы сохранили организованную демократию, являющуюся основной и самой сильной политической силой в стране. Мы это сохранили, товарищи, к этому нас привела эта политика. Разве, товарищи, эта революционная демократия могла бы сохранить свое влияние, если бы действительно наша политика тормозила улучшение положения масс. Если бы действительно были таковы наши грехи и ошибки в прошлом, разве не расплачивалась бы революционная демократия теперь за эти ошибки своих руководящих кругов. Разве не были бы они сметены и отброшены назад. Но идя этим путем, она ни разу поколеблена не была, она ни разу не была отброшена, всегда не была разбита, и потому я говорю, товарищи, нам надо взвесить положение прежде, чем мы изменим тактику организованной революционной демократии.

Гарантия твердой власти

Практический выход из создавшегося положения — это идти тем путем, как мы шли раньше, но только учесть то обстоятельство, что настал момент, когда вся подготовительная работа революции, если она не будет реализована и проведена в жизнь, то подвергнутся опасности устои и страны и революции. Теперь медлить с осуществлением программы нельзя, мы должны свои ряды сплотить настолько, чтобы дать максимум поддержки все организованной демократии — этой программе. Но мы должны также поставить вопрос о реальных гарантиях, чтобы власть, если она будет создана на коалиционных началах, действовала под контролем демократии, под ответственностью перед теми органами, в которых будут представлены и демократия и цензовые элементы; гласно, перед лицом всего народа, чтобы протекала ее деятельность и чтобы эти учреждения, перед которыми была бы ответственная власть, гарантировали бы демократии осуществление этой программы.

Практика оторванной от общественных групп в формальном смысле власти и по существу от нее отдаленной, эта практика обнаружила, что такая власть сильной быть не может и претворить в жизнь политику с той полнотой, с какой возможно, не в состоянии. И это надо учесть, надо знать, что то положение было создано в трудных условиях существования демократии, когда все иные пути перед нею были закрыты. И когда ЦК РС и КД¹⁹ созывали это собрание, то именно потому, что главной нашей задачей было создать опору власти и опору демократической политики. Мы должны искать осуществление программы нашей в создании демократической революционной власти. Включение цензовых элементов не должно отзываться на демократическом характере власти и на ее демократической политике. Если бы этим нам пришлось поступиться, мы не создали бы власти, приемлемой для страны и выполняющей волю страны. Только революционная власть, действующая определенно во имя спасения революции, как основного устоя спасения страны, только эта власть может действовать, может опи-

раться на самостоятельность всей демократии, и поэтому так именно должен ставиться вопрос: создание революционной демократической власти с демократической программой, с привлечением всех тех цензовых элементов, которые способны осуществлять программу спасения страны, ту демократическую программу, которая разработана была не с точки зрения интересов всей страны, совпадающей с правильным пониманием интересов трудящихся классов: ...все это должна осуществлять власть и только тогда, когда получится прочная власть. Вот первый шаг, который был сделан Всероссийским демократическим совещанием. Этот вопрос будет здесь обсужден, и представители фракций выскажут свои взгляды.

Я считаю нужным довести до вашего сведения, что центральные комитеты²⁰ собрали все демократические организации в критическую минуту, когда надо было создавать новую власть, ибо рассыпалась старая власть, не имеющая прочного фундамента в одном представительном органе, перед которым она была бы ответственна. Центральные комитеты не захотели взять на себя монополию образования новой власти в качестве демократической стороны при создании коалиционной власти или в качестве единого источника власти при образовании однородной власти. Центральные комитеты думали, что в настоящий момент при существовании мощных органов в различных областях — муниципальной, земской, кооперативной и проч. — власть должна быть создана так, чтобы она наиболее отвечала сознанию и стремлениям всей организованной демократии. Центральные комитеты думали, что в этот момент, когда разрушилась та непрочная коалиционная власть, новая коалиционная или однородная власть, какую бы из этих властей решила создать демократия, она должна создавать [сама] непосредственно. Если коалиция, то представители классов демократических непосредственно должны согласиться в этом с представителями классов цензовых. И если бы демократия отвергла бы или оказалась бы не в состоянии создать такой коалиционной власти, то тогда вся организованная демократия, во всех областях работающая, только и могла бы решить вопрос о создании однородной власти.

*Коалиция возможна**

Я хочу сказать о своей точке зрения — это одна из точек зрения, развивавшаяся в Центральном комитете, три остальные были представлены здесь другими ораторами, — с моей точки зрения объективное положение цензовых элементов делает возможным продолжение коалиции на почве демократической платформы. Я думаю, что решая этот вопрос, нельзя ставить его так, как его ставил здесь В.М.Чернов²¹. Он говорил: «да, коалиция, но за исключением такой-то партии». Я думаю, товарищи, что элементы, замешанные в корниловском деле, занявшие двусмысленное положение по отношению к этому, конечно, не могут войти в состав этой коалиции, с ними переговоров не может быть, и одно из условий, которое демократия должна поставить этой коалиционной власти — немедленное, до конца, расследование всего корниловского дела и гласный суд над причастными к заговору²². Это так, конечно, но можно ли сказать, что партия в целом замешана в этом деле. Есть ли для этого основания. (Голоса: есть, конечно).

Товарищи, когда с таким уголовным критерием [подходят] к политическим течениям, пусть не забывают резолюций, в которых было сказано, что нельзя подходить с уголовным критерием к политическим течениям. Пусть этого не забывают, и я скажу, товарищи, что в этом отношении правильнее ставил здесь вопрос тов. Каменев. Это вопрос политический. Есть ли разнородные элементы в кадетской партии? Вы должны решить, товарищи, ошибка была, или не ошибка, что в момент, когда произошла борьба на улицах Петрограда, в результате которой Милюков ушел из правительства, другие члены кадетской партии были там оставлены, и они делали дело, против которого боролся Милюков, из-за которого он ушел из правительства. Ошибка это была или не ошибка? Если это не было ошибкой, то будет ли

---

* Данная часть и часть предыдущих разделов принадлежит не Богданову, а Церетели. (См.: Меньшевики в 1917 году. М., 1996. Т. 3. Кн. 1. С. 191-194). Часть речи Богданова ошибочно попала в архивный и газетный отчеты о речи Каменева. Богданов настаивал на образовании власти самим Демократическим совещанием (Известия. 1917. 15 сентября).

ошибкой исключить заранее совершенно из коалиции те элементы, которые, входя в кадетскую партию, в первый же день корниловского заговора вместе с остальной революционной демократией выступили против этой авантюры. (Голоса: есть, конечно). Я думаю, это было в Москве, я думаю, это было в Киеве, и в других местах было. Я понимаю, товарищи, когда тов. Каменев прямо вам говорил, что это контрреволюционная партия с контрреволюционными устремлениями, и потому не пускайте ее, но когда вам говорят: надо определять степень участия отдельных лиц или организаций и на этом основании от политического дела отместить целую политическую партию, включающую в себя разнородные элементы, то это, мое глубокое убеждение, неверная политическая постановка вопроса. (Аплодисменты)²³.

Я должен сказать, товарищи, в этот момент, в момент мятежа, мы в ЦК считали невозможным какое бы то ни было дальнейшее пополнение правительства, исходя из того, что в деле образования нового правительства стороны, олицетворенные в этой коалиции, непосредственно должны придти в соприкосновение, и каждая сторона сама должна, а не через представителей решать этот вопрос. И тогда мы приняли решение предложить правительству до Демократического совещания не вводить новых членов и особенно не вводить представителей кадетской партии. Но в тот момент, когда собралась вся демократия, когда она, расценив положение дела, определяет возможность или невозможность коалиции, нельзя перед демократией ставить вопрос так, что эту партию, наиболее влиятельную, — в лице всех представителей, хотя бы и боровшихся с корниловским мятежом, отстранить, а вместе с тем войти в сношение с партиями правее стоящими, более слабыми и только потому не находившимися под таким пристальным наблюдением, под которым находилась эта партия. Так поставил перед вами вопрос тов. Каменев и он в этом отношении ставил правильное, чем тов. Чернов. Политическими критериями должно рассеиваться положение. Если вы учтете, что настал такой момент, когда принятие нашей программы, о которой здесь говорили, теми или иными цензовыми элементами, даже факт их борьбы с корниловщиной в момент восстания Корнилова, даже согла-

сие их на ответственность перед общими органами, где демократия будет преобладать, ибо она преобладает в стране, не дает почвы для сотрудничества с цензовыми элементами, то тогда, конечно, политики коалиции будет отвергнута. Если вы решите, что цензовые элементы, даже если они будут удовлетворять этим условиям, все же должны быть отложены, то правильно ли будет отстаивать интересы революции, не пойдете ли вы в этом вопросе навстречу минутным настроениям, вызванным нынешним кризисом в некоторых частях демократии. Наша революция полна этими кризисами, мы видим раскат настроения то в одну, то в другую сторону. А если мы сохранили устойчивое положение, то потому, что не на этих минутных настроениях строили мы свою политику. Мы ставили определенные цели и руководились точкой зрения интересов общественных классов, нами представляемых, и прямо шли к этим целям, не отвлекаясь этими минутными волнами, то справа, то слева возникавшими на нашем пути.

И я думаю, так именно до конца должна вестись наша политика. Наступит момент, когда будут исчерпаны все другие силы в деле строительства России. К этому мы идем, так всякая развивающаяся революция шла, и чем позже это наступит, тем лучше для нас, ибо тем больше сил мы сохраним и тем больше надежды, в единении со всем населением сможем мы, оказавшись одни, идти вперед.

Пока, по моему убеждению, этот момент еще не настал, и правильно ли с точки зрения развития революции делать шаги, отрывающие от нас силы, способные служить еще революции, шаги подвергающие риску выполнение той программы, от которой зависит спасение всей страны. (Аплодисменты).

ГАРФ. Ф. 1728. Оп. 1. Д 3. Л. 24-40.

*Большая часть речи принадлежит не Богданову,
а стороннику коалиции Церетели.*

---

¹ Л.Б.Каменев имеет в виду речь министра-председателя А.Ф.Керенского, с которой он обратился в день начала работы Демократического Совещания.

Сам Керенский позднее оценивал Демократическое совещание как трагический фарс и комедию, солидаризируясь здесь с В.И. Лениным. (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 291).

- ² Каменев, видимо, касается роли А.Ф. Керенского в корниловском военном заговоре. Керенский пытался отводить от себя обвинения в соучастии в корниловском путче.

Он утверждал, что не знал о намерениях Л.Г. Корнилова, хотя сам назначил его в июле 1917 г. верховным главнокомандующим. В то же время Керенский признавал, что после сдачи немцам Риги в августе 1917 г. он передал в подчинение Корнилова Петроградский военный округ, за исключением самой столицы. Керенский также попросил Корнилова перебросить в распоряжение Временного правительства части III конного корпуса. (*Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 229, 238-239).

- ³ Имеется в виду партия кадетов, входившая в правительственный блок с меньшевиками и эсерами в ряд составов Временного правительства.

- ⁴ 12 июля 1917 г. вышло постановление Временного правительства за подписью Керенского, министра юстиции И.Н. Ефремова и генерал-майора Г.А. Якубовича (от военного министерства) о восстановлении смертной казни на время войны для военнослужащих «за некоторые тягчайшие преступления». Это мотивировалось необходимостью «принять чрезвычайные меры для восстановления в рядах армии порядка и дисциплины». (Известия Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 13 июля).

Л.Г. Корнилов, став верховным главнокомандующим, настаивал на ужесточении борьбы с революционно-демократическими организациями как на фронте, так и в тылу. Еще до назначения главкомом Корнилов направил свои соображения в письменном виде в Ставку в Могилеве. Он предлагал распространить действие закона о смертной казни на тыловые округа; восстановить дисциплинарную власть начальников, вплоть до распоряжения об арестах и предания суду; запретить на время войны митинги и собрания в воинских частях и учреждениях. Он требовал проведения чистки комсостава, настаивал на ограничении деятельности войсковых комитетов и их невмешательстве в оперативные дела. (*Миц И.И.* История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 631).

На совещании в Ставке незадолго до путча генералов управляющий военным министерством, тесно связанный с Корниловым, правый эсер Б.В. Савинков призывал к единению между армейскими организациями и командным составом. Институт комиссаров в армии, многие из которых были уполномоченными ВЦИК Советов, Савинков объявил чуждым для армии и призывал к его возможной ликвидации. Он настаивал, чтобы комиссары не вмешивались в «вопросы чисто оперативного характера», одновременно полагая, что они должны являться «правомочными представителями Временного правительства, но отнюдь не каких-либо общественных, политических и профессио-

нальных организаций». Сама же деятельность комиссаров, по мысли Савинкова, должна была направляться на восстановление боеспособности армии.

На совещании присутствовали представители командного состава и комиссар при Ставке (комиссарверх) правый эсер М.М.Филоненко, также тесно связанный с Корниловым. (Известия ЦИК и Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 25 августа).

М.М.Филоненко был выдвинут Военным отделом (секцией) ВЦИК Советов на роль организатора и создателя советского военного комиссариата. (*Шкловский В.* Революция и фронт. Пг., 1921. С. 18-19).

5 То есть ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

6 К моменту Демократического совещания страной управляла узкая министерская коллегия, так называемая Директория, в составе А.Ф.Керенского, М.И.Терещенко, А.И.Верховского, Д.Н.Вердеревского, А.М.Никитина (правый меньшевик). Верховский и Вердеревский были утверждены военным и морским министрами. Термин «директория», видимо, был заимствован из лексикона времени Французской революции XVIII в.

7 Л.Б.Каменев подразумевает здесь программу ВЦИК Советов, оглашенную Н.С.Чхеидзе на Государственном совещании в Москве (12-15 августа 1917 г.).

8 Официальное название партии кадетов. По словам лидера кадетов П.Н.Милюкова, программа, оглашенная Чхеидзе 14 августа, была рассчитана на то, что несоциалистическая часть Государственного совещания пойдет на ее принятие. Лидеры Советов смотрели на это совещание как на некий «всероссийский экзамен», устроенный для несоциалистической демократии. Поэтому они развернули целую обширную программу, местами детально разработанную специалистами. Но в основе платформы Чхеидзе лежала старая платформа правительства «спасения революции» от 8 июля 1917 г. (*Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1992. Т. 1. Вып. 2. С. 112).

9 Н.М.Кишкин (1864-1930). Один из лидеров кадетов, министр Временного правительства. По профессии врач. Работал в Наркомздраве РСФСР.

М.И.Терещенко (1886-1956). Капиталист-сахарозаводчик. Был близок к партии «прогрессистов» (занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами). После Милюкова стал министром иностранных дел России, занимая эту должность вплоть до Октябрьской революции. Затем в эмиграции.

Н.В.Некрасов (1879-1940). Один из лидеров левых кадетов. Инженер-технолог, профессор. Депутат III и IV Государственных дум. Министр путей сообщения, министр финансов, зам. министра-председателя Временного правительства. С 1921 г. работал в Центросоюзе.

10 Речь идет об отставке А.И.Коновалова (1875-1948) с поста министра торговли и промышленности в мае 1917 г. Эти обязанности стал исполнять управляющий министерством кадет В.А.Степанов. Отставка Коновалова была вызвана его несогласием с

экономической программой Исполкома Петроградского Совета. Позднее он вернулся во Временное правительство, став заместителем министра-председателя. Крупный текстильный фабрикант, лидер партии «прогрессистов» и «Прогрессивного блока» в IV Государственной думе. Эмигрант.

- 11 Комментатор «Известий» обратил внимание на сдержанный и осторожный тон речи официального оратора большевиков Л.Б.Каменева. (Известия ЦИК и Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 15 сентября).

Каменев в это время имел отличный от Ленина подход к оценке сложившейся ситуации.

В предложенной им 31 августа на заседании ВЦИК и ЦК скд резолюции «О власти» тоже ничего не говорилось о власти Советов; выдвигалось лишь требование декретирования демократической республики и другие пункты революционно-демократической программы. (ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 120. Л. 3).

Отклоненная объединенным советским пленумом резолюция «О власти» в тот же день была принята пленумом Петроградского Совета (279 — за, против — 115, воздержалось — 51).

В.И.Ленин выразил недовольство содержанием речи Каменева на открытии Демократического совещания, его стремлением произносить слова в чисто «конституционном» духе в адрес Временного правительства. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 254).

Каменев позднее писал, что еще во время Демократического совещания Ленин считал, что назрел момент для перехода власти в руки Советов (Известия ВЦИК Советов. 1918. 10 ноября).

Г.Е.Зиновьев, как и Каменев, считал, что Демократическое совещание может оказать влияние на решение вопроса о власти в пользу революционных сил, что позволит избежать вспышки гражданской войны, открыть путь для мирного исхода событий. (Рабочий путь. 1917. 13 сентября).

Разногласия Каменева с Лениным наметились сразу же по возвращении лидера большевиков в Россию. Однако, по словам Г.Е.Зиновьева, это не дает оснований говорить о наличии в большевистской партии в то время некоего правого крыла. Эта внутрипартийная полемика велась открыто и с полного согласия Ленина и ЦК партии. Суть же этой полемики, по мнению Зиновьева, сводилась к выяснению вопроса о перерастании демократической революции в социалистическую. (Зиновьев Г. Ленинизм. Л., 1926. С. 95-96).

- 12 Б.О.Богданов (1884-1960) — правый меньшевик-оборонец, член рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, арестованной в январе 1917 г. 27 февраля 1917 г. был освобожден из тюрьмы. Один из учредителей Петроградского совета, член его президиума. Член руководства меньшевистско-эсеровского ВЦИК Советов. После Октябрьской революции репрессирован.

- 13 Приказ № 1 Петроградского Совета был принят под давлением солдат Петроградского гарнизона и с согласия меньшевистско-эсеровских лидеров Совета, которые были заинтересованы в

привлечении армии на сторону революции. Приказ № 1 вводил в армии гражданские права, санкционировал создание армейских демократических организаций. Ограничивал власть командного состава над солдатами. Изданный по гарнизону Петрограда, Приказ № 1 быстро распространился по фронтовым и тыловым частям. Положил начало «разложению» старой армии, поскольку разрушал прежние дисциплинарные нормы.

- 14 «Декларация прав солдата» была издана в мае 1917 г. военным министром А.Ф.Керенским и оформлена в виде приказа по армии. Представляла определенный отход от положений Приказа № 1. В левосоциалистических кругах ее называли декларацией бесправия.
- 15 А.И.Верховский как командующий Московским военным округом не поддержал мятеж Корнилова против Временного правительства. В сентябре 1917 г. назначен военным министром с присвоением звания «генерал-майор». Пытался при содействии лидеров Советов провести коренную военную реформу, но потерпел неудачу и накануне Октябрьской революции подал в отставку.
- 16 Термином «цензовые элементы» в 1917 г. обозначали капиталистические слои общества. В связи с этим постоянным камнем преткновения были споры в социалистических кругах о возможности привлечения цензовой общественности к сотрудничеству в рамках коалиционного (буржуазно-социалистического) правительства. В качестве социалистических партнеров выступали партии советского большинства — меньшевики и эсеры.
- 17 Речь идет о ВЦИК Советов р. и с.д., избранного на I Всероссийском съезде Советов р. и с.д. (3-24 июня 1917 г.). В состав ВЦИК первого созыва к октябрю 1917 г. входило более 320 чел. Большинство в нем принадлежало соглашательским партиям меньшевиков и эсеров и поддерживавшим их группам. Во главе ВЦИК стояло его Бюро из 51 чел. Председателем ВЦИК был меньшевик Н.С.Чхеидзе. ВЦИК первого состава просуществовал до II съезда Советов (октябрь 1917 г.).
- 18 Выборы в Учредительное собрание несколько раз откладывались и окончательно были назначены на 12 ноября 1917 г. правительственными органами совместно с представителями ВЦИК было подготовлено и опубликовано пространное Положение о выборах в Учредительное собрание. Выборы состоялись после Октябрьской революции в назначенный ранее срок.
- 19 ВЦИК Советов р. и с.д.
- 20 ВЦИК Советов р. и с.д. и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов.
- 21 В.М.Чернов (1873-1952). Член руководства партии эсеров. Член руководства ВЦИК Советов. Одно время — министр земледелия Временного правительства («селянский министр», по определению некоторых органов печати и политиков). Теоретик партии эсеров, автор ряда литературных трудов. Боролся против большевиков. Затем в эмиграции.
- 22 Расследование дела о корниловском заговоре вела правительственная следственная комиссия во главе с главным военно-

морским прокурором И.С.Шаболовским. Был проведен допрос Л.Г.Корнилова и других обвиняемых, ряда свидетелей и политических деятелей.

- 23 Оратор (им был не Богданов, а Церетели) пытался дифференцированно подходить к партии кадетов, которую в революционно-демократических кругах считали главным идейным вдохновителем корниловского мятежа. При получении известия о корниловском заговоре министры-кадеты покинули Временное правительство, отказавшись санкционировать меры борьбы с Корниловым.

В воззвании меньшевистского ЦК РСДРП (объединенной) в связи с корниловщиной Временное правительство было взято под защиту и названо даже правительством революции. Меньшевики в тот момент считали, что всякий удар или подкоп против правительства может нанести ущерб революции. (Рабочая газета. 1917. 29 августа).

О кадетях здесь упоминания не было.

Однако 31 августа ЦК РСДРП (объединенной) в принятой им резолюции заявил, что участие представителей кадетской партии во Временном правительстве «в настоящее время ни в коем случае допущено быть не может». (Рабочая газета. 1917. 1 сентября).

В дальнейшем руководство меньшевиков вновь признало целесообразность привлечения кадетов во власть как выразителей интересов цензовой общественности.

Меньшевистские правосоглашательские лидеры утверждали, что коалиция с цензовыми элементами позволит возложить бремя ответственности и власти «на все жизнеспособные классы России», сделав саму эту власть «общепризнанной для всей страны». (Рабочая газета. 1917. 19 сентября).

ВТОРОЙ ДЕНЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

15 сентября 1917 г.

Открытие заседания

Второе заседание Всероссийского Государственного Демократического совещания назначено было на 12 час. дня, но к этому времени зал Александровского театра совершенно пуст. Только в кулуарах, вернее в фойе, толпятся делегаты, недоумевая, почему открытие заседания оттягивается.

В отдельных группах оживленно обсуждаются предстоящие выступления отдельных фракций и общественных групп. О возможном выступлении большевиков в связи с призывом к рабочим и солдатам, изданным ими, даже не говорят. По-видимому, особого впечатления на членов Совещания слухи о большевистском выступлении не произвели¹.

К 1 час. дня распространяется в кулуарах слух о том, что заседание будет отложено, и все спешат в зал заседаний.

Скоро зал заполняется, председательское место занимает Н.С.Чхеидзе².

Не открывая заседания, председатель извещает, что общее собрание Демократического совещания откладывается до 5 час. вечера, чтобы дать возможность отдельным группам сговориться.

Еще не все организации и группы успели выяснить вопросы, поставленные на их обсуждение, — поясняет он.

Выслушав затем регламент, устанавливающий порядок будущего заседания и распределения ораторов, делегаты шумно поднимаются со своих мест и направляются на фракционные совещания.

В 5 час. заседание тоже не удается еще открыть. Оно открывается с значительным опозданием.

Речь М.И.СКОБЕЛЕВА³

Первое слово предоставляется быв. министру труда М.И.Скобелеву⁴.

— Старая власть оставила в наследство революционной стране в лице ее демократии, расстроенный хозяйственный организм, — начинает он, — и перед демократией, ответственной за судьбы революции, встали на разрешение две проблемы — создание новой системы политического строя и спасение всего хозяйственного аппарата. Но эти две проблемы скрещиваются в третьей — основной, в проблеме власти, в переходное время революции. Мы, работники революционной демократии в рядах Временного правительства, смеем позволить себе высказать соображения по этому основному вопросу, ибо на личном опыте испытали всю тяжесть проблемы власти.

Как во всякой революции, вопрос о власти готов каждую минуту разрешиться не политическим мышлением, а открытым столкновением социальных сил. Но, если бы разрешение вопроса о власти зависело от сил того или иного отряда или класса, или от комбинаций их в стране, если бы вопрос мог быть разрешен механическим захватом ее, то революционная демократия давно имела бы возможность беспрепятственно разрешить этот спорный вопрос. Захватить власть революционная демократия могла еще 27 февраля. Но мы, которые, были в рядах петроградской революционной демократии с первых минут рождения свободной России, судили иначе и думаем, что 6-ти месячный опыт революции оправдал нас. Мы знали, что ближайшим наследником самодержавного строя являются буржуазные элементы, и в первые дни революции мы всю силу своего влияния употребили на то, чтобы помочь буржуазным имущим элементам оправиться от смущения перед неизвестностью за судьбы страны и придти к власти. И, когда организационный процесс в широких слоях демократии оформился настолько, что демократия не могла отказаться от участия в государственном управлении страны, неся ответственность за судьбы революции, во Временном правительстве наряду с цензовой буржуазией приняли участие и мы. Идея коалиции 6-го мая была

правлящей идеей в революционной стране. И мы, считая эту идею власти способной привести страну к Учредительному собранию, взяли на себя смелость осуществлять ее в практическом управлении страной⁵.

Теперь в рядах демократии встал вопрос о переоценке этой идеи. Власть, построенная на принципе коалиции, привлекающей к участию в ней все социальные элементы, не обреченные революцией на сдачу в архив, подвергается теперь тщательному анализу и рискует быть осужденной, как принцип власти способной довести страну до Учредительного собрания. Одним из важных факторов в глазах всех, которые считают этот принцип власти не оправдавшим себя, есть критика практики коалиционного правительства за 4 месяца его существования.

Должны ли и впредь быть привлечены к власти цензово-буржуазные элементы, — вот коренной вопрос, который ставится на наше разрешение. Говорят, что буржуазно-цензовые элементы были в правительстве не только нетворческими, пассивными, но и тормозно-саботирующими. Да, товарищи, когда мы, социалисты, пришли в ряды Временного правительства, среди имущих цензовых элементов произошло большое смущение. К нам приходили с недоуменными вопросами, в частности от имени промышленной буржуазии и спрашивали: когда вы, социалисты, говорите о законодательных мерах в области аграрного вопроса и о решительном вмешательстве в хозяйственно-экономическую и промышленную жизнь страны, то что это значит? Собирается ли Временное правительство вводить социализацию производства? Наши улыбки на эти недоуменные вопросы не рассеивали всех подозрений цензово-буржуазных элементов, впервые увидевшие в рядах власти те элементы, которые недавно были в подполье и считались всей цензовой страной антигосударственными. И в самом Временном правительстве поэтому все возбуждаемые нами вопросы со стороны представителей цензовой буржуазии, считавших только себя зрелыми для государственного управления страной, вызывали глубокое внимание и максимальную осторожность. В проведении мероприятий, клонящихся к защите интересов демократии, мы естественно наталкивались на органическое препят-

ствие, вытекающее из необходимости преодолеть классовое сопротивление тех, за счет которых могло бы произойти улучшение трудящихся масс. Если бы этого не было, то не было бы, ведь, и классового антагонизма в стране. Вполне понятна сугубая осторожность представителей цензовых интересов во Временном правительстве по отношению к нашим мероприятиям, и с точки зрения их недоверия к государственному опыту тех слоев, которые мы представляли. Мы, демократия, впервые вышедшие из подполья, должны были окунуться в гущу сложных практических мероприятий управления сложным государственным организмом. Блистать особым опытом и претендовать на безупречную государственную мудрость во Временном правительстве [мы] не считали себя в праве, и поэтому, когда на почве критики коалиции хотят сделать вывод, что единственной причиной ее неудач является противодействие цензовых элементов, нужно внести небольшую поправку, когда мы приходили с конкретными мероприятиями, когда мы ясно формулировали неотложные мероприятия, которые идут навстречу интересам трудящихся России, и разрешают неотложные государственные задачи, когда мы сами сильны были в этом убеждении и могли доказать их необходимость, тогда нам удавалось преодолевать все классовые сопротивления цензовых элементов, а оставить себе задачи добиваться мероприятий, которые покушались бы на самое существо государственного организма, мы вряд ли могли и должны были.

Конечно, с точки зрения механики самой работы, нам часто приходило в голову: легко бы работать в коллегии, где не было бы никаких противоречий. (Аплодисменты слева). Но, товарищи, техника работы самого аппарата Временного правительства не может быть поставлена выше интересов всего государственного организма, и исключение представителей цензовой буржуазии из рядов Временного Правительства еще не исключает ее из жизни государства. (Аплодисменты). Устранение представителей промышленной буржуазии не гарантирует еще чистоты работы Временного правительства. Ведь то, что называется революционной демократией в широком смысле слова, еще не является однородной социальной массой. Конечно, нам легче сговориться, но

это не освобождает нас от необходимости согласовывать и координировать интересы социальной постройки в недрах самой демократии. (Аплод.). Мне, как человеку, стоящему 4 месяца во главе министерства труда, чаще всего приходилось считаться с этим. Я хотел бы сказать товарищам рабочим: устранение от власти промышленной буржуазии ставит перед рабочим классом ничуть не менее сложный и ответственный вопрос о взаимоотношении его интересов с интересами крестьянской демократии. (Аплод.).

Для того, чтобы справиться с основной задачей, от разрешения которой зависит основной вопрос — доведем ли мы страну до Учредительного собрания — к участию во власти должны быть привлечены все те классы, которые имеют будущее в буржуазно-капиталистическом хозяйстве. (Аплод.). И, когда мы говорим о коалиции, конечно, бесспорен вопрос, что в ней нет места классу хозяйственно-дворянского землевладения, но что касается промышленной буржуазии, то тут я прямо скажу: без привлечения ее к ответственности по функционированию нашего хозяйственного аппарата, мы с промышленной и хозяйственной деятельностью не справимся. (Аплод.). Когда говорят, что промышленная буржуазия саботирует во Врем. правительстве и поэтому ее нужно отстранить, то где гарантия, что устраненная от формальной ответственности за судьбы страны, она не будет еще больше саботировать в самом процессе хозяйственной жизни страны. Когда говорят, что есть хороший способ принуждения — то мне приходит на память одна из формул, которую я слышал на Всер. Съезде Советов: «Несколько представителей финансово-буржуазных классов посадить в тюрьму...».

(Мародеров и Родзянко — кричит Троцкий... Некоторых помещиков повесить — заявляет М.И.Скобелев).

(Как солдат — иронизируют со скамей большевики).

Призываю вас к порядку — заявляет Н.С.Чхеидзе — и если нарушите порядок, то я обращусь к собранию, чтобы вас вывели отсюда (аплод.).

Я не берусь здесь разбирать эти доводы по существу — продолжает М.И.Скобелев — Старый режим достаточно многих сажал в тюрьму, но от этого государственная проблема не разрешилась, и мы, представители рабочего класса

в Г.думе, были первыми, которые говорили, что такими способами государственная проблема не разрешается. (Аплод.)⁶.

Если мы снимем ответственность с промышленного класса за судьбы промышленности, то надо помнить, что с этого момента вся ответственность ляжет на рабочий класс. И пусть знают товарищи, что рабочему классу придется одному отвечать и перед другой областью промышленного хозяйства — перед сельским хозяйством, с требованиями которого сейчас промышленность объективно не в состоянии справиться. Пусть знает класс рабочий, что горе, которое проистечет отсюда, падет целиком на его голову. Здесь мы подходим к той грани, где столкновения социальных интересов в пределах самой демократии гораздо более чревато последствиями, чем те дефекты, которые проистекают от того, что нам приходится иметь дело с буржуазией.

С точки зрения политики идея коалиционной власти нами мыслилась как идея, которая может и должна предотвратить опасность гражданской войны до Учредительного собрания. Власть демократии без цензовых элементов, надо прямо сказать, будет социалистической, будет властью однородных социалистов, а может быть и товарищей большевиков. Но опыт, вынесенный за четыре месяца, дает мне основания сказать, что не более блестящие результаты в области хозяйственных вопросов будут у Врем. прав. однородных социалистов и большевиков, чем у прежнего правительства. Пусть знают те, которые думают, что спасение государства в образовании однородного социалистического министерства, что широкие массы от их мероприятий в ближайшие месяцы не получают достаточно ощутительных результатов. Не всякая ваша политика, не дающая конкретных результатов широким слоям — хлеба и мира завтра же — может быть ими благословляема только потому, что в рядах Врем. правит. не будет представителей промышленной буржуазии. Они также проклянут эту власть и окружают ее ненавистью, как и всякую другую власть, неспособную дать на другой день хлеба и мира. (Аплод.)⁷.

Весь ужас представителей социалистических партий в том и состоит, что русская демократия не социалистична. Весь ужас нашей власти будет состоять в том, что эта самая

демократия, у которой с нашими именами связано столько надежд и чаяний, вступит в полосу разочарований, и тогда те, кого мы сейчас так боимся, в частности, кадетская партия станет знаменосцем всероссийского обывателя и всероссийского мещанина. И он придет свергать демократическую власть от народных социалистов до соц.-дем. В этом мое глубокое убеждение. (Аплод.).

И, когда говорят и ищут, кому нужно отдать всю полноту власти в руки, я бы сказал, сейчас ее надо было бы отдать в руки всероссийского обывателя, всероссийского мещанства, ибо, надо признаться, кончился не только медовый месяц революции, романтика порыва революционной демократии, но, по-видимому, заканчивается и второй фазис творческого порыва молодой демократии в области разрешения фактических задач. И страна с 30 проц. неграмотного населения и ее революция вступает в полосу мещанства — самый тяжелый и самый гнусный период революции.

В такой обстановке революционной демократии брать на себя бремя власти, разрешение осложнившихся задач государственного управления? Разве плечи демократии стали шире, а мускулы ее сильнее? Нет, творческие силы демократии стали слабее и задачи, которые стоят перед нами, более грандиозны и усложняются с каждым днем. Каждый лишний день войны ставит роковой вопрос, быть ли стране или история подписала ей смертный приговор...

(Пораженчество, иронизируют на скамьях большевики).

Если бы только поражение — продолжает М.И.Скобелев...

Наш хозяйственный организм расползся до того, что есть опасность полного разрушения сил внутреннего сцепления, после которого восстановить и слепить тело из молекул будет уже невозможно. В такой момент разве не необходимо напрячь все силы, которые заинтересованы в сохранении буржуазно-хозяйственного организма. Я остаюсь непоколебимым сторонником идеи коалиции с буржуазно-промышленным элементом. (Аплод.).

Но есть новая формула проблемы власти — с промышленниками, но без кадетов. Когда говорят «с промышленной буржуазией, но без кадет», то тут или форменный саботаж разрешения проблемы власти, или большая иллюзия. В са-

мом деле, что такое кадеты? Кадетская партия, как таковая, еще не есть партия промышленной буржуазии. В 1905 году нас уверяли, что она — пена революции. За 10-летний период она из пены превратилась в суррогат революции. Она не закончила процесса своего оформления, как классовая партия. И характерно, что, когда многие ищут промышленников без кадетов, то промышленники один за другим отправляются к кадетам⁸.

От нашей тактики марксистов зависит очень многое. Найдем ли мы действительно линию поведения, которая даст нам буржуазные элементы, понявшие, что в их классовых интересах идти с нами, с революционной демократией. Тогда может быть вопрос о кадетской партии станет в том виде, в каком стоит вопрос о многих партиях. Или мы своей тактикой можем отбросить буржуазию. Наши учителя нас учили, что поведение буржуазии зависит не только от ее намерений, но и от классовой тактики партии, ей антагонистической. В таком виде я представляю себе вопрос о кадетской партии. Не в смысле отстранения ее или привлечения мы должны решить этот вопрос. Мы должны разгрызть этот кадетский орех. Мы должны глубже забить тот клин, который врезал в кадетскую партию корниловский мятеж. Те элементы кадетской партии, которые в той или иной мере причастны к корниловщине, которые оправдывают самый метод корниловских действий, должны быть отмечены. Власть этими элементами запачкана быть не может.

Но повторяю, вопрос о кадетской партии есть вопрос: с промышленной буржуазией или без оной. Я бы хотел, чтобы на этот вопрос был дан ясный ответ. Настал момент, когда мы, социалисты-утописты, должны показать стране, что мы можем быть хорошими, реальными политиками. Я бы хотел, чтобы мы были реальными политиками и чтобы ни один наш необдуманый шаг, ни одно наше непродуманное решение не могло принести в жертву ни одного отряда революционной демократии и не поставило на карту всех наших чаяний, связанных с революцией. Только тогда оценит история по заслугам наш благородный нравственный порыв первого периода революции и наш государственный разум. (Аплод.).

Речь И.Г.ЦЕРЕТЕЛИ

Трибуну занимает тов. Церетели.

Продолжительные овации всего зала. Возгласы: да здравствует гр. Церетели.

Товарищи. Я уже высказывался по вопросу, о котором говорили сегодня, и делился всем тем опытом, который я вынес за время пребывания в правительстве, но если все же я отниму короткое время вновь у вас, то для того, чтобы коснуться одной стороны вопроса, имеющее существенное значение. Эта сторона, хотя и была затронута мною и другими, здесь говорившими, но во всей полноте не освещена ни с фактической, ни с принципиальной точки зрения.

А.С.Зарудный⁹ указал на одну черту системы управления, существующую у нас в демократической России, одну черту, обнаруживающую свою полную несостоятельность — непомерное усиление личного момента в управлении демократическим государством. И он совершенно правильно указал, что если кто несет ответственность за это, то не отдельные лица, а вся демократия и вся революционная Россия, которая объективным ходом была приведена к этому и которая в настоящий момент должна употребить все усилия, чтобы создать иные объективные условия.

Прежде всего я хочу осветить фактическую сторону дела, — почему, при каких обстоятельствах демократия сама своими руками создала эту систему, несостоятельность которой для всех очевидна и которую теперь придется ликвидировать.

Товарищ Зарудный говорил о том, что по необъяснимым причинам уходили из министерства отдельные лица, а иногда и все министерство: он имел в виду коалиционное министерство последнего состава. Но я должен сказать, что этот процесс, приведший к образованию власти в той форме, в какой существует она в настоящий момент, этот процесс важнейший свой момент имел в то время, когда и я вместе с другими товарищами находился в министерстве. Это был

кризис первого коалиционного правительства, после ухода представителей партии народной свободы¹⁰.

Создалось неравенство соотношения и сил социалистических и несоциалистических представителей, и несоциалистические представители соглашались оставаться лишь под условием, что будет сделано соответствующее пополнение из рядов цензовых для того, чтобы соблюсти пропорцию между этими двумя частями кабинета. И вот, когда председатель Временного правительства А.Ф.Керенский в согласии со всей организованной демократией и на началах ею принятых попытался произвести пополнение, то перед ним встали затруднения не программного характера, не вопрос о платформе в первую очередь явились тормозом образования правительства, а вопрос об отношении правительства к демократическим органам.

Как я уже сообщал вам, товарищи, то был момент наибольшей слабости центральных органов с революционной демократией. Тогда уже сказались по всей силе последствия расстройства рядов организованной демократии, последствия событий 3-5 июля. Пополнение правительства производилось после этих событий. И вот, министр-председатель сообщил нам, что цензовые элементы, которым было предложено вступить в правительство, соглашаясь на платформу и принимая все другие условия, вместе с тем в первую очередь выдвинули вопрос о том, чтобы отношение власти к Советам с формальной стороны было пересмотрено и изменено.

Когда министр-председатель сообщил об этом во Временном Правительстве, несоциалистические члены правительства, еще оставшиеся тогда в рядах Правительства, предложили одно решение: вручить свои портфели министру-председателю, предоставив ему свободу переговоров и свободу образования нового правительства. В это время мы, официальные представители Советов рабочих и солдатских депутатов и официальные представители социалистических партий, заявили категорический протест. Мы заявили, что власть свою мы получили по доверию от избравших нас, и ни в коем случае последовать примеру других министров, заявивших о своей готовности уйти в отставку, мы не можем. Мы заявили, что будем действовать в согласии с теми

началами и предначертаниями, которые получили от избравших нас, и не можем передоверять своих прав.

А.Ф.Керенский, считаясь с этим нашим заявлением, продолжал делать усилия, чтобы пополнить кабинет, не видоизменяя ничего не только в программе, но и во взаимоотношениях внутри правительства и членов правительства к Советам. Но эти переговоры ни к чему не привели, и он говорил нам, что считает невозможным при существующем положении каким бы то ни было образом сформировать и образовать правительство. Оставить же его в таком составе, в каком оно было, было невозможно, ибо представители цензовых элементов оставались лишь под условием, что правительство будет пополнено. Создалось почти безвыходное положение.

И тогда, товарищи, министр-председатель, считаясь с тем, что социалистическое министерство невозможно, оно не было одобрено не только цензовой буржуазной демократией, но даже и самой организованной демократией, и считаясь с тем фактом, что он на прежних началах пополнить правительство не может, сохранить правительство в оставшемся виде тоже не может, ибо несоциалистические элементы тоже уходят, заявил о том, что он вообще слагает с себя полномочия, ибо не может выполнять того, что он должен выполнять.

Вы помните этот министерский кризис с уходом министра-председателя в отставку. Здесь была определенная политическая кампания. Цензовые элементы, считаясь с слабостью революционных демократических органов, считаясь с тем, что в прошлом во взаимоотношении этих органов и правительства были такие стороны, которые при новых условиях повторены действительно быть не могли, ибо мы все видели, и сама демократия это признавала, что власть должна получить новые полномочия для более решительных действий в области государственного управления, цензовая буржуазия поставила нас в этих условиях перед выбором: или создать в положении формальной оторванности власти от органов демократии и некоторой независимости представителей демократии от их пославших или же в момент наи-

большей слабости демократических органов взять власть в свои руки.

И мы, взвесив положение, сообщив об этом Советам, сообщив об этом партиям, пришли к заключению, что в настоящий момент перед нами два выхода: или советское правительство, которое неизбежно должно было привести к развитию гражданской войны, не могло продержаться и должно было привести к крушению революции, или же та несовершенная форма власти и несовершенная форма коалиции, которая создавала как бы персонификацию власти и персонификацию коалиции.

Органа общепризнанного всей несоциалистической ценовой буржуазией, с которым можно было бы непосредственно вступить в сношение, не было, ибо Думский комитет, с одной, стороны, к тому времени чрезвычайно потерял свое влияние даже в цензовых элементах, а с другой стороны, занимал такую политическую позицию, что переговоры с ним были невозможны и нецелесообразны. Считаясь с этим положением, что не возможности переговариваться с другой стороной или иметь такой общий орган, который выражал бы одинаково и демократические и цензовые элементы, не желая разрушать коалиции на демократической платформе, мы остановились на той форме, которая только и могла осуществить коалицию, т.е. на том, что я назвал персонификацией коалиции.

Товарищ наш, который в своей формальной работе советскими служащими был связан менее, чем другие наши представители, был более приемлемым для другой стороны, а вместе с тем, пользовался всецело нашим доверием, вот этого товарища мы выдвинули, как воплощение идеи коалиции с тем, чтобы предоставить ему формирование кабинета и, таким образом, устранить все препятствия для образования коалиционной власти.

Вне коалиционной власти мы не видели способа запретить революцию и избежать гражданской войны. Коалиционная власть только так могла создаться, ибо другие, более нормальные формы образования коалиции, были исключены.

Вот с этого момента и создан тот процесс, который повел к непомерному усилению личного момента в политике и в управлении страной. Мы все сознавали, что все, которые пришли к этому решению, — я думаю, также и А.Ф.Керенский, сознавали все несовершенства этого выхода. Но так как иного выхода не было, все другие выходы были вредны революции и шли на перерез интересам страны, то на этом выходе мы остановились¹¹.

Мы знаем, что все недостатки, все несовершенства последующего управления, должны быть отнесены не за счет отдельных личностей, а за счет всей революции и всей демократии. Она пришла к этому выходу. Это было выражением того состояния, в котором находилась революция. Будь более организована демократия, будь более организованы цензовые элементы, имей они возможность непосредственных сношений в лице соответствующих органов или создания единого органа, сколько-нибудь отражающего фактическое соотношение сил, конечно, этого выхода никто бы не предложил и, во всяком случае, демократия этого выхода не приняла бы.

Мы знаем, что были совершены ошибки. Вот здесь говорили, с недоумением говорил и тов. Зарудный и другие, что было недавно, в момент корниловского мятежа кризис: ушли министры несоциалисты, затем ушли министры-социалисты, и не только страна не понимала, зачем все это делалось, но даже люди, столь близко стоящие к власти, как тов. Зарудный, не поняли этого¹². И целый ряд других моментов убедил человека, находившегося в правительстве, глубоко уважающего главу правительства и всех его членов, убедил, что этот личный момент в политике, эти необъяснимые действия власти, оторванной от широких общественных слоев, — величайший вред для страны, величайший вред для управления.

Правильно или неправильно было то, что в момент натиска Корнилова, чтобы получить свободу действий против Корнилова, идущего с диктатурой к революционному Петрограду, в этот момент глава правительства ощутил необходимость противопоставить Корнилову революционную единоличную власть, только на этот момент? Я думаю, что это

неправильно, я думаю, это многие считают неправильным. Фактически только слияние всей демократии в этот момент, неразрывное единение власти и всех представителей власти с демократией могло спасти революцию и спасло ее на самом деле¹³.

Были и другие ошибки, но эти ошибки, товарищи, были неизбежны, и привела к этим ошибкам самая исходная точка построения власти, персонификация власти. Это было наименьшим злом в том положении, в котором находилась демократия, когда она пошла на эту организацию власти.

Я также далек от мысли упрекать товарища Керенского в том, что находясь в этом положении в тот момент управления он совершил ошибки. Я думаю, каковы бы ни были представители революции и революционной демократии, но если самой революцией, самой демократией возносится отдельный ее представитель на высоту, отрывающую его от демократической почвы, то пусть она сама пеняет на себя, если на этой высоте у ее представителя закружится голова. (Рукоплескания).

Мы к этим недемократическим формам, во всяком случае, несовершенным формам, пришли в силу необходимости, и мы в первую очередь несем за себя и ответственность. Нельзя возлагать бремена неудобноносимые на отдельных представителей демократии.

Будет ли власть коалиционной, будет ли власть однородно-цензовой, будет ли власть однородно-демократической — во всех этих случаях только создание представительного базиса власти может обеспечить ту или другую политику и уверенность в том, что будет проводиться политика общественная, классовая, а не случайная, индивидуальная политика.

Это должно быть сделано теперь, это давно назрело. Мы знаем, что если продлится это положение, будут, быть может, совершены еще горшие ошибки, и тогда придется говорить не только об ответственности, но мы должны будем признать свою вину, ибо условия для создания такого базиса в настоящий момент налицо, и было бы преступно не создать этого базиса. Демократия может это создать, ибо как бы ни расходиться в понимании источников власти того правительства, которое должно создаться, нет никакого раз-

норечия в источнике, который существовал до настоящего времени. С самого начала революции организованная демократия и ее полномочные органы были признаны одним из источников власти. (Рукоплекскания).

Когда создавалось первое правительство¹⁴, организованная демократия выступала, как правомочная сторона, от санкции которой зависел состав власти и ее политика. При образовании первого коалиционного правительства также организованная демократия в лице ее признанного центрального органа принимала участие от имени всей демократии, и только благодаря ее санкциям состав власти и политика власти получили общенародное признание¹⁵. До последнего времени, вручая свой мандат по образованию власти тому своему представителю, который в то же время являлся уполномоченным и от другой стороны, демократия, конечно, ни на одно мгновение не утратила права взять обратно этот мандат. Поэтому, когда мы заявили, что должно быть приостановлено пополнение правительства в дальнейшем, мы исходили при этом из права демократии, всеми признанного. И не о политическом доверии к нашим представителям шла речь. Но своим решением мы сказали: отдельные личности не должны персонифицировать классовые направления, когда эти классы могут непосредственно выполнять свои задачи, приходя непосредственно в соприкосновение с другими классами.

Определяя характер власти, которая будет создана в настоящий момент, я считаю, что только коалиционная власть, выполняющая нашу программу и обставленная соответствующими гарантиями, может закрепить революцию. Но во всяком случае, вы, решив вопрос о характере власти, должны будете решить другой, не менее важный, вопрос — о создании реального общественного базиса, органа, выражающего чаяния, стремления общественных классов, на которые власть должна опираться, перед которыми власть должна быть ответственна, которые будут регулировать всю политику власти. Только при этих условиях можно быть уверенным, что завоевания революции не станут на карту благодаря случайным промахам, случайным ошибкам, от которых не избавлены ни один самый совершенный представитель де-

мократии. Демократия должна иметь гарантию в том, что в лице этого органа получит выражение воля классов, им представляемых, и что он будет достаточно авторитетным, чтобы явиться якорем для государства, в ту минуту, когда это государство будет потрясаться бурей, когда власть должна будет искать и найти опору здоровых элементов населения. (Бурные, продолжительные рукоплескания).

ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-8; 18-24.

¹ В связи с открытием Демократического совещания Петербургский комитет РСДРП(б) выступил с обращением. В нем говорилось, что Демократическое совещание должно будет высказаться по вопросу о власти и дать ответ на вопрос, как вывести страну из «внешнего и внутреннего тупика», в котором она оказалась. В обращении выражалось сомнение в способности Совещания пойти по революционному пути, утверждалось, что данный форум созывается для того, чтобы «противопоставить воле революционных рабочих и солдат волю элементов политически более отсталых» (земств, кооперативов и пр.). ПК большевиков призвал рабочих и солдат столицы поднять свой голос «против нового торгового и соглашательства», заявить о поддержке новой большевистской линии Петроградского Совета и высказаться за проведение революционной, творческой, созидательной политики.

Петербургский комитет предлагал прислать на Демократическое совещание делегации с наказами и требованиями «от всех заводов, фабрик и мастерских, от всех казарм, всех полков и воинских частей». Цель этой акции заключалась в том, чтобы довести волю масс до участников Демократического совещания, сказать о неприятии коалиции с буржуазией, потребовать создания твердой революционной власти, направленной против помещиков, против фабрикантов и заводчиков; установления рабочего контроля, передачи земли крестьянам, достижения справедливого демократического мира. (Новая жизнь. 1917. 16 сентября).

Была сформирована единая делегация из 150 чел. от предприятий и воинских частей столицы, которая посетила Демократическое совещание 18 сентября. Делегаты имели большевистские наказы. К ним присоединились также несколько делегатов с фронта и от тыловых гарнизонов. 6 чел. были допущены в зал заседаний. (Русские ведомости. 1917. 19 сентября).

О приеме делегатов и обстановке в зале рассказала на заседании Петроградского Совета член большевистской партии С.Н.Равич и другие делегаты. (Рабочий путь. 1917. 23 сентября).

² Н.С.Чхеидзе (1864-1926). Социал-демократ, меньшевик. Председатель социал-демократической фракции III Государственной думы, лидер меньшевиков в IV Думе. В годы Первой мировой войны занимал центристские позиции, не примыкая открыто к

оборонческому крылу РСДРП. Один из учредителей Петроградского Совета 27 февраля 1917 г. Стал его председателем (до 9 сентября 1917 г.). Председатель ВЦИК Советов первого состава. После Октябрьской революции — на Кавказе, один из лидеров меньшевистского руководства в Грузии. Затем в эмиграции во Франции. Покончил с собой.

3 М.И.Скобелев (1885-1939). Один из лидеров меньшевизма. Депутат IV Государственной думы. Член президиума Петроградского Совета и товарищ председателя Совета (до 9 сентября 1917 г.). Член ВЦИК Советов первого состава. Министр труда Временного правительства. Стоял на позициях оборончества и коалиции с кадетами. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. Был членом ВКЦ(б). Репрессирован.

4 Незадолго до Демократического совещания М.И.Скобелев сообщил об уходе с министерского поста. Министром стал меньшевик-оборонец К.А.Гвоздев, бывший до этого товарищем министра труда.

5 Речь идет о вступлении представителей Петроградского Совета во Временное правительство и образовании в начале мая 1917 г. коалиционного кабинета. В него вошли меньшевики М.И.Скобелев, И.Г.Церетели, эсер В.М.Чернов, народный социалист А.В.Пешехонов, трудовик П.Н.Переверзев. Входящий ранее в правительство А.Ф.Керенский как представитель Петроградского Совета занял пост военного и морского министра.

6 Оратор говорит здесь о выступлении В.И.Ленина на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (3-24 июня 1917 г.). Ленин призывал лидеров Совета к жестким мерам против экономического саботажа буржуазии.

7 По мнению В.И.Ленина, результативность новой социалистической власти зависела от ее опоры на Советы, которые должны были стать источником сильной власти. Он выступал и против идеи создания нового министерства из партий советского большинства, против простой смены правительственного кабинета. По мнению Ленина, создание министерства из партий советского большинства поведет лишь к личной перемене в составе министров, при сохранении в неприкосновенности старого аппарата правительственной власти, неспособного провести серьезные реформы, как и намеченные в программах самих меньшевиков и эсеров. (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 202*).

8 Кадеты (конституционалисты-демократы). Политическая партия либеральной буржуазии (партия «народной свободы»). В 1906 г. насчитывала от 70 до 100 тыс. членов. Главные деятели партии — П.Н.Милюков, В.А.Маклаков, А.И.Шингарев, Ф.И.Родичев, И.В.Гесссен, В.Д.Набоков и др. В партии была широко представлена буржуазная интеллигенция, а также деятели земства, либеральные помещики.

После Февральской революции — главная буржуазная партия. В 1917 г. кадеты насчитывали 65-80 тыс. членов. До революции они выступали за конституционно-парламентарную монархию,

после революции — за демократическую парламентскую республику, с президентской формой правления.

Кадеты неоднократно изменяли важнейшие положения своей политической и экономической программы в зависимости от изменяющихся политических обстоятельств. Очередные коррективы в кадетскую программу были внесены на VII и VIII съездах партии (март, май 1917 г.). Кадеты были принципиальными противниками Советов и развития России по социалистическому пути.

⁹ А.С.Зарудный (1863-1934). Трудовик. Министр юстиции Временного правительства. Сын С.И.Зарудного, крупного юриста, участника подготовки крестьянской (1861) и судебной (1864) реформ.

¹⁰ Имеется в виду уход кадетов из Временного правительства в начале июля 1917 г., вызвавший политический и правительственный кризис в стране. Составной частью июльского кризиса стала демонстрация рабочих и солдат Петрограда, которую возглавили большевики. Демонстранты требовали перехода власти к Советам.

¹¹ 22 июля 1917 г. объединенное собрание ВЦИК и ЦК скд большинством голосов заявило, что «оно вполне доверяет» А.Ф.Керенскому образовать правительство с приглашением в него представителей всех тех партий, которые признают правительственную программу от 8 июля 1917 г. (Известия Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 23 июля).

По заявлению левокадетского деятеля Н.В.Некрасова, идея новой буржуазно-социалистической коалиции принадлежала лично И.Г.Церетели. (Там же. 25 июля).

Сам же Церетели в кабинет не вошел.

В новом правительстве от революционной демократии были представлены М.И.Скобелев, А.В.Пешехонов, Н.Д.Авксентьев, В.М.Чернов, А.С.Зарудный, А.М.Никитин. (Там же).

¹² По показаниям А.С.Зарудного, во время следствия о корниловщине, он лично как министр убеждал других членов Временного правительства принять все меры к предупреждению вооруженной борьбы с заговорщиками и рекомендовал вступить в переговоры с Корниловым. На них, как он считал, следовало побудить генерала «удержать подчиненные ему войска от насильственных действий по отношению к правительственным войскам». Зарудный вспоминал, что М.И.Скобелев, Н.В.Некрасов и А.Ф.Керенский были настроены в тот момент весьма пессимистично. Они полагали, что надежд на отражение контрреволюционных войск и на спасение революции не существует; считали, что «кровопролитие неизбежно». (ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об., 2).

¹³ Допрошенный по делу Корнилова М.И.Скобелев показал, что в связи с августовскими событиями Керенскому были даны особые полномочия как главе правительства, а министры вручили ему письменные заявления об отставке. После этого происходили лишь частные совещания министров и товарищей министров Временного правительства, на которых Керенский осведомлял о

предпринимаемых мерах, и велись беседы о путях реконструкции власти. (ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.).

Такое неопределенное положение с властью продолжалось «до учреждения Совета пяти», т.е. узкого состава Временного правительства из 5 членов (так наз. «Директория»). (Там же. Л. 2).

¹⁴ Подразумевается первый состав Временного правительства, образованный 2 марта 1917 г. во главе с князем Г.Е.Львовым, без участия представителей Петроградского Совета (за исключением вошедшего туда по собственной инициативе А.Ф.Керенского). Это правительство было создано в результате переговоров Исполкома Петроградского Совета с Временным комитетом Государственной думы в ночь с 1 на 2 марта 1917 г.

¹⁵ Первое коалиционное Временное правительство с участием меньшевиков и эсеров возникло 5 мая 1917 г., после апрельского политического кризиса, вызванного нотой министра иностранных дел кадета П.Н.Милюкова к союзникам России по войне. В ноте говорилось о решимости России вместе с ее союзниками довести мировую войну до победного конца. Это правительство просуществовало до начала июля 1917 г. В него не вошли кадет П.Н.Милюков и октябрист А.И.Гучков, фактически сметенные апрельской революционной волной.

ЗАСЕДАНИЕ 18 СЕНТЯБРЯ ...ДЕКЛАРАЦИЯ СОВЕТСКОГО БОЛЬШИНСТВА

Выступает тов. Мартов¹, который от имени большинства советской делегации, оглашает следующую резолюцию:

Советы рабочих и солдатских депутатов, объединяющие в своих организациях миллионы трудящегося населения, и представляющие средоточие революционной энергии народа, его политической активности, могли бы с достаточным основанием притязать на то, чтобы их представителям на Всероссийском Демократическом совещании, созванном их Всероссийским центральным комитетом, было предоставлено для изложения их взгляда на вопрос о перестроении и функционировании власти время, соответствующее действительному политическому значению лих, органов руководства великой российской революции.

Принимая, однако, во внимание то обстоятельство, что порядок ведения дебатов на Совещании построен на кури-

альном начале², соответствующем конструкции самого Сопещения, и препятствует постановке и обсуждению основных вопросов во всей полноте, делегация Советов совершенно отказывается от выставления своих ораторов, дабы дать возможность собранию остающееся время затратить на заслушивание представителей всех представленных здесь политических партий, коим принадлежит руководящая роль в решении вопросов об организации власти.

С своей стороны делегации ограничивается лишь оглашением нижеследующей декларации:

Советы депутатов-рабочих, солдатских и крестьянских — созданные в первые дни революции, могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собою ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима.

Все политическое самоуправление великого народа, сбросившего с себя путы царистского рабства, совершалось и совершается через посредство Советов. Тем самым Советы являются во всей России непосредственными носителями идей народовластия, органами, осуществляющими на деле демократическую республику и фактически концентрирующими в своих руках государственную власть на местах.

Эту свою роль Советы могли и могут выполнять лишь в тесном контакте и единении со всеми другими организациями, которые созданы революционным творчеством демократии для выполнения определенных социальных функций — органы местного самоуправления, армейские организации, земельные, фабрично-заводские и продовольственные комитеты и т.д., равно как с прежде созданными экономическими и классовыми организациями (кооперативы, профессиональные союзы), которым революция открыла новое широкое поле деятельности.

Благодаря этой сети демократических организаций, политически руководимых Советами, Россия, истерзанная и ослабленная трехлетней войной и потрясаемая стихийными движениями, неизбежными во всякой революции, могла сохранить свое внутреннее органическое единство, преодолевая проявления приходских и узкоместных интересов; этой сетью демократических организаций поддерживается един-

ство между центрами и окраинами, городом и деревней, фронтом и тылом, — и освобожденная от векового рабства страна стойко сопротивляется факторам распада, рождаемых хозяйственной разрухой и затягивающейся войной.

Благодаря этой сети, страна оказалась в состоянии противопоставить единый революционный фронт контрреволюционным узурпаторам, стремившимся использовать бедствия страны для умерщвления республики. С ее помощью она беспощадно раздавит всякую новую попытку врагов демократии покуситься на завоеванные народом свободы.

Но в то время, как эта живая ткань новой революционной государственности развивалась и укреплялась на местах, в центре функционировала власть, построенная на основе коалиции с недемократическими имущими классами.

Вытекающее отсюда несоответствие и противоречие между направлением политической жизни на местах и работой государственного центра обрекает на бесплодие значительную часть творческой работы демократии. Цензовые группы, участвующие в составе правительства, построенного на основе коалиции, имели возможность тормозить проведение самых неотложных экономических, финансовых и социальных реформ, к великой опасности для страны, которая может быть спасена от банкротства и голода лишь смелой революционной политикой, побеждающей всякое своекорыстное сопротивление имущих; они могли саботировать внешнюю политику демократии, направленную к достижению скорейшего мира на приемлемых для нее основах, и они успешно противодействовали демократической реорганизации армии — и тем и другим не только способствовали накоплению глухого недовольства в народных массах, но и содействовали усилению той грозной внешней опасности, перед которой стоит страна.

Правительственная коалиция с буржуазными классовыми партиями роковым образом осуждала центральную власть на бездействие в области творческой работы, на зигзаги и шатания во всей ее политике — на все большее отрывание ее от широких народных масс, и, вместе с тем, на постепенную потерю доверия со стороны этих масс, чреватой опасностью стихийных движений.

В то же время, вступая с своей политикой все чаще и чаще в конфликты, с правосознанием народных масс и с органами революционной демократии, власть на деле становилась все более и более безответственной, все более независимой от контроля организованной демократии и тем самым фактически все более зависимой от капиталистических классов и связанных с ними клик, заинтересованных в приостановке и подавлении дальнейшего развития демократической революции.

Все эти опасности предстали с особой яркостью перед демократической Россией в дни корниловщины, когда аппарат новой республиканской государственности оказался плохо защищен представителями самой власти против контрреволюции и неспособных повести народ на борьбу с ней.

Настало время, когда положение вещей должно быть в корне изменено, если революции не суждено пережить новую полосу тягчайших испытаний.

Обращаясь к представителям всех демократических организаций, собравшихся на Всероссийское Собрание, делегация Советов раб. и солд. деп. призывает решительно отвергнуть всякое соглашение с цензовыми элементами, всякую безответственную власть, власть единичную, или коллегияльную, и приложить свои силы к делу создания истинно-революционной власти, способной разрешить неотложные задачи революции и ответственной, впредь до Учредительного собрания, перед полномочным представительством трудящихся народных масс. Только такая власть, независимая от каких бы то ни было велений враждебных демократии сил, способна будет спасти страну и революцию от грозящих им внутри и извне опасностей, и поддержать среди самых тяжелых испытаний революционный энтузиазм народных масс и готовность их к жертвам.

Лишь тесный союз между всей городской и сельской демократией, пролетариатом и армией в борьбе против всех контрреволюционных сил способен осуществить великие задачи, перед которыми история поставила Россию.

ДЕКЛАРАЦИЯ СОВЕТСКОГО МЕНЬШИНСТВА

От имени советского меньшинства выступает тов. Дан³, который оглашает Декларацию:

Грозные дни, переживаемые Россией, требуют быстрых и энергичных мер и требуют сильной революционной власти, способной привести эти меры в исполнение.

С каждым днем усиливается хозяйственная разруха в тылу и опасность военного разгрома на фронте. Надвигается опасность частичного раздела России империалистами воюющих стран. Растет анархия и подымает голову контрреволюция.

Нынешняя власть оказалась неспособной справиться с вставшими перед нею задачами. Не связанная прочными узами с демократическими организациями, оторванная от всякого организованного общения с учреждениями, выражающими коллективную волю, она оказалась подверженной шатаниям и колебаниям, господству случайностей и личного элемента, возможности саботажа изнутри. И непрерывные кризисы власти обессиливали революционную страну как раз в такие минуты, когда особенно необходимо было напряжение всей мощи революционной государственности.

Советы раб. и солд. деп. в лице своих руководящих органов хорошо сознавали и сознают всю огромность задач, которые предстоит преодолеть революции, возникшей в обстановке мировой войны и разрушения всех производительных сил страны. Не стремясь к захвату власти, они всегда стремились не только сплотить все силы рабочей, крестьянской и солдатской демократии, но и привлечь к разрешению очередных задач все те элементы цензовых классов, интересы которых не противоречат революции на данной ступени ее развития. Советы боролись как против всяких попыток захвата власти крайними элементами демократии, видя в этом прежде всего величайшую опасность для пролетариата, неизбежность поражения его и гибель революции, так и против попыток известных групп имущих классов, преждевременно взваливать все бремя власти на плечи демократии, возложив на нее тем самым всю ответственность за не ею, а войной

созданное катастрофическое положение, чтобы тем самым подорвать доверие широких народных масс к демократическим организациям, подготовить и обеспечить торжество контрреволюции.

Верные советской традиции, мы считаем нужным и теперь звать к участию все цензовые элементы, способные осуществлять неотложные задачи революции, готовые идти революционным путем и не скомпрометировавшие себя ни прямым, ни косвенным участием в корниловском мятеже.

Мы считаем нужным звать их для действительного и энергичного проведения в жизнь платформы, выработанной объединенной демократией на Московском совещании. Эта платформа, включавшая в себя лишь те требования, которые являются необходимым условием спасения страны и революции, должны и могут проводиться в жизнь. Деятельная внешняя политика, направленная к скорейшему достижению демократического всеобщего мира, реорганизация армии на демократических началах, регулирование производства, распределения и транспорта; созыв Учредительного собрания в назначенный уже срок — таковы основные пункты этой платформы, осуществления которых жаждет вся революционная страна.

И для того, чтобы обеспечить состав власти, способный проводить в жизнь эту программу, объединенная демократия должна сама взять дело переговоров о формировании нового кабинета в свои собственные руки.

И вместе с тем демократический съезд должен выделить из себя представительный орган, в котором были бы представлены все крупные силы, перед которым правительство должно быть ответственно и который должен обеспечить постоянное и открытое сотрудничество вместе с демократическими организациями во всех областях правительственной деятельности.

При согласии цензовых элементов принять участие в составлении Вр. правительства и их делегаты должны быть допущены в это представительное учреждение⁴. А в случае их отказа, пусть вся страна знает, что отказ этот вызван ничем иным, как нежеланием подчинить свою интересы делу спасения страны и революции, и тогда демократия, вынесшая

на своих плечах революцию и столько раз спасавшая страну, в полном сознании своей ответственности, должна будет взять почетную ношу, возложенную на нее историей⁵.

...Речь Б.Д.КАМЕНЕВА⁶

— Товарищи и граждане, я выступаю от имени левых соц.-рев., той части нашей фракции, которая давно отвергает принцип коалиции. Ведь, приходится выбирать между коалицией с цензовыми элементами и коалицией с левыми элементами революционной демократии. Между этими двумя силами вам, умеренной революционной демократии, приходится выбирать. Это не демагогия, а фактическое реальное положение вещей. Корниловщина и вся русская революция в течение 6 месяцев ясно определила эти силы. Большинство настоящей истинной революционной демократии должно сказать свое повелительное и категорическое слово, что та политика, которую вело коалиционное министерство — политика гибели русской революции.

Перед нами стоит задача — создать революционный энтузиазм в стране в широких народных массах, для этого необходимо провозгласить более радикальную, идущую несравненно дальше программу, чем та, которая была оглашена на московском Государственном совещании. Осуществление такой программы создаст широкую базу для революции. Она будет непобедима.

...Речь Ю.О.МАРТОВА

Товарищи граждане, мне поручено представить здесь точку зрения той части социал-демократической меньшевистской фракции в настоящем совещании, которая считает невозможным построение власти на началах коалиции, — которая высказывается за создание революционно-демократической власти.

Война и все факторы, вызванные ею, создают такое положение, что имущие классы не способны идти нога в ногу с

демократией по пути укрепления и развития по существу буржуазной революции, и кадетская партия, выразительница цензовой буржуазии, оказалась неспособной. Имушие классы, представители коих заседали во всех коалиционных правительствах, являлись той главной внутренней силой, которая противодействовала проведению в жизнь творчества демократии. И вот теперь, — после корниловского заговора — снова поднимается вопрос о коалиции с партией Народной свободы.

Если мы построим новую власть на основе коалиции — в лучшем случае это будет повторением того, что мы имели в прошлом, — министерством организованного, коллективного бездействия. Тогда возьмите на себя ответственность повторить этот эксперимент. Если вы этой уверенности не имеете, если вы ощущаете трепет, беспокойство за судьбу революции, то беспокойство, которое объединило нас на всем протяжении России в дни корниловского мятежа, то вы вместе с нами скажете: нет — долой коалицию.

Речь Л.Д.ТРОЦКОГО

Товарищи и граждане, начинает свою речь Троцкий. Нас, противников коалиции, обвиняют в утопизме, но вместе с тем мы наблюдаем здесь поистине странное явление: выступают экономисты, практики, и теоретики, как Череванин, Громан⁸, выступали представители земельных комитетов и рассказывали историю экономической практики коалиционного правительства. С другой стороны, выступали министры-социалисты коалиционного правительства. И что же? Казалось бы от них мы должны были прежде всего ждать отчета о тех преимуществах коалиционной правительственной практики, которая заставляет их отстаивать перед нами повторение уже сделанного опыта. Но вместо ответа мы слышали советы. Мы слышали совет от министра Скобелева, но он ни слова не рассказал о том, как осуществлял он свою программу с Коноваловым⁹ и Пальчинским¹⁰. Министр Авксентьев¹¹ также вместо отчета давал нам советы. Когда он давал нам советы, я вспомнил о том совете, который дал Ав-

ксентьев ЦИК в ту самую ночь, когда ликвидировалась, но еще не была ликвидирована авантюра Корнилова, когда создавалась «пятерка» из Керенского, Савинкова, Маклакова, Кишкина и Терещенко. Савинков — полукорниловец, Маклаков — полусавинковец, Керенский, которого вы знаете, и Терещенко, которого вы также знаете. Эта пятерка слагалась тогда, и Авксентьев явился в Центральный исполнительный комитет и сказал: поддержите их; я ручаюсь за них; верьте им¹². Это был также и совет, а не отчет о том, как Савинков, входивший в состав правительства, в который входил и Авксентьев, вызывал третий корпус, чтобы утопить в крови Петроград¹³.

Даже Пешехонов¹⁴, которого я привык глубоко уважать, как серьезного деятеля и делового работника, вместо отчета прочел вроде стихотворения в прозе о преимуществах коалиции. Он мог рассказать о том, что министры-кадеты в составе коалиционного правительства не занимались саботажем — упаси Боже, а сидели и выжидали и говорили: а вот посмотрим, как вы, социалисты, провалитесь. И когда я сказал, да ведь это саботаж, когда буржуазная партия входит в министерство для того, чтобы изнутри наблюдать, как проваливаются представители демократии, бывший министр Пешехонов обещал мне доказать, что это не саботаж, но за краткостью времени забыл выполнить свое обещание.

Самой интересной была пожалуй речь министра Зарудного, который рассказал нам, что было в правительстве. Я тогда не понимал и сейчас не понимаю, что там происходит, сказал он. Я аплодировал его добросовестности и политической честности, с которой он подвел итог своего краткого министерского опыта. Он не понимал также, почему он должен выйти в отставку, когда началась корниловщина и министры сложили свои портфели у ног Керенского. Я должен сказать, что кадетский министр Кокошкин¹⁵ говорит об этом иначе. Он мотивировал свой уход тем, что после того, как Временное правительство предоставляло чрезвычайные, почти диктаторские полномочия Керенскому, он не считал возможным оставаться в роли простого исполнителя.

Скажу откровенно, я внутренне аплодировал нашему врагу Кокошкину: он говорит здесь языком политического и человеческого достоинства.

Товарищи, если у нас много разногласий, — а у нас их много — относительно прошлого министерства коалиционного и относительно будущего, то я спрашиваю вас: есть ли у нас разногласия относительно того правительства, которое сейчас правит и говорит именем России. Я здесь не слышал ни одного оратора, который взял бы на себя малозавидную честь защищать пятерку, Директорию, или ее председателя Керенского... (Шум. Аплод. Крики: браво).

— Да здравствует Керенский, — раздаются несколько возгласов. И шумные аплодисменты покрывают эти возгласы.

— Та речь, которую произнес...

Но протестующий шум и крики: вон, довольно, — прерывают оратора.

Приходится сделать большую паузу, пока шум смолкнет.

— В своей речи, — продолжает Троцкий, — Керенский в ответ нам на упоминание о смертной казни сказал: вы меня прокляните, если я подпишу хоть один смертный приговор. Но если он, введя смертную казнь, нам говорит, что он считает возможным обязаться перед демократией не делать употребления смертной казни, то я говорю, он превращает введение смертной казни и ее восстановление — в акт легкомыслия, который стоит за пределами преступности... (Аплодисменты).

В этом примере, где вводится смертная казнь в революционной стране после отмены смертной казни и где безответственное лицо превращает смертную казнь в политическое орудие в своих руках, в этом факте сказывается, я скажу, вся униженность, в которой находится сейчас Российская республика, ибо недостойно великого народа, который переживает великую революцию, иметь власть, которая концентрируется в одном лице, безответственном перед собственным революционным народом... (Аплодисм.).

Здесь многие говорили, как тяжело бремя власти, которого нельзя взвалить на коллективные многомиллионные плечи демократии. Но я спрашиваю вас: что же сказать об одном лице, которое во всяком случае ничем не выявило гени-

альных талантов полководца, ни гениальных талантов законодателя, каким образом одно лицо...

Протестующий шум и голоса: — Довольно. Просим — заставляют оратора сделать довольно продолжительную паузу.

— Я нисколько не жалею на крики этого негодования, — продолжает оратор, — в политической борьбе страсть есть законная вещь, — но я очень жалею о том, что та точка зрения, которая находит сейчас выражение в этих протестах, не нашла своего политического и членораздельного выражения на этой трибуне... (Шум и аплодисм.).

Ни один оратор не вышел сюда и не сказал: зачем вы спорите о прошлой коалиции и зачем вы задумываетесь о будущей, у вас есть А.Ф.Керенский и этого с вас за глаза довольно...

Снова протестующие крики и шум обрывают оратора, не давая ему на этот раз довольно долго продолжать свою речь.

С трудом успокаивает председатель Н.С.Чхеидзе собрание.

— Именно наша партия, — продолжает Троцкий, когда шум несколько улегся, — никогда не была склонна возлагать ответственность за этот режим на злую волю того или другого лица. Еще в мае месяце я говорил: «вы, борющиеся партии, создаете искусственно тот режим, в котором наиболее ответственное лицо, независимо от собственной воли, становится механической точкой будущего русского бонапартизма»: (шум и голоса: ложь, демагогия).

— Здесь нет никакой демагогии, ибо здесь все сказано в терминах совершенно объективных, что из определенных политических комбинаций вытекает неизбежная тенденция к единоличному режиму.

Каковы эти комбинации? Мы их формулируем так: в современном обществе имеется глубокая напряженная борьба. В эпоху революции, когда массы, впервые поднятые с низов, впервые почувствовали себя субъективно, как классы, у которых есть глубочайшие социальные язвы, которые впервые ощутили себя как класс политический, юридическое лицо, и стали стучаться во все твердыни собственности, в такую эпоху, классовая борьба получает выражение самое страстное и напряженное.

Борьба между демократией и имущими классами неизбежна сейчас после того, как революция, по выражению имущих классов, разнузда ла низы. Борьба эта, все обостряясь, проделает весь законный цикл развития, и никакое красноречие, никакие программы не смогут приостановить это развитие. Когда в таком великом историческом напряжении борются классы собственности и угнетенные, когда происходит историческая свалка, то объектом ее является сознательно и бессознательно *государственная власть, как тот аппарат, при помощи которого можно либо отстаивать собственность, либо произвести в ней глубокие социальные изменения.*

И вот в такую эпоху, товарищи, коалиционная власть, после того, как движущие силы революции разошлись, коалиционная власть есть высшая историческая бессмыслица, которая не может удержаться, или высшее лукавство имущих классов для того, чтобы обезглавить народные массы, чтобы лучших, наиболее авторитетных людей взять в политический капкан и потом предоставить массы самим себе, как они говорят, разнузданную стихию, или утопить ее в своей собственной крови.

В такую историческую эпоху, когда буржуазия не может взять власти, а народные массы еще не умели или не сумели взять власть, в такую эпоху исторического междуцарствия, когда буржуазия тянула власть к себе, но с опаской, а демократия толкалась к власти, но не смела взять ее в свои руки, возникает потребность искать третьей стороны, диктатора, Бонапарта, Наполеона. Вот почему, прежде чем Керенский занял то место, которое он занял теперь, вакансия на Керенского была открыта слабостью и нерешительностью революционной демократии. (Аплодисменты, голос: слабо).

Если вы повторите опыт коалиции теперь, после того, как он завершил свой естественный цикл, после того, как вы пережили опыт корниловщины, новое обращение к кадетам, я думаю, не будет только повторением старого опыта. Здесь, правда, говорят, что нельзя обвинять кадетскую партию, что она была соучастницей корниловского мятежа. При этом нам, большевикам, напоминают: вы протестовали, когда мы делали ответственной всю вашу партию, обвиняя ее за дви-

жение 3-4 июля, как партию, не повторяйте ошибок некоторых из нас, не делайте ответственными всех кадетов за мятеж Корнилова. Но в этом сравнении есть маленький недостаток, когда обвиняли большевиков в том, что они вызвали движение 3-го июля, речь шла не о том, чтобы приглашать их в министерства, а о том, чтобы приглашать их в «Кресты» (смех)¹⁶. И в этот момент мы говорили: если вы желаете кадет тащить в тюрьму за корниловское движение, то не делайте этого опыта, а каждого отдельного кадета расследуйте со всех сторон (смех, голоса: браво). Но вот, товарищи, когда вы будете приглашать в министерство ту или другую партию, возьмем для парадокса, только для парадокса — партию большевиков... (Шум, смех).

— Вам хочется в министерство, — кричат с мест.

— Я уже успокоил всех, сказав, что это только парадокс, — отвечает оратор. — Если бы вам понадобилось министерство, которое имело бы своей задачей разоружение пролетариата и вывод революционного гарнизона, или приглашение 3-его конного корпуса, то я скажу, что большевики, запутанные в движении 3-5 июля — все или частью — для этого дела, как партия, как целое, абсолютно не годятся (аплод.).

Если бы речь шла о кадетской партии, о введении ее в министерство, то решающим для нас является не то обстоятельство, что тот или иной кадет находился в закулисном соглашении с Корниловым, не то, что Маклаков стоял у телефона в то время, когда Савинков вел переговоры с Корниловым, не то, что Родичев ездил на Дон и вел политические разговоры с Калединым, — не в том суть. Вся суть в том, что буржуазная печать либо приветствовала Корнилова, либо отмалчивалась, выжидая победы Корнилова. Эта буржуазная печать отражала на всех языках чувства и желания буржуазных классов. Вот почему я говорю: у нас нет контрагентов для коалиции.

Правда, В.М.Чернов очень оптимистичен, он говорит, подождем. Но, во-первых, вопрос о власти стоит сегодня, а во-вторых, на основании марксизма, который теперь, по иронии судьбы, стал достоянием с.-р., нельзя говорить: подождите, может быть, разовьется из революции новая демок-

ратическая партия. В марксизме, который я проходил, указывается, что демократия жизненна и дееспособна на заре развития буржуазного общества, но там, где выступает пролетариат, как самостоятельная сила, там каждый его новый шаг не усиливает, а убивает буржуазную демократию (аплод.). Вся историческая карьера социалистической партии и пролетариата в том и состоит, что она вырывает из-под ног мелкобуржуазной демократии и ее идеологии все более и более широкие массы и тем самым отбрасывает ее в лагерь буржуазного общества. И поэтому надежда на то, что в русской революции, которая развивается в эпоху высокоразвитого мирового капитализма, где не осталось от буржуазной демократии и следа, где слова команды принадлежат империализму, в эпоху, когда пролетариат русский, несмотря на свою молодость, является классом высшей формы концентрации революционной энергии, в эту эпоху нам говорят, чтобы мы дожидались возрождения буржуазной демократии, ее уцеления и затем мы с ней будем заключать блок. Это самая великая утопия, это самая великая фантасмагория, которая когда-либо могла быть создана.

Социалистические партии ведь заняли то самое место, которое во французскую революцию во всех буржуазных обществах на заре их юности занимало то, что вы называете честной буржуазной демократией. Они заняли это самое место, вытеснили буржуазию и теперь вы, пугаясь этого, или вас пугают тем, что так как вы называетесь социалистами, вы не имеете права выполнять ту работу, которую выполняла буржуазная демократия, честная, смелая, которая не носила высокого имени социалистов и которая поэтому не боялась сама себя (аплод.).

Далее оратор оглашает программу большевиков об отмене смертной казни, о передаче всей земли народу, о контроле над промышленностью и т.д., заканчивающуюся предложением передать власть советским организациям¹⁷.

— Мы с величайшим уважением относимся к городским думам и земствам, но та опора, которая нужна — эта опора — Советы, за которыми стоят организованные рабочие и солдаты. И вот почему я говорю, товарищи, какую бы власть вы

не создали, апеллируйте к Советам. (Бурные аплодисменты. Все встают. Голос: «Да здравствует революционер Троцкий»).

Речь И.Г.ЦЕРЕТЕЛИ

Характеризуя сторонников и противников коалиции И.Г.Церетели говорит:

Здесь было много и других таких же противников коалиции, которые раньше выступали ее сторонниками, но, тов., это чрезвычайно важно, ни один из этих противников коалиции не выступил сюда, чтобы доказать, что идея коалиции, как она осуществлялась до настоящего времени, была не верна, не укрепляла страну и революцию, и что настал такой этап, когда революция переросла идею коалиции, и что она дальше должна укрепляться при однородном министерстве. Вот такую аргументацию в их устах я бы понял: Но, тов., вы видели с одной стороны не раскаявшихся противников тактики русской революции, с другой стороны раскаявшихся меньшевиков и соц.-рев., которые для того, чтобы отстоять перед вами однородное министерство, должны были осудить всю свою прошлую политику (бурн. рукопл.). Не закрывайте глаз, товарищи, и большевики, я думаю, признают это, они умеют, когда надо, быть откровенными, это единственное их достоинство (смех, рук.), не забывайте, тов., что когда вы произносите свое суждение о коалиции, вы произносите свое суждение о революции. Да, она шла, наша революция, тов., и кто же этого не знает, с самого начала и до сегодняшнего дня под знаком коалиции, воспринятой не только правительством, но и огромным большинством организованной демократии (голос: она топталась на месте). Тов., это опасный путь, так подходить к идее коалиции, что она дала, пусть она предъявит счет. В разоренной и истерзанной стране пробуждать такие притязания в массах, это значит колебать основы революции. Тов., она дала не много в сравнении с тем, что нужно народу, но русская революция дала свободу народам России, дала российскую республику (голос: без коалиции). Дала демократическую

организацию населения в лице городов уже создавшуюся, в лице земств, уже создающихся, в лице Учред. собрания, которое должно быть осуществлено, и если демократия будет организована и расстроит свои ряды, не будет осуществлено. Тов., говорили: никогда, нигде в мире цензовая буржуазия не решалась осуществлять подлинный демократический строй государства.

Товарищи, такого избирательного закона, который есть у нас, для городов и земств, который есть у нас как закон государственный для Учредительного собрания, конечно, буржуазия не могла дать. Это плоды русской революции, товарищи, революции, шедшей под знаменем коалиции. И когда говорят: нельзя склонить цензовую буржуазию на путь последовательной демократической коалиции, я скажу: наши избирательные законы и в самоуправлении и в Учредит. собрании должна была санкционировать цензовая буржуазия, и вы видели это. (Рукоплескания, шум)¹⁸.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста не прерывайте, имейте терпение слушать.

ЦЕРЕТЕЛИ. Немного дала российская революция, говорят, не много дала в смысле материального обеспечения масс (голос: ничего). Ничего. Но, тов., я предупреждаю Вас, Ваше отношение к социалистическим министрам, тем, кто были делегатами в правительстве, есть прообраз вашего отношения к социалистическому министерству (рукоплескания). Вы говорите, чтобы укрепить власть, сделайте ее однородной, и тогда эта власть будет пользоваться доверием всех народных масс, доверием низов. Но я Вам говорю: разве на этом строится доверие, доверие к власти, на том, каков состав власти? (Голос: а на чем же?). Не на этом, товарищи, ибо, если социалистическое министерство, с которым Вы связываете осуществление всех благ, которых в разоренной стране не смогла дать русская революция, не даст этого, то в глазах же самих масс не будет более ненавистного министерства, как это социалистическое министерство (рукоплескания). Товарищи, какую политику может проводить это министерство? Здесь перед вами Троцкий прочитал красноречивую программу. Она сводится и к улучшению матери-

ального положения, и к шагам, которые пробуждают надежду на близость мира, и к целому ряду шагов, вплоть до быстрого урегулирования промышленности, транспорта и т.д. и т.д. Но, вы, товарищи, слышали так же торжественное заявление, что это большевистская программа, но это они не стремятся сами захватить власть для осуществления этой программы. Это было торжественное заявление. Товарищи, я знаю, это было с самого начала революции, так излагали эту программу, имеющую все совершенства, кроме возможности осуществления.

Казалось бы, если кто видит средство и возможность провести ее в жизнь, тот должен сам немедленно стремиться к власти. Я первый приветствовал бы ту партию, которая, имея возможность это осуществить, захватила бы власть (рукоплескания). Но их политика иная, товарищи, они хотят чтобы мы взяли эту власть, они хотят, чтобы мы принялись за осуществление этой программы. Я думаю, товарищи, сознание того, что этого сделать сейчас нельзя, только это сознание может объяснить, что партия, считающая возможным в настоящий момент сулить чудодейственные меры, меры исцеляющие страну, которая стоит на краю гибели, такая партия не делает отчаянной попытки захватить власть. Если бы было возможно какому-нибудь революционному правительству дать это России путем решительной политики сверху, страна простила бы захват власти для этого, хотя бы вопреки организованной демократии. Но если нет веры в осуществление этой программы, если знаешь, что сейчас этого стране дать не может ни одно правительство, тогда естественна такая политика: не самим брать власть, но самим требовать себе свободы агитации этой программы, а других толкать к власти (рукоплескания).

Здесь другой оратор говорил, великая французская революция — это более надежный урок, чем опыт наших министров. Я думаю, действительно, более надежный урок. Но что же он сказал? Во время великой французской революции два года царствовала буржуазия и только, когда пришли мантаньяры, когда пришел крайний революционный фланг власти, тогда было утверждено полное народовластие¹⁹. Вот как он сказал, этот урок французской революции, но найдите вы оценку французской революции, где бы из этого де-

лался вывод, что несчастьем французской революции было то, что мантаньяры сразу не свергли Учредительного собрания и дали два года цензовой буржуазии править в стране. (Рукоплескания). Не только это опыт французской революции, это опыт всех побеждавших революций. Задачи, стоящие перед всем народом, должны осуществляться всеми силами, которые к этим задачам приспособлены, и если в ходе развития некоторые классы отстают от общего движения, это делается перед всем народом в ходе воспитания самого народа, а не в ходе насильственного вторжения тех или других групп в естественный процесс исторического развития. Да, из опыта французской революции, не только из опыта нашей русской революции и нашего русского министерства, сделали мы вывод. Цензовая буржуазия в настоящий момент, если она идет с демократией, а в продолжении этих шести месяцев мы знаем, она вынуждена была и шла с демократией (голоса: тормозила, саботировала). Товарищи, о саботаже здесь говорил только что Троцкий. Он с насмешкой напомнил нам, как в ответ на слова Пешехонова, что в правительстве цензовые элементы говорили: «Посмотрим, как вы провалитесь», он, Троцкий, с места крикнул «Это и есть саботаж». И он теперь победоносно говорит, что его не опровергли. Так это называется саботажем. Смотреть, чтобы социалисты провалились. Но ведь, вы же тогда возведете в принцип политику навязывания саботажа, когда хотите заставить буржуазию смотреть, как социалистическое министерство будет проваливаться. (Аплод.). Я думаю, товарищи, что под саботажем они разумеют что-то иное. Я с изумлением слушал Троцкого, — оказывается он не в том обвиняет буржуазию, что она мешала нам проводить демократическую политику, а он ее обвиняет в том, что она имела смелость смотреть на то, как работаем мы. (Смех, аплодисменты).

Товарищи, я должен сказать, что та политика, которую я отстаиваю здесь, эта политика в согласии с организованной демократией, с Советами рабочих и солдатских депутатов проводилась нами. (Голос: ничего подобного)²⁰. Это впервые за все время существования великой российской революции Троцкий здесь отстаивал ту позицию, с которой делегация советская в большинстве солидаризировались. Может быть,

товарищи, это прогресс в политике Советов. Но вы не можете отказаться: мы были спаяны с Советами в этой политике, которую я здесь отстаиваю, в продолжении этих шести месяцев. (Голоса: правильно. Аплодисменты). Та политика, которую я здесь отстаиваю, это политика советского большинства, закаленная во всех боях, которые выдержала российская революция. (Аплод.). Здесь я слышал от председателя городов — большевика, он противопоставлял Советы городам и говорил: да, органы, созданные всеобщим голосованием, это авторитетные органы, но органы, ведающие хозяйственной жизнью, а Советы, — сказал он, — это те органы, которые родили всеобщее голосование. Вы этому аплодировали, но я спрошу вас: для того ли родили Советы органы всеобщего голосования, чтобы соперничать потом с ними, меряться с ними местами, и чтобы вразрез с ними вести свою политику. (Аплод.). Сила Советов, их великое историческое значение в том именно и заключалось, что эти Советы выражали волю всей демократии. Эти Советы знали, что в любой момент, когда бы ни было произведено всеобщее голосование, это всеобщее голосование укрепило бы и подтвердило бы политику Советов. Почему самочинный Петроградский Совет стал воплощением всей российской демократии? Потому, что непрерывными нитями был связан этот Совет со всей демократией. (Голоса: и теперь тоже). Да, товарищи, я хочу в это верить, я глубоко убежден, что не укрепитя та политика, не падут Советы, они не будут противопоставлять себя другой организованной демократии. В тот момент, когда бы началось соперничество между этими силами, когда на одной стороне оказались бы органы всеобщего голосования, а на другой стороне — Советы, которые заявили бы: мы самочинные революционные органы, мы произвели всеобщее голосование, а потому мы требуем себе больше мест в собраниях и больше времени, чтобы говорить. Это будет признаком упадка Советов. На Московском совещании мы не требовали себе мест и времени, но все-таки с Советами была демократия. Под знаменем этой единой политики большинство Советов — вся организованная демократия сплотилась (аплодисменты), и оказалось, что новые органы демократии — это кровные сыны Советов и кровные сыны револю-

ции. Нельзя отделить одно от другого. И когда здесь Троцкий говорил в терминах, которые чрезвычайно характерны, говорил, что пролетариат делает свою историческую карьеру на том, что он оттягивает от буржуазной демократии некоторые слои и так далее, я скажу: нет, российский пролетариат делал великое дело служения освободительным идеалам, идеалам всего человечества, иными методами и иным путем, чем люди, допускающие характерную обмолвку об исторической карьере пролетариата. (Аплодисменты). Пролетариат, идя к своей конечной цели, объединял и сочетал свои действия с действиями Советов и всей организованной демократии, и он никогда не ставил этой демократии ультиматумов: или ты пойдешь со мной таким путем, который неприемлем для очень значительной части организованной демократии, или ты будешь иметь гражданскую войну. Нет, пролетариат выдвигал такую политику, которая не разбивала, а объединяла ряды всей российской демократии. (Аплодисменты). Единственный раз, товарищи, была сделана от имени пролетариата иная попытка, и тут я не могу оставить без ответа то, что говорил Троцкий о личной политике.

Он говорил, что он не обвиняет Керенского, что он не хочет искать виноватого в том, что создалось такое положение. Нет, если бы Керенского надо было обвинять, то нашим долгом было бы здесь его обвинять, но мы знаем и я вам излагал, что привело российскую демократию к тому нежелательному положению, которое вылилось в форму организации оторванной от Советов власти. Я говорил: ряды демократии были ослаблены, и в этот момент, путем ультиматума, смогла цензовая буржуазия поставить нас перед выборами или захватить власть в минуту слабости, или согласиться на эту организацию власти, принять эту организацию власти. А почему демократия была ослаблена, почему, когда это создалось? Это создалось после 3-5 июля. (Шум. Рукоплескания)... Троцкий напоминал вам свои слова, что он в Керенском предсказал точку приложения беспартизма. Троцкий напоминал вам эти слова. Как же оправдал он их? Керенский ли явился воплощением беспартизма? Но пусть он вспомнит другое предсказание, сказанное не пророком, а человеком, связанным с российской демократией, и при-

помнит эти слова: к нам контрреволюция прорвется через большевистские ворота... (Шум. Рукопл.). И Бонапарт, и неудавшийся претендент... (Шум)... Товарищи большевики, неудавшийся претендент на бонапартство явился к нам, и вам, товарищи, большевики, надо задуматься над тем, почему этот неудавшийся Бонапарт. (Шум. Председатель: я объявляют перерыв, если не будет тишины, и тогда вам придется долго здесь сидеть. Будьте любезны не шуметь)... Товарищи, этого вы не вырвете со страниц истории, и это вам придется объяснить будущим поколениям рабочих, рабочему движению, которое в России разовьется, развернется как нигде, нам придется объяснить, почему первый русский Бонапарт в условиях, когда торжествовала революция, задумывая нанести удар этой революции, сумел революционные полки привести против революционного Петрограда под знаменем борьбы с большевизмом; вам придется это объяснить. (Рукопл. Шум. Звонок Председателя. Товарищи, я долго заставляю вас слушать этот колокольчик, если будете шуметь. Прошу продолжать товарища Церетели. Убедительно прошу сохранять спокойствие)... Товарищи, мое время истекает и я должен закончить. Может быть, мы присутствуем при поворотном моменте российской революции. Несколько раз за эти шесть месяцев нам казалось, что наступает поворотный момент. несколько раз переживала критические моменты наша революция, но всегда восстанавливая нашу политику, политику, объединявшую и спланивавшую огромные массы населения, политику, отдавшую себе отчет, что может дать в данной стадии революция, и не обещавшую массам ничего больше того, что она может дать, политику, отдававшую отчет, какими силами располагает демократия, и не обольщавшую демократию расчетами на то, что [она] одна со всеми неурядицами способна справиться. Восстанавливая эту политику, мы умели преодолевать невероятные внешние затруднения. Теперь, товарищи, мы присутствуем, быть может, при решительном сдвиге. Слишком ярко сказались здесь те настроения, которые направлены против всей политики российской революции, до настоящего времени осуществлявшейся. Впервые на таком многочисленном организованном демократическом собрании те предложения, кото-

рые от имени большевиков здесь делали, не звучали в диссонанс с предложениями очень влиятельных до настоящего времени частей демократии.

Быть может, мы присутствуем при кризисе революции. Но я думаю, товарищи, надо окинуть взглядом прошлое, оценить свои силы, оценить то состояние, в котором находится в настоящий момент российская революция (голос: «во время корниловщины»). Товарищи, для того, чтобы справиться с корниловщиной, мы в Петрограде оценили силы Советов при нынешних условиях и сочли, что их одних для борьбы с корниловщиной недостаточно, мы призвали на общую борьбу представителей городов, избранных всеобщим голосованием, представителей других демократических организаций. Мы, в этот момент, товарищи, коалиционную власть тоже считали силой, которая укрепляет, дает возможность изолировать и раздавить контрреволюцию, и эта политика в дни корниловщины нас не обманула. Корниловщина русскую революцию застала в таком состоянии, что она, оставаясь на почве прежней политики, сумела раздавить корниловщину. Здесь мы собрались, чтобы подводить эти итоги. И я говорю, товарищи, советская политика, это была не политика секты, не политика специфической организации, это была политика всей демократии и от организованной демократии получила единогласное оправдание. Здесь я перед вами отстаиваю эту славную, традиционную, закаленную в бурях русской революции тактику, которая всегда, при всех затруднительных положениях выводила демократию на стезю победы. Вдумайтесь, товарищи, в это, отдайте себе отчет, что то, что здесь говорилось против этой политики в будущем, говорилось и против этой политики в прошлом. Отвергая коалицию в будущем, вы в нынешних условиях не можете это сделать иначе, как отвергая коалицию в прошлом, а наша коалиция в прошлом — это российская революция (рукоплескания). Я глубоко убежден, что вы оцените достоинства той политики, которая для того, чтобы быть защитимой, нуждается в таких аргументах, которые отсюда раздавались. Эти аргументы означали отвержение политики российской революции (голос: неправда), и утверждение, что российская революция в своем конечном итоге ничего не сде-

лала. Вы оцените это положение, взвесите, прежде чем измените пути российской революции. В том положении, в каком застала революция страну, революция дала многое: она дала надежду на спасение страны, валившей в бездну; она поставила демократию у руля правления этой страной. Вот, что дала российская революция; она спасла Россию от развала и крушения, и она спасет Россию, если демократия ей не изменит. (Рукоплескания продолжительные)²¹.

ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 7. Л. 19-24, 25-39.

- ¹ Ю.О.Мартов (1873-1923). В 1917 г. лидер группы меньшевиков-интернационалистов, являвшихся противниками оборонческого направления в меньшевизме. Отвергали и леворадикальные установки большевиков.
- ² По свидетельству правого меньшевика-оборонца В.С.Войтинского, Демократическое совещание разбилось на курии, по представленным на нем организациям и учреждениям. (*Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражение. Benson (Vermont), 1990. С. 262).
- ³ Ф.И.Дан (Гурвич) (1871-1947). Один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. разделял оборонческие, правосоглашательские взгляды на характер революции. Поддерживал в целом линию Церетели по созданию коалиции революционной демократии с кадетами. Состоял в руководстве Петроградского Совета и ВЦИК Советов первого созыва. В октябре 1917 г. осознал безнадежность коалиции и курса на победоносное завершение Россией войны вместе с западными союзниками. Присоединился к линии Мартова в вопросах войны и мира. Выслан из Советской России в 1922 г. (См.: Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959. С. 126, 128).
- ⁴ Дан здесь выдвигает идею будущего Предпарламента (Совета Российской республики), который начал функционировать 7 октября и 25 октября был ликвидирован в результате Октябрьской революции. Он был наделен законосовещательными функциями. Предполагалось, что за неделю до открытия Учредительного собрания Предпарламент прекратит свою работу.
- ⁵ Накануне Демократического совещания в меньшевистской фракции обсуждались платформы Мартова, Церетели и А.Н.Потресова. Мартов был противником коалиции с буржуазными партиями.

Церетели отстаивал коалицию с теми цензовыми группами, которые не были причастны к корниловщине. Потресов же склонялся к дальнейшему расширению рамок коалиции.

Тем не менее почти половина фракции выступила против возобновления коалиционного принципа власти. А против коалиции с кадетами выступило более половины меньшевистской фракции. Этим не были удовлетворены ни сторонники коалиции, ни ее противники во фракции. Противоречивые решения

по вопросу о характере власти были приняты и в эсеровской фракции. (Войтинский В.С. Указ. соч. С. 261-262).

- 6 Б.Д.Камков (Кац) (1885-1938). Один из лидеров левого крыла партии эсеров. Член Бюро ВЦИК Советов. С августа 1917 г. левые эсеры стали издавать свою газету «Знамя труда», где излагали близкие к большевикам взгляды по проблемам развития революции.
- 7 На VI съезде РСДРП(б) (26 июля — 3 августа 1917 г.) находившийся в тюрьме «Кресты» Троцкий вместе с его группой объединенных социал-демократов (межрайонцев) был принят в партию большевиков.
После выхода из тюрьмы 5 сентября 1917 г. Троцкий включается в деятельность Петроградского Совета, ставшего после голосования 9 сентября по вопросу о составе президиума Совета на большевистские позиции. Там он становится общепризнанным лидером, и 25 сентября 1917 г. по инициативе большевиков избирается председателем столичного Совета. До него эту должность занимал Н.С.Чхеидзе.
- 8 Н.Череванин (Ф.А.Липкин), В.Г.Громан — меньшевики, работники Экономического отдела Петроградского Совета, затем работали во ВЦИК Советов и в других организациях.
- 9 А.И.Коновалов (1875-1948). Крупный текстильный фабрикант, лидер партии прогрессистов, один из создателей объединения буржуазных партий в Государственной думе («Прогрессивный блок»). Министр торговли и промышленности во Временном правительстве, заместитель министра-председателя. Затем в эмиграции.
- 10 П.И.Пальчинский. Инженер. Был тесно связан с банковскими кругами. Организатор синдиката «Продуголь». Товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. Был начальником обороны Зимнего дворца и оставил записки об этом. Позднее работал в советской промышленности и был обвинен во вредительстве. Приговорен к расстрелу в 1929 г.
- 11 Н.Д.Авксентьев. (1878-1943). Один из лидеров правых эсеров. Член Исполкома Петроградского Совета. Председатель Исполкома Совета крестьянских депутатов (с мая 1917 г.). Министр внутренних дел Временного правительства. Председатель Предпарламента. Возглавлял антибольшевистский «Комитет спасения родины и революции». Участвовал в белом движении. Эмигрант.
- 12 На совместном заседании ВЦИК Советов и ЦК СКД 1 сентября 1917 г. Н.Д.Авксентьев сообщил, что он больше не является министром внутренних дел. Он призвал демократию «всеми силами своего авторитета» поддерживать Временное правительство. И только тогда это правительство сможет справиться «с чрезвычайными задачами момента». (ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 122. Л. 2 об.).
- 13 Речь идет о III конном корпусе генерала А.М.Крымова. По показаниям начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа эсера Н.Д.Миронова, данным в следственной комиссии И.С.Шабловского, он находился вместе с Б.В.Савинковым в Ставке еще до путча генералов. На обрат-

ном пути в Петроград он узнал от Савинкова, что тот просил Л.Г.Корнилова направить в столицу кавалерийские регулярные части для усиления Петроградского гарнизона на случай каких-либо выступлений. (ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 57-57 об.).

Генерал А.М.Крымов был назначен Корниловым главнокомандующим Отдельной петроградской армией по восстановлению порядка в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском округе. (Там же. Д. 4. Л. 63-63 об.).

- ¹⁴ А.В.Пешехонов (1867-1933). Занимал должность министра продовольствия Временного правительства. Член Трудовой народно-социалистической партии, близкой к правому крылу эсеров. Возникла в июне 1917 г. в результате слияния трудовиков и народных социалистов. В 1922 г. выслан из Советской России.

- ¹⁵ Ф.Ф.Кокошкин (1871-1918). Деятель кадетской партии. Юрист. Был председателем совещания по подготовке Учредительного собрания. Во Временном правительстве занимал должность государственного контролера. В январе 1918 г. арестованные Кокошкин и А.И.Шингарев были убиты в больнице анархистствующей толпой.

- ¹⁶ «Кресты» — одиночная политическая тюрьма на Выборгской стороне в Петрограде, где содержались арестованные в связи с июльскими событиями большевики.

- ¹⁷ Оглашенная Троцким декларация большевистской фракции Демократического совещания констатировала, что Советы, несмотря на стремления власти обессилить их, обнаружили несокрушимость «революционной мощи и инициативы народных масс в период подавления корниловского мятежа». Это сделало большевистский лозунг «Вся власть Советам», выдвинутый в начале революции «голосом всей революционной страны».

В документе говорилось, что большевики, борясь за власть во имя осуществления своей программы, не стремятся овладеть властью «против организованной воли большинства трудящихся масс страны». Отмечалось также, что передача власти Советам не упразднит борьбы классов и партий «в лагере демократии», но в условиях полной и неограниченной свободы агитации, при постоянном обновлении Советов снизу «борьба за влияние и власть развертывалась бы в рамках советской организации».

В декларации излагались конкретные предложения большевиков по изменению положения в стране в интересах трудящихся. Среди них — предложение всем народам честного, справедливого, демократического мира; отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа; введение рабочего контроля над производством и распределением; всеобщая трудовая повинность; обеспечение прав наций на самоопределение и др.

Большевики также выставляли требования безотлагательного созыва всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. (Рабочий путь. 1917. 20 сентября). О выступлении Троцкого см.: Суханов Н. Записки о революции. Берлин, 1923. Кн. 6. С. 125-126.

¹⁸ И.Г.Церетели касается здесь Положения о выборах в Учредительное собрание. Оно было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» 22 июля, 17 и 26 сентября 1917 г. и затем вышло отдельной брошюрой с подробными комментариями. В разработке Положения участвовали крупные ученые-юристы. (См.: Положение о выборах в Учредительное собрание. Полный текст закона с 10 приложениями. Пг., 1917).

¹⁹ Имеется в виду период якобинской диктатуры во Франции, в 1793-1794 гг., высший этап развития Французской буржуазно-демократической революции 1789-1794 гг. Сопровождалась проведением террора против противников режима.

²⁰ Политика коалиции с буржуазией была инициирована непосредственно И.Г.Церетели, которую он «довольно-таки самодержавно» проводил в Советах. Так считали позднее некоторые деятели меньшевизма. Многие меньшевики при этом хотели бы видеть несколько иной подход к проблеме власти «и не были всем довольны». Но они чувствовали себя «частью всесильного, казалось, советского большинства, серьезно относились к своей ответственности и не считали возможным и уместным громко критиковать» принятую партией линию Церетели. (Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С. 72-73).

По другим данным, на самом Демократическом совещании у Ф.И.Дана появились уже расхождения с Церетели, который по сути не видел никаких новых возможностей вне коалиции с цензовыми элементами. к выводу об обреченности коалиционной власти в России, видимо, подходили тогда даже многие меньшевики-оборонцы. (См.: Меньшевики /Сост. Ю.Г.Фельштинский. Benson (Vermont), 1988. С. 71-72).

²¹ Во время голосования на Демократическом совещании по вопросу о возможности коалиции с цензовыми элементами за коалицию высказались только 183 делегата и 80 воздержались. Против коалиции проголосовало подавляющее большинство — 818 делегатов. (Рабочий путь. 1917. 20 сентября).

Лидеры меньшевиков в те дни считали, что Демократическое совещание явилось демонстрацией бессилия демократии, расколовшись по вопросу об образовании власти. Демократическое совещание «создало кризис власти, вернее, безвластие». Это «открывает настежь ворота контрреволюционной диктатуре». (Рабочая газета. 1917. 21 сентября).

ЗАСЕДАНИЕ 22 СЕНТЯБРЯ – ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

...Выступление В.С.ВОЙТИНСКОГО

От имени президиума выступает тов. Войтинский.

Нам пришлось созывать Всероссийское Демократическое совещание при необычайно тяжелых условиях, — заявляет он. — Накануне этого Совещания все мы сознавали, насколько велика опасность, стоящая на пути развития русской революции, которая происходит из-за внутреннего раскола в среде революционной демократии, из-за отсутствия единого революционного фронта. Я должен сказать, товарищи, что, к сожалению, с этого совещания мы увозим с собой ту же самую тревогу, так как ни для кого из нас не может быть никакого сомнения, что имеется глубокое внутреннее расхождение, обессилившее русскую демократию, препятствующее ходу наших работ.

Несмотря на это, товарищи, считаю, что не даром в течение стольких дней работали мы здесь. Здесь, товарищи, впервые [представлены] самые широкие слои демократии, которые впервые собрались вместе для обсуждения общих вопросов, стоящих перед русской демократией. Если здесь мы не нашли достаточно силы для разрешения этих вопросов, то все-таки мы нашли несколько общих положений, которые нас объединяют. Положения эти были зафиксированы нами — положение о необходимости строгой ответственности нового правительства перед представительным органом всеросс. демократии¹ и сознание, что в основу всей деятельности правительства должна быть положена определенная декларация, оглашенная нами на Московском Совещании, и теперь расширенная и дополненная указанием на необходимость для правительства определенной политики мира на основе отказа от аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов.

Кроме того, здесь появилась объединяющая нас мысль о том, что параллельно с работой в пользу мира должна вес-

тись энергичная работа на военную защиту и завоевания русской революции. И если мы не нашли новых путей, то мы уносим с собой отсюда глубокое сознание, что общий путь, общая тактика, общий язык, должны быть найдены демократией, ибо, если этого не будет, последует крушение всех наших чаяний и гибель революции. Я хочу верить, товарищ, что унося с собой тяжелый урок настоящего демократического Совещания, мы на местах будем неустанно, не покладая рук, работать над тем, чтобы был, наконец, найден общий путь для российской демократии, который сплотил бы воедино все ее силы в различных областях жизни. Я хочу верить, товарищи, что этот путь будет нами найден. Если мы этого пути не найдем, российская революция погибнет, а гибели ее мы допустить не можем. (Шумн. рукоплескания)².

Выступление Ф.И.ДАНА

Товарищи, Демократическое совещание не может разъехаться, не сказав своего слова по вопросу, от которого зависят не только судьбы нашей страны и нашей революции, но и судьбы всего мира — по вопросу о войне. (Алод.).

Не только вся Россия, но, можно сказать, демократия всех стран, несомненно, в эту минуту ждут нашего слова, ждут выявления нашего отношения к войне. Ждут того, что в тот час, когда всем народам яснее, чем когда-либо стала ясна необходимость придти к окончанию этой ужасной войны, объединенная демократия, как представительница русской революции, заявила о том, что она по-прежнему стоит на этой платформе мира, которую русская революция вырастила в первые в первые дни своего существования³.

Вот почему от имени меньшевистской социал-демократической фракции я имею честь предложить вам перед тем, как разойтись, принять единогласно следующее обращение к демократии всего мира.

К ДЕМОКРАТИИ ВСЕГО МИРА

Российская революция, свергнув при ликовании всемирной демократии позорное иго царизма, напрягает все силы в попытках заложить прочные основы республиканской демократии и социальной справедливости. Проклятое наследие старого режима — истощение народно-хозяйственного организма, добитого трехлетней войной — тяготеет над самоотверженными усилиями демократии. Россия голодает, Россия изнемогает под бременем дороговизны и бестоварья, Россия вынуждена напрягать все силы, чтобы одновременно защищать свой внешний фронт против нашествия неприятеля и свой внутренний фронт — против контрреволюции, использующей бедствия родины.

Полгода назад российская демократия призвала все цивилизованные народы приблизить совместно, дружными усилиями, час всеобщего мира и построить этот мир на основах демократического права. «Мир без аннексий и контрибуций, при признании права наций на самоопределение», — провозгласила российская демократия и сделала этот лозунг официальной формулой внешней политики Российской республики, вопреки империалистическим кругам российской буржуазии.

В то время военное положение России было относительно благоприятным. Центральные монархии⁴ искали соглашения с нею, указывая на возможность почетных для России условий сепаратного мира.

Российская демократия отвергла идею сепаратного мира с германским империализмом, ибо этот мир означал бы на деле косвенную помощь германскому империализму против народов других воюющих стран. Российская демократия ждала с надеждой того часа, когда народы обеих воюющих коалиций поднимутся во имя немедленного заключения всеобщего демократического мира и заставят признать свою твердую волю к миру, вопреки всем общественным силам, стремящимся затянуть войну отстаиванием захватных целей. Но общий мир не пришел, а военное положение России ухудшилось. Пользуясь временным расстройством русской

армии, неизбежным при коренном переустройстве всей страны, войска центральных империй продвигаются вглубь России. Красные знамена российской демократической республики уже не развеваются над стенами Риги, заменяясь императорско-королевскими знаменами Гогенцоллернов. Столице российской революции грозит опасность нашествия.

Но под прикрытием гогенцеллернских и габсбургских знамен⁵ иная еще опасность надвигается на российскую республику. Милитаристическая контрреволюция стремится использовать каждое продвижение германских войск к центру России, для узурпации власти и разгрома демократии. Недавние дни корниловского мятежа наглядно показали, что всякий успех германских армий в борьбе с войсками Российской республики⁶ идет непосредственно на пользу заговорщиков русской контрреволюции, и что последние, в свою очередь, сознательно спекулируя на военные неудачи республики, обнажают русский фронт для германской армии.

Среди непрекращающихся бедствий, обрушившихся на освободившийся от царизма народ, ползут мрачные слухи о готовящемся коллективном предательстве империалистов всех стран, о готовности их столкнуться и заключить *свой* мир за счет всем им ненавистной русской революции. Русских граждан — литовцев, латышей, белорусов и украинцев будут обменивать на негров южной и центральной Африки. Позором сепаратного мира всех империалистов против российской революции, хотят достойно завершить трехлетний позор взаимоистребления цивилизованных народов.

Российская демократия напрягает и будет напрягать все свои усилия, чтобы оказать сопротивление нашествию империалистических армий и отстоять страну от разгрома, не допустить насильственного отторжения ее территорий и охранить ее независимость. Но дело защиты революционной России есть не столько внутреннее дело русского народа. Оно является делом всей международной демократии. Подавление российской революции означало бы сгущение той реакционной атмосферы, в которой задыхается ныне весь мир после трех лет истребительной войны. Заключение мира за счет ограбления и унижения, за счет какой-либо одной из

воюющих стран, вновь отравило бы цивилизованный мир вечной угрозой реванша, угрозой новых войн и проклятием новых вооружений.

Воспрепятствовать убийству русской революции, которой грозит как направленный против ее реакционный мир, так и затягивание войны во чтобы то ни стало — священнейший долг всемирной трудовой демократии, если не пустым звуком являются слова о солидарности интересов и общности идеалов трудящихся масс.

Товарищи, граждане.

Всероссийский съезд российской демократии — представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органов местного самоуправления, кооперативов, профессиональных союзов, армейских и флотских организаций и политических центров всех национальностей — приветствуя в качестве средства, ведущего к достижению скорого демократического мира, идею международной социалистической конференции — обращается к вам с призывом оказать активное содействие мирным стремлениям российской революции⁷.

Все на помощь революционной России.

Все — за всеобщий демократический мир.

Пусть громко во всех странах раздастся, наконец, голос единой демократии, протестующей против дальнейшего затягивания войны и требующей от своих правительств согласия на условия мира, провозглашенные революционной Россией.

Народы цивилизованного мира! До конца готовая исполнить свой долг пред своей родиной и пред человечеством, российская революция ждет от вас деятельной и действительной помощи.

Вот, товарищи, то воззвание, которое мы предлагаем вам принять. (Шумные аплодисменты большей части собрания).

Предложение тов. Дана единогласно принять это воззвание не встретило сочувствия у левой части собрания.

Предложение Н.А.СКРЫПНИКА⁸

На трибуне появляется Скрыпник, говорящий от имени фракции большевиков. Скрыпник вносит следующее предложение: либо открыть по данному вопросу генеральные дебаты, либо в случае признания невозможности таковых снять это предложение тов. Дана с очереди и передать его на рассмотрение будущего Предпарламента.

Заявление Ф.Д.ДАНА

Товарищи, когда наша фракция решила предложить вашему вниманию этот проект, то она, конечно, не ожидала, что хоть одно слово прений по поводу него раздастся, ибо в этом проекте выражены не какие-либо фракционные мысли, специально нам принадлежащие, а те, которые составляют общее мнение всех демократии.

Я имею возможность сказать это потому, что этот проект одобрен интернационалистом Мартовым, соц.-рев. Гоцем и Авксентьевым, представителями городской группы Рудневым и Шрейдером, представителем кооперативной группы Беркенгеймом и представителем земской группы Душечкиным. Проект этот вырабатывался совместно. Поэтому я полагаю, что если у присутствующих есть сознание их обязанности ответить на основной вопрос о том — стоит ли русская революция по-прежнему на той платформе мира, которую она выдвинула полгода тому назад, то, я думаю, что не может быть и речи о возложении этого на будущий Совет⁹, ни о каких-либо прениях, ни о каком-либо единогласном голосовании.

Мое твердое убеждение заключается в том, что в русской демократии не может быть такого человека, для которого этого рода воззвание было бы неприемлемым. (Голоса со скамей большевиков: есть. Продолжит. рукоплескания)¹⁰.

Заявление С.А.ЛОЗОВСКОГО¹¹

От имени большинства профессиональн. союзов, представленных на Демократическом совещании, выступает Лозовский.

Предложение Лозовского сводится к следующему: проект, внесенный тов. Даном на данном собрании, отвергнуть и предложить ему внести его в Демократический совет. Лозовский заявляет, что партия большевиков протестует против того метода, при помощи которого было внесено на рассмотрение данного собрания предложение тов. Дана.

С заявлением аналогичного характера выступает еще один представитель большевиков — Ульянов.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА

Вслед за этим тов. Войтинский от имени президиума просит прекратить дебаты по этому вопросу и принять предложение президиума, заключающееся в следующем: текст оглашенного воззвания будет внесен от имени президиума в Всерос. Демократич. совет, который и примет то или иное решение.

Предложение В.П.НОГИНА¹²

Трибуну занимает Ногин.

Товарищи, нельзя кончить Демократическое совещание этим позорным актом, — начинает он.

Эти слова вызывают необычайный шум со стороны большей части собрания. Слов Ногина среди этого протестующего шума почти нельзя расслышать.

Сущность его предложения сводится к требованию устроить перерыв для обсуждения предложения тов. Дана.

Выступление Л.М.ХИНЧУКА¹³

После Ногина от имени фракции меньшевиков говорит тов. Хинчук.

Товарищи, лично я и наша фракция стоим за принятие предложения президиума, но тем не менее, товарищи, в интересах того, чтоб вы едино отнеслись к прочтенному нам заявлению — я предлагаю, товарищи, голосовать за перерыв, так как полагаю, что за это время мы сумеем быть может столкнуться, чтобы выступить единодушно.

Предложение Хинчука ставится на голосование и принимается собранием.

Председатель объявляет получасовой перерыв.

ЗАЯВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ

После перерыва выступает Рязанов¹⁴ со следующим заявлением:

«Мы, фракция Рос. с.-д.р. партии большевиков на Демократическом совещании в полном согласии с Центральным комитетом нашей партии заявляем.

Работы президиума 21-го сентября с участием представителей партий имели своей официальной заявленной целью: изъятие источника власти из рук безответственных лиц и передачу этого источника в руки организованной демократии. Ответственные руководители Совещания внесли однако на общее собрание резолюцию с дополнением, смысл которого состоит в том, что Демократическое совещание ставит свои решения в зависимость от безответственных лиц и через них от буржуазии. Внесенная в резолюцию ее автором Церетели формулировка о «содействии в создании власти» и дополнение о «санкционировании» Предпарламента имели то крупнейшее значение, что обнаружили вполне смысл и содержание той закулисной соглашательской работы, отражением которой явились указанные части резолюции. После решительного протеста части собрания поправки были взяты обратно. Но нашедшая свое выражение в этих поправках капитуляция части Совещания на деле проводится его официаль-

ными вождями. Эти поправки, явившиеся плодом закулисной сделки и в корне противоречившие тем общим положениям, которые обсуждались и голосовались в президиуме, были попыткой найти выход из положения, путем вынуждения у демократии окончательного отречения от права на власть.

Наряду с этим, одним из ответственных организаторов Совещания, Церетели, было сделано заявление, представляющее дело так, будто наша партия принимала положительное участие в выработке того именно антидемократического решения, которое внес Церетели. Когда же мы с негодованием отвергли такое утверждение, тот же Церетели сделал попытку прикрыть выяснившуюся неправильность его утверждения недопустимой выходкой против нашей партии в лице ее представителей на совещании президиума¹⁵. Принимая во внимание, что председатель собрания немедленно же не пресек попытки Церетели, мы своим уходом показали массам, что в этой новой сделке за счет интересов народа, мы никакого участия не принимали, и всякие противоположные утверждения отмечаем с возмущением. В виде протеста против поведения Президиума мы отозвали из состава президиума наших представителей.

Что касается Предпарламента (или Демокр. совета), то мы констатируем: 1) что состав его подобран, как и состав Совещания, в ущерб интересам крестьян, солдат и рабочих; 2) что в связи с таким составом задачей организаторов и авторов Предпарламента является не создание демократической власти, а по-прежнему поиски соглашения с буржуазией, руководимой контрреволюционной партией к.-д. С еще большей силой отстаивая теперь, после опыта Демократического совещания, необходимость передачи всей власти Советам р., с. и кр. деп. в центре и на местах и призывая все Советы подготовить в кратчайший срок Всероссийский съезд, мы посылаем своих представителей в Предпарламент для того, чтобы и в этой новой крепости соглашательства развернуть знамя пролетариата, обличить всякие попытки коалиции с буржуазией и облегчить Советам создание истинно-революционной власти, способной обеспечить действительный и без дальнейших оттяжек созыв (неподготовленного) Учредительного собрания¹⁶.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЛЕВЫХ С.-Р.

Кафедру занимает представитель левых с.-р. Устинов¹⁷.

Группа Соповещания левых с.-р. поручила мне прочесть следующую декларацию, заявляет он:

«Левые соц.-рев., члены Демократического совещания, считают долгом констатировать следующее:

1) Демократическое совещание, искусственно подобранное по самым случайным признакам и критериям, по своему политическому составу не может претендовать на то, чтобы быть выразителем истинных мнений и интересов революционной демократии.

2) Выбранный этим Совещанием Предпарламент, вполне отражающий неправильное представительство на самом Совещании, где пролетариат, трудовое крестьянство и армия не получили даже в определенной степени соответствующего их роли и значению в стране и революции представительство, естественно не может претендовать на роль истинно-народного представительного органа. (Аплод.).

3) Если Предпарламент будет пополнен цензовыми элементами, политическое лицо его будет еще больше искажено. Исходя из этого, левые с.-р. считают долгом уже сейчас заявить, что, входя в Предпарламент, они главную свою задачу видят в возможности использовать его в целях борьбы за интересы трудящихся масс и революционного социализма, в целях борьбы за скорейший демократический мир»¹⁸.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА

После декларации левого крыла соц.-рев., оглашенной тов. Устиновым, председатель Минор¹⁹ заявляет что во время перерыва было устроено особое совещание, представителей всех фракций без исключения, которое в результате обсуждения документа, оглашенного тов. Даном, единогласно пришло к следующему положению:

«Всероссийское Демократическое совещание подтверждает твердую волю всей демократии России бороться за осуше-

ствление великого лозунга: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, провозглашенного Российской революцией в первые дни ее торжества и воззвании Петр. ср и д. к народам всего мира. Эта воля Всерос. Демократ. совещания должна быть выражена в манифесте к демократиям всего мира. Составление этого манифеста поручается президиуму нашего Совещания, дополненного представителями всех участвовавших в совещании фракций».

Тов. Минор от имени президиума предлагает собранию единогласно принять это предложение.

Большинством всех голосов против одного — плехановца²⁰, собрание принимает это предложение.

ЗАКРЫТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Пред тем, как закрыть последнее заседание Демократического совещания — председательствующий тов. Минор произнес следующие слова:

«Товарищи, я с величайшим удовольствием должен констатировать, что как бы ни были жутки иногда те моменты, которые приходилось переживать в эти тяжелые дни демократии, мы все-таки нашли в этот последний момент перед тем как закрыть Совещание — общий язык для всей демократии без различия направлений фракций и национальностей. Да здравствует международный мир».

Слова тов. Минора приветствуются бурными рукоплесканиями всего собрания.

Раздаются голоса: Да здравствует Интернационал. Да здравствует социальная революция. Да здравствует пролетариат.

При этих возгласах тов. Минор закрывает заседание Первого Всероссийского Демократического совещания.

Члены Совещания с пением Марсельезы и Интернационала покидают зал Александринского театра.

ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 2, 6-15.

- ¹ Речь идет о решении Демократического совещания создать Временный Совет Российской республики — будущий Предпарламент. Вначале он получил название «Демократический Совет», и его единственное заседание состоялось 23 сентября 1917 г. Инициатором затеи с Предпарламентом был И.Г.Церетели, предложивший избрать из состава Демократического совещания орган, представляющий «всю организованную демократию». Он считал, что этому органу следует поручить принятие практических мер по содействию демократии в организации власти на основе платформы от 14 августа 1917 г., оглашенной Н.С.Чхеидзе на Государственном совещании в Москве. (ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 10. Л. 2).
- ² Позднее В.С.Войтинский писал о налете безысходности, который витал над делегатами Демократического совещания, об охватывавшей всех присутствующих на этом собрании состоянии «нудной тоски» и скуки. (*Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. Benson, 1990. С. 265).
- ³ Оратор имеет в виду манифест Петроградского Совета от 14 марта 1917 г. «К народам всего мира», где говорилось о желательности прекращения войны и заключения мира на справедливых для всех стран условиях, без аннексий и контрибуций. Манифест был принят до приезда в Петроград Церетели и Дана.
- ⁴ Центральные монархии — правящие монархические режимы Германии и Австро-Венгрии, которые участвовали в Первой мировой войне против России и ее союзников — Англии и Франции.
- ⁵ Германией в то время правила кайзеровская династия Гогенцоллернов (Вильгельм II); Австро-Венгрией — династия Габсбургов (сначала Франц Иосиф, затем император Карл).
- ⁶ 1 сентября 1917 г. Временное правительство провозгласило страну Российской республикой, считая нужным «положить предел внешней неопределенности государственного строя», исходя также из факта признания республиканской идеи на Государственном совещании в августе 1917 г. (Известия ЦИК и Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 3 сентября).
- ⁷ В апреле 1917 г. исполком Петроградского Совета выступил с инициативой созыва широкой международной социалистической конференции в Стокгольме по вопросам борьбы за достижение справедливого демократического мира. Особую заинтересованность в проведении конференции проявляло социал-шовинистическое большинство с.-д. партии Германии. Инициативы российских соглашателей миротворческого характера успеха не имели. Конференцию собрать не удалось.
- В Стокгольме с лета 1917 г. находилось заграничное представительство ВЦИК Советов, занимавшееся и вопросами подготовки социалистической мирной конференции.
- ⁸ Н.А.Скрыпник (1872-1933). Большевистский деятель. В данный момент был главой ЦС фабзавкомов Петрограда. В своем боль-

шинстве фабзавкомы следовали линии большевиков. В 1933 г. стал жертвой необоснованных обвинений. Покончил самоубийством.

⁹ Ф.И.Дан подразумевает здесь Совет Республики (Предпарламент).

¹⁰ Позднее Ф.И.Дан называл Совет Республики «ублюдочным, компромиссным учреждением» возникшим из «неудачного» Демократического совещания. Дан признал, что созыв Демократического совещания его инициаторы вначале увязывали с осознанием «необходимости образования однородного демократического правительства», которое должно было придти на смену коалиционному правительству с участием буржуазных представителей. Но из этого намерения ничего не получилось. А официальным представителям ВЦИК Советов пришлось уже «с самого начала отказаться от проведения на Совещании линии безусловного разрыва коалиции и создания чисто демократической власти». Вместо этого лидеры ВЦИК согласились лишь отстаивать платформу, предусматривавшую участие в правительстве всех тех групп, которые согласятся проводить данную платформу в жизнь.

Дан констатирует, что Демократическое совещание по сути оказалось беспредметным, превратившись в арену ненужной и вредной перепалки с большевиками, ослабив позиции демократии (соглашателей). (Октябрьская революция. Мемуары. М.-Л., 1926. С. 115, 116, 118).

¹¹ С.А.Лозовский (Дридзо) (1878-1952). Большевистский деятель. В это время — один из руководителей Петроградского Совета профсоюзов. В дальнейшем занимал ответственные советские посты. Репрессирован.

¹² В.П.Ногин (1878-1924). Видный деятель партии большевиков. В это время — председатель Московского Совета, член ВЦИК Советов. Входил в состав первого Совнаркома. Был сторонником создания однородносоциалистического правительства на многопартийной основе.

¹³ Л.М.Хинчук (1868-1944). Деятель меньшевизма. Член ВЦИК Советов. Председатель Московского Совета до начала сентября 1917 г. Впоследствии большевик. Председатель Центросоюза. Репрессирован.

¹⁴ Д.Б.Рязанов (Гольдендах) (1870-1938). Российский социал-демократический деятель, крупный специалист по теории и истории марксизма. С июля 1917 г. — большевик. Находился в руководстве Петроградского Совета профсоюзов и российского профсоюзного движения. В советское время был директором Института Маркса-Энгельса. Репрессирован.

¹⁵ В чем суть данного вопроса, установить не удалось. 20 сентября состоялось совещание президиума Демократического совещания с представителями партийных фракций. В выступлении Церетели говорилось о взаимных уступках и создании честной коалиции внутри самой демократии. Он призывал снять вопрос о характере власти, представив решение этой проблемы создаваемо-

му Совещанием представительному органу. (ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 7).

- 16 Большевики бойкотировали Предпарламент. В первый день его работы, 7 октября, большевики ушли с заседания после заявления, сделанного Л.Д.Троцким.

Зиновьев и Каменев выступали за участие в Предпарламенте, но остались в меньшинстве.

- 17 А.М.Устинов (1879-1937). Левый эсер. В прошлом богатейший помещик, раздавший землю крестьянам и ставший революционером. До 21 ноября 1917 г. был членом ВЦИК Советов р. и с.д., избранного II Всероссийским съездом Советов. Позже член РКП(б).

- 18 Левые эсеры вошли в Предпарламент в составе единой эсеровской фракции из 63 чел., где преобладали правые эсеры. (ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 20. Л. 27, 28).

- 19 О.С.Минор — правый эсер. Председатель Московской городской Думы в 1917 г.

- 20 «Плехановец» — представитель с.-д. группы «Единство», приглашенной на Демократическое совещание. В партию меньшевиков не входила.

СОЗДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Публикуемый текст о создании и начале деятельности Военно-революционного комитета при Петроградском Совете в октябре 1917 г. принадлежит перу историка 20-х — начала 30-х гг. А.К.Дрезена. Свое авторство он удостоверял собственной фамилией и припиской в левом верхнем углу рукописи с указанием о том, что написанное — «единственный осколок большого начинания».

Работа посвящена некоему «Василию Николаевичу». Возможно, что это был видный большевик и участник революций 1917 г. В.Н.Каюров, оставивший воспоминания о событиях того времени.

Рукопись, судя по порядковому номеру (номер V), являлась частью задуманной А.К.Дрезеном работы о 1917 г. (его перу принадлежал ряд опубликованных книг и статей по истории русской армии в 1905-1907 гг.).

Данный текст излагает историю Петроградского ВРК строго документально, почти фотографично. Текст базируется на информационных материалах «Известий ЦИК Советов р. и с.д.» и строго конкретно, без эмоций передает острые драматические перипетии создания боевого повстанческого большевистского центра, его конфронтацию с Временным правительством, которая привела в результате к победе Октябрьской революции, к установлению власти большевиков.

Ход событий доведен А.К.Дрезеном только до 23 октября. Кульминация событий, приходящаяся на 24 и 25 октября 1917 г., в статье не отражена, но это не умаляет достоинств статьи, как бы подводящей читателя к завершающему моменту борьбы «за власть Советов» в трактовке большевиков. Текст очерка датирован 26 ноября 1920 г., когда события 1917 г. можно еще было изображать относительно объективно. Не исключено, что завершение труда пришлось на более поздние годы, когда публикация такого рода стала невозможна. Содержащиеся в тексте неточности и описки не оговариваются, сокращенные слова даются в квадратных скобках. Неясности в содержании, встречающиеся фамилии политических деятелей, прокомментированы в примечаниях. Значительная часть приведенных материалов вошла в сборник «Петроградский военно-революционный комитет». (М., 1966, 1967).

V. СОЗДАНИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДО 20 ОКТЯБРЯ

Образование ВРК собрание Петроградского с.р. и с.д. — 17 октября. Революция Армий Северного фронта. Собрание полковых Комитетов. В.Бюро ЦИК. 21 октября. Собрание полковых комитетов 23 октября. Воззвания В.Р. Комитета. Конфликт с.р. и с.д. с Штабом Округа. Во Временном Правительстве. Собрание с.р. и с.д. — 23 октября. В Военно-Революционном Комитете. Цензура Известий ЦИК.

Ярким контрастом Февральской революции, начавшейся хаотично, без всякого руководства и плана — является восстание Октябрьское, где все заранее было предусмотрено и по возможности подготовлено.

Исполнительным органом назревших событий — был назначен особый Военно-Революционный Комитет при Петроградском с.р. и с.д., создание которого в первое время носило доволно безобидный характер.

ОБРАЗОВАНИЕ ВРК

В ЦИК происходило закрытое заседание Исп. Ком. Петрогр. с.р. и с.д., посвященное вопросу об организации Военно-революционного комитета. После прений большинством всех против 2 [меньшевиков] было принято положение о Временном революционном комитете и гарнизонном совещании, сводящееся к тому, что комитет организуется при Петроградском Совете и является его органом. В состав его входят члены президиума и солдатской секции Совета, представители от Центрофлота, финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, Совета фабрично-заводских комитетов. Совета профессиональных союзов, представители партийных военных организаций, Союза социалистов народной армии, представители военного отдела Петроградского Совета

кр. депутатов, военного отдела ЦИК, рабочей милиции, а также лица, присутствие которых явится необходимым.

Ближайшими задачами Военно-революционного комитета согласно проекту являлись установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу; поддержание контакта с комиссаром при штабе главнокомандующего армий Северного фронта, Центробалтом, гарнизоном Финляндии и штабом главнокомандующего военным округом; точный учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и окрестностей и предметов снаряжения и продовольствия; разработка плана работ по обороне Петрограда; меры по охране Петрограда от погромов и дезертирства, поддержание в рабочих массах и солдатах Петрограда революционной дисциплины.

Военно-революционный комитет по роду работ должен [быть] разделен на отделы: 1) обороны, 2) снабжения, 3) связи, 4) информационное бюро, 5) рабочей милиции, 6) стол донесений и 7) комендатура.

Военный отдел в связи с организацией Временного революционного комитета должен был организовать гарнизонное совещание, в которое вошли бы члены агитационной, строевой и хозяйственной комиссии военного отдела Исполн. комитета, члены солдатской секции Совета от строевых и вспомогательных частей.

В гарнизонное совещание намечено было кооптировать по представлению местных частей, комитетов и профессиональных союзов лиц знакомых с боевой постановкой дела.

Ближайшей деятельностью гарнизонного совещания должна была явиться информация о состоянии гарнизона и учета всех средств, необходимых для поднятия боеспособности.

Представители меньшевиков в Исп. ком. потребовали занесения в протокол, что они голосовали против.

После заседания Исполкома данный вопрос 17 октября уже выносится на рассмотрение Петроградского Совета.

С докладом по вопросу о Военно-революционном комитете выступил Лазимир, который просил отложить обсуждение этого вопроса до следующего заседания.

Огурцовский заявил, что фракция с.р. не будет принимать участия в обсуждении этого вопроса.

От имени меньшевиков слово берет Бройдо, который заявил, что обсуждаемый вопрос связан с вопросом об обороне Петрограда.

— Товарищи, говорит оратор, мы переживаем чрезвычайно серьезный момент, — опасность грозит Петрограду не только со стороны немцев, но в Петрограде в настоящее время ведется чрезвычайно опасная агитация, зовущая массы на улицу с лозунгом: — «вся власть Советам».

При такой обстановке дела, революционный комитет может превратиться в нечто другое, в нечто грозное и опасное.

Партия большевиков до сих пор не дала прямого ответа на вопрос, предложенный т. Даном: примут ли участие большевики в выступлениях и считают ли он эти выступления полезными, зовут ли они массы на улицу для захвата власти.

Это выступление по нашему глубокому убеждению будет похоронами революции.

Проектируемый здесь революционный комитет — есть не что иное, как организация революционного штаба для захвата власти.

Мы против этого и мы туда не пойдем. Мы имеем сообщение со многих мест о том, что массы не сочувствуют этому выступлению. Даже Центрофлот, считавшийся большевистским, высказался против выступлений.

Я обращаюсь ко всем, кто способен серьезно задуматься над трагичностью данного момента, с просьбой голосовать за резолюцию меньшевиков, в которой говорится:

Петроградский ср и сд, предостерегая всех товарищей рабочих и солдат от гибельных для революции авантур, высказывается против учреждения Военно-революционного комитета.

Вместе с тем в виду образования при ЦИК для содействия обороне Северного фронта Временного Военного Комитета, в

---

* Речь идет о заседании Петроградского Совета 16 октября 1917 г.

который привлекаются представители действующих на этом фронте армий и в целях объединения общих усилий по обороне Петрограда, пср и с.Деп., считая нежелательным образование двух параллельных центров, постановляет делегировать в означенный комитет соответствующее свое представительство.

После Бройдо слово берет Троцкий.

Отвечая на вопросы Бройдо, — готовят ли большевики вооруженное выступление, — Троцкий спрашивает, — от чьего имени задает вопрос т. Бройдо, от имени ли Керенского, контрразведки, охраны или др. учреждений.

В заключение Троцкий настаивает на необходимости взять власть из рук безответственных руководителей страны путем единодушной демонстрации сил демократии, и призывает высказаться против вывода войск из Петрограда.

Бобыль, от имени делегации фракции с.р. и меньшевиков-интернационалистов, отправляющейся на Северный фронт, сделал следующее заявление:

1) Свое участие в общей делегации, упомянутая группа понимает как участие для чисто информационных целей.

2) При обсуждении вопросов, выходящих за пределы информации, упомянутые члены делегации оставляют за собою свободу суждения, всякий раз, разумеется, устанавливая точку зрения большинства Совета по тому или иному вопросу.

Товарищ Бобыль заявил, что это заявление принято представителями полков петроградского гарнизона, входящими в состав делегации.

После этого выступил делегат Ташкентского Сов. раб. и солд. деп. на Всероссийский Съезд Советов, а за ним целый ряд ораторов — представителей с фронта, которые все требовали немедленного мира и передачи власти в руки Советов.

Один из ораторов заявил, что если эти требования не будут исполнены, то солдаты уйдут с фронта и штыками заставят исполнить правительство предъявленные к нему требования.

Троцкий, отвечая в своей речи представителям фронта, отметил, что вся армия охвачена единством настроения, говорит одним языком, требуя немедленного мира.

— Это вполне совпадает с нашим настроением и с нашими действиями. Неправда, когда нам говорят о том, что мы изолируем пролетариат, — мы видим наглядно на примере, что миллионы наших окопных братьев вполне разделяют наши требования.

И мы будем вместе жить, бороться и умирать, если понадобится, за проведение этих требований в жизнь.

После заключительного слова докладчика — Лазимира, — председатель объявляет, что у него имеются 3 резолюции: 1) проект Военно-революционного комитета, предложенный от имени Петр. исп. комитета; 2) Резолюция меньшевиков, оглашенная Бройдо и 3) Декларация меньшевиков-интернационалистов, оглашенная Астровым.

Подавляющим большинством голосом принимается проект докладчика — Лазимира и собрание переходит к следующему пункту дня.

Через три дня Военно-Революционный Комитет при Петроградском Сов. р и сд. окончательно сформировался и начал свою деятельность 20 октября².

Сепаратизм в деле обороны Петрограда, который намечался созданием Воен. рев. ком. при Петроградском ср и сд — особенно ощутительно затронул фронтовые организации Северного фронта, от имени которых последовало следующее обращение:

ОБРАЩЕНИЕ АРМИЙ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

Совещание представителей армейских и фронтовой организаций Сев. фронта признало: 1) 17 октября в 12 часов дня в Пскове назначается заседание боевых советов всех армий Северного фронта, созываемое главнокомандующим Сев. фронта для обсуждения вопросов, связанных с защитой фронта и Петрограда. На этом совещании должны присутствовать также представители всех полков Петроградского гарнизона согласно посланного им приглашения главкомом. Сев. фр. 2) Защита Петрограда неразрывно связана с защитой всего фронта и потому невозможно представителям Петрог. гарнизона обсуждать и решать вопросы обороны Петрограда отдельно от представителей действующих армий. Только общее совещание во Пскове может определить задачи петроградских полков в деле защиты страны. 3) Поэтому всякие постановления Петроградского Сов. деп. или гарнизона, вынесенные теперь же сепаратным путем, в частности о невыводе войск из столицы, армия будет рассматривать, как надлежит. Армия призывает встать на путь действительной защиты страны, разделить с армией все тяготы и все

опасности в борьбе с внешним врагом. Совещание представителей армейских и фронтовой организаций Северного фр. ожидает от Петроградского Совета решений соответствующих нынешнему трагическому положению страны и армии³.

Собственно успех того или другого намечавшегося выступления целиком или почти целиком зависел от петроградского гарнизона. На чью сторону он станет в решительный момент — этот вопрос требовал выяснения. Для благоприятного же ответа на данный вопрос требовалась вдобавок некоторая подготовка почвы.

И вот — накануне предполагаемого Крестного хода — 21 октября:

СОБРАНИЕ ПОЛКОВЫХ КОМИТЕТОВ ПЕТРОГР. ГАРНИЗОНА

21 октября в Смольном Институте состоялось экстренное общее собрание полковых комитетов петроградского гарнизона, созданное по инициативе Петроградского ср и сд.

В порядке дня были вопросы: доклад Исполнительного комитета, доклады с мест, и вопрос о связи.

Докладчиком от Исп. комитета выступил Л.Троцкий, произнесший большую речь о текущем моменте, в которой уделил особенное внимание вновь образованному петроградскому Военно-революционному комитету и вопросу о передаче власти в руки ср и солд. деп.

Между прочим, в своем докладе Л.Троцкий коснулся «Дня Петроградского Совета» и предстоящего в тот же день крестного хода, организуемого казаками. Докладчик призывал к спокойствию во избежание могущих возникнуть на этой почве тяжелых и нежелательных последствий.

После доклада Л.Троцкого выступил целый ряд ораторов, говоривших о необходимости немедленного перехода власти в руки Советов и чрезвычайно возбудившие аудиторию.

Представитель 4-го Донского казачьего полка сообщил собранию, что несмотря на настойчивую агитацию полкового священника, полковой комитет высказался против участия в крестном ходе и командиром полка в связи с этим был отдан

приказ, чтобы 4-й Донской казачий полк не принимал участие в назначаемом на сегодня крестном ходе.

Представитель 14-го Донского казачьего полка Дьяконов заявил, что его полк не только не поддержит контрреволюционных замыслов, откуда бы они не исходили, но всячески и всеми своими силами будет бороться против контрреволюции.

Отметив далее, что предстоящий Крестный ход имеет чисто религиозное значение, оратор сказал:

— Я никогда не буду смешивать политику с чистой молитвой.

— Но меня смущает, что накануне нашей молитвы Петроградский Совет выпустил воззвание, которое начинается словами: «Братья казаки». Смущает меня потому, что еще недавно по нашему адресу раздавались совершенно другие слова. Цитируя воззвание в том месте, где говорится о необходимости заключить мир, Дьяконов говорит, что казаки присоединяются к этому, но только в том случае, если они будут уверены, что немецкие солдаты откликнутся на этот призыв, но никогда казаки не станут просить мира на коленях.

Член ЦИК Буткевич говорит о том, что и речь тов. Троцкого и речь тов. Дьяконова произвели на него удручающее впечатление.

— Я взял слово, чтоб сказать, что сейчас еще история не дает нам возможность взять власть в свои руки. С одной стороны Учредительное Собрание, с другой стороны угроза немцев Петрограду. Все это лишает нас возможности взять власть в руки Советов именно теперь.

Затем выступил представитель фронта — Краснопольский, который заявил, что на фронте надоела эта бесцельная борьба, которая ведется здесь, между Лениным и Черновым, Троцким и Керенским и пр. От этой борьбы на фронте чубы летят, и фронт скоро откажется от этого удовольствия. Оратор заявил, что если не будет достигнут мир, которого ждут все солдаты на фронте, то явится какой-нибудь неизвестный человек, который сумеет дать народу желанный мир, что совершенно оторвет массы от революционных организаций.

Лашевич обвинял оборонцев в том, что они создали правительство, провоцирующее гражданскую войну.

Отстаивая переход власти в руки Советов, оратор говорил, что если будет установлено Советское правительство, то оно скажет, объявит всем народам, что желает заключить честный

демократический мир. И если народы воюющих с нами держав не откликнутся на этот призыв и скажут, что они хотят раздавить Россию, тогда на это будет революционная война и большевики будут в первых рядах воюющих.

Говоря о Крестном ходе казаков, Лашевич высказался, что, по его мнению, за ним скрывается политический шаг, политическая авантюра.

Затем вторично выступил Троцкий с разъяснениями по поводу воззвания к казакам и огласил 3 резолюции, которые и были приняты подавляющим большинством собрания при небольшой группе воздержавшихся, несколько представителей которой заявили о том, что они в голосовании участвовать не будут.

На собрании оказались принятыми следующие резолюции:

1. — Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Сов.р и сд, гарнизон Петрограда обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

2. — Петроградский гарнизон заявляет: день 22 октября есть день мирного смотра сил петроградских солдат и рабочих и сбора средств на революционную печать. Гарнизон обращается к казакам: Остерегайтесь провокации наших общих врагов, мы — ваши братья, боремся за мир и свободу. Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья казаки.

Вместе с тем, петроградский гарнизон заявляет: На страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с революционным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор.

3. По вопросу о съезде принята резолюция, в которой, по присоединении ко всем политическим решениям Петроградского ср и сд, заявляется, — время слов прошло. Страна на краю гибели. Армия требует мира, крестьяне требуют земли, рабочие требуют работы и хлеба. Коалиционная власть против народа. Она орудие в руках врагов народа. Всероссийский Съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб.

После принятия этих решений, Л.Троцкий разъяснил: резолюцию о Дне Петроградского Совета, где говорится о мирном смотре сил петроградских солдат и рабочих, надо рассматривать не с точки зрения призыва к демонстрации своих боевых сил, а как подсчет своих сил⁴.

Военно-революционный комитет, только что сформировавшись, чувствуя под собой достаточно прочную почву — наметил ряд первоочередных мероприятий.

В том числе было решено установить контроль над действиями штаба Округа в целях участия в распоряжении местными военными силами.

В БЮРО ЦИК (Советов р. и с.д.)

В Бюро Центр. исполнит. комитета, 21 октября был сделан доклад о комиссариате при главнокомандующем петроградским военным округом. Была принята резолюция, в которой указывалось, что наличие комиссариата из членов Центр. комитета при Петроградском военном округе должно вполне обеспечивать Центр. комитету достаточное наблюдение за всеми военными учреждениями округа и поэтому назначение особых комиссаров от Петроградского Совета в части петроградского гарнизона не только излишне, но и вредно. В резолюции также отмечается, что комиссары Петроградского Совета и Военно-революционного комитета не имеют никакого права задерживать или изменять какие-либо распоряжения военных властей, и в случае таких действий будут привлекаться к ответственности⁵.

Но повторенное 23 октября собрание полковых комитетов еще раз подчеркнуло различную от ЦИК точку зрения Петроградского гарнизона.

СОБРАНИЕ ПОЛКОВЫХ КОМИТЕТОВ 23-го ОКТЯБРЯ

Представители всех крупных частей заявили, что гарнизон стоит на точке зрения Петроградского Совета и будет исполнять только приказы Военно-революционного комитета и что по

первому зову Всероссийского Съезда Советов р и сд, воинские части с оружием в руках готовы оказать полную поддержку для проведения постановлений Съезда в жизнь.

Представители 1, 4 и 14-го Донских казачьих полков отсутствовали⁶.

В тот же день на улицах Петрограда появились следующие 2 прокламации:

К Петроградскому гарнизону

На собрании 21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-революционного комитета Петроградского Совета р. и с.д., как своего руководящего органа. Несмотря на это штаб петроградского военного округа в ночь на 22 октября не признал Военно-революционного комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции Совета. Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом р. и с.д. Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционной силы, Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

Солдаты Петрограда. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Революционным комитетом, недействительны.

Все распоряжения на сегодняшний день — День Петроградского Совета р. и с.д. — остаются в полной своей силе. Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина. Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон. 23 октября.

Военно-революционный комитет рабочим, солдатам и гражданам Петрограда

В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на

эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам, есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета в близлежащую воинскую часть.

23 октября.

Военно-революционный комитет⁷

КОНФЛИКТ ПЕТРОГРАДСКОГО СР И СД С ШТАБОМ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

На почве всех этих мероприятий и попыток вмешательства в действия военных властей возник острый конфликт между Петроградским Советом р и сд и штабом Петроградского военного округа.

При штабе Петроградского военного округа существовало Особое совещание членов военного отдела ЦИК и солдатской секции Петроградского совета, Петроградский Совет выдвинул вопрос об образовании Военно-революционного комитета с правом контролирования и даже отмены нежелательных для Совета решений штаба Петроградского военного округа.

В ночь на 22 октября члены Военно-революционного комитета, явившись в штаб округа, потребовали допустить их к контролю распоряжений штаба с правом решающего голоса.

Главнокомандующий войсками полковник Половников на это требование ответил категорическим отказом.

Петроградским Советом было созвано в Смольном институте собрание из представителей полков, которое разослало во все части телефонограммы с заявлением, что штаб не признал Военно-революционного комитета и тем самым порывает с рево-

люционный гарнизон и с Петроградским Советом р и сд и становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Главкомандующим Округа было созвано отдельное совещание с участием представителей ЦК и Комиссара при штабе Округа⁸. На это же совещание были вызваны из Смольного института представители Петроградского гарнизона. В штаб Округа явилась делегация во главе с подпоручиком Дашкевичем⁹. Последний заявил, что он уполномочен гарнизонным собранием довести до сведения штаба Округа о том, что отныне все приказания, исходящие от штаба, должны быть контрассигнированы Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете. При этом подпоручик Дашкевич заявил, что говорить больше он не уполномочен. После этого делегация от гарнизонного собрания удалилась¹⁰.

В связи с конфликтом, в Петроград был экстренно вызван главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов¹¹. Последний приехал в Петроград и имел продолжительное совещание с министром-председателем, как о положении дел на фронте, так и о конфликте между штабом Петроградского Округа и Петроградским Советом.

Генерал Черемисов, не входя в оценку этого конфликта и не высказываясь по его существу, настаивал на том, чтобы были приняты меры для того, чтобы Петроградский гарнизон так или иначе был готов для встречи врага, готовящегося на Северном фронте к большой и широкой операции. Ссылаясь на постановление вверенных ему армий, генерал Черемисов говорил о необходимости замены полков, стоящих на фронте, полками Петроградского гарнизона. Генерал Черемисов сказал, что если Военно-революционный комитет будет настаивать на том, что эти полки не следует выводить, то он заявит от имени вверенных ему армий категорический протест¹².

А.Ф.Керенский имел беседы с некоторыми членами ЦИК, которые заявили ему, что в настоящем конфликте члены ЦИК безусловно на его стороне, но просят его воздерживаться пока от какой-либо активной борьбы, так как надеются этот конфликт разрешить мирным путем, при посредстве переговоров членов ЦИК с Петроградским Советом¹³.

Комиссары, состоящие при частях Петроградского гарнизона и избранные ВРК при Петроградском Совете р и сд, все

время контролировали телефонограммы, передаваемые из штаба Округа в части Петроградского гарнизона.

До 8-ми час. вечера 23-го октября все караулы неслись по распоряжению штаба Округа в полном порядке и никаких недоразумений на этой почве не было.

ГАРФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 33. Л. 1-9.

¹ Здесь почти дословно изложен отчет о заседании Исполкома Петроградского Совета 12 октября 1917 г. в «Известиях ЦИК Советов р. и с.д.» от 14 октября 1917 г. Речь здесь шла, по словам газеты, о *временном* революционном комитете и Петроградском гарнизонном Совецании. С докладом выступал левый эсер П.Е.Лазимир. По данным архивного протокола, о заседании 12 октября данный орган именно здесь получил наименование *Военно-революционный комитет* при Петроградском Совете. На этом заседании было избрано и бюро ВРК. Против образования ВРК выступили меньшевики-оборонцы С.Л.Вайнштейн и М.И.Бройдо, последний являлся членом президиума Петроградского Совета. (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 25, 42, 42 об.).

13 октября проект создания ВРК, изложенный тем же Лазимиром, был принят солдатской секцией Петроградского Совета.

² Изложение заседания Петроградского Совета дано по тексту «Известий» от 17 октября. Совет заседал накануне, 16 октября 1917 г.

По словам Л.Д.Троцкого, на заседании Совета 16 октября «он проводил... положение о ВРК». Поэтому он не смог присутствовать на расширенном заседании ЦК РСДРП(б), принявшем решение о вооруженном восстании (*Троцкий Л.* История русской революции. Октябрьская революция. Берлин, 1933. Т. II. С. 174-175).

Упомянутая эсером Г.Е.Бобылем фронтовая делегация Петроградского Совета прибыла 17 октября в штаб Северного фронта в Псков и встретила там с командующим фронтом генералом В.А.Черемисовым. Он настаивал на посылке подкреплений на фронт из состава Петроградского гарнизона, требовал более активных действий со стороны частей столичного округа по защите Петрограда от возможного германского прорыва. В ответ делегаты (их было не менее 50) настаивали на необходимости установления мира, чтобы солдаты-окопники могли вернуться домой. (*Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. Benson, 1990. С. 273).

Инициатива поездки воинской делегации из Петрограда на фронт исходила от командующего столичным округом полковника Г.П.Полковникова. В делегацию не входили меньшевики-оборонцы.

О начале деятельности Петроградского ВРК как органа Петроградского Совета в день 20 октября сообщается в «Известиях ЦИК» от 21 октября 1917 г. Эту дату подтвердил и большевик

В.А.Антонов-Овсеенко в докладе на пленуме Петроградского Совета 23 октября.

Бюро ВРК состояло из В.А.Антонова-Овсеенко, Н.И.Подвойского, А.Д.Садовского, П.Е.Лазимира, Г.Н.Сухарькова (3 большевика и 2 левых эсера).

- 3 Данное обращение не отражало действительных настроений фронтовых солдатских масс в этот момент. По свидетельству меньшевика В.С.Войтинского (комиссара при штабе Северного фронта), с конца сентября целые дивизии выносили резолюции о том, что они останутся на фронте только до 1 ноября; если не будет заключен мир, они разойдутся по домам. Армейские меньшевистско-эсеровские комитеты были бессильны помешать этому или что-либо сделать. Это относилось и к армейскому комитету XII армии Северного фронта. В V-й армии Северного фронта на армейском съезде был избран новый комитет с преобладанием большевиков, а старый комитет во главе с трудовиком (по сути кадетом) А.А.Виленкиным вышел в отставку (*Войтинский В.С.* Указ. соч. С. 268).

- 4 Канва событий о гарнизонном совещании полковых комитетов Петрограда 21 октября изложена по тексту «Известий ЦИК» от 22 октября 1917 г.

Упомянутый казачий Крестный ход был намечен, как и День Петроградского Совета, на 22 октября. Крестный ход был приурочен к 105-летию освобождения Москвы от французов. Казаки должны были выступить в конном строю и при оружии. Намечались в связи с этой датой также шествия и молебны. 20 октября Петроградский Совет обратился к казакам и предупредил их, что под видом крестного хода готовится явная провокация с целью кровопролития и покушения на свободу. Совет призвал казаков примкнуть «к общей семье трудового народа», для общей борьбы «за волю и счастье». (Рабочий и солдат. Орган Петроград. Совета р. и с.д. 1917. 20 октября).

В ночь на 22 октября Временное правительство распорядилось отменить казачий Крестный ход.

День Петроградского Совета вывел на улицы огромные массы людей, перед которыми выступали Троцкий и другие большевистские ораторы. «Весь Петроград, за вычетом верхних слоев, представлял сплошной митинг». (*Троцкий Л.* История русской революции. Т. II. С. 130).

Л.Н.Буткевич — эсер, член ВЦИК Советов.

М.М.Лашевич — работник Военной организации при ЦК РСДРП(б), член ВЦИК Советов.

В резолюции совещания полковых комитетов о съезде речь идет о назначенном ВЦИК Советов открытии II Всероссийского съезда Советов р. и с.д. 25 октября 1917 г., с созывом которого связывалось тогда решение вопроса о власти в пользу народных масс, через передачу ее Советам.

- 5 На заседании солдатской секции Петроградского Совета 20 октября член исполкома Совета один из руководителей солдатской секции и военного отдела Совета правый эсер Е.И.Огурцовский

заявил о своем решении уйти из совещания при штабе Петроградского округа, где были представители Совета. Одним из мотивов ухода было его несогласие с официальным утверждением ВРК как организации и признание деятельности комиссаров ВРК. Он считал, что совместная работа совещания при штабе округа и ВРК немыслима. (Известия ЦИК. 1917. 21 октября).

Это собрание солдатской секции приняло решение об организации с 21 октября постоянной связи между частями гарнизона. Для этого устанавливалось постоянное дежурство в Смольном членов полковых комитетов.

В это же время, в ночь с 21 на 22 октября, Военно-революционный комитет назначил в штаб Петроградского округа своих комиссаров большевиков А.Д.Садовского и К.А.Мехоношина, левого эсера П.Е.Лазимира. Прибыв в штаб округа, они сообщили, что приказы командующего Г.П.Полковникова имеют силу лишь после скрепления их подписью одного из них. Полковников отказался признать полномочия комиссаров. (*Троцкий Л.* Указ. соч. С. 125).

- 6 На гарнизонном совещании представителей полковых комитетов Петроградского округа 23 октября вначале было заслушано сообщение члена ЦК РСДРП(б) Л.Б.Каменева о результатах проведения Дня Петроградского Совета 22 октября 1917 г. Оратор говорил о сочувственном отношении рабочих столицы к мероприятиям большевиков в этот день, о полном единении между рабочими и солдатами, отмечалась также поддержка рабочими массами созыва II съезда Советов р. и с.д., намеченного на 25 октября.

Присутствовавшие на совещании представители воинских частей города рассказали, как прошел у них День Петроградского Совета. Они также заверили, что столичный гарнизон будет исполнять только приказы ВРК как органа непосредственно Петроградского Совета. Полковые делегаты заявили, что гарнизон собирается проигнорировать приказы штаба Петроградского Военного округа и готов по первому зову Всероссийского съезда Советов с оружием в руках поддержать проведение в жизнь постановлений этого съезда. (ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 20. Л. 60, 61).

- 7 Прокламацию-обращение ВРК к рабочим, солдатам и гражданам Петрограда от 23 октября напечатал 24 октября 1917 г. и большевистский центральный орган «Рабочий путь». В «Рабочем пути» публиковались также Бюллетени ВРК. В одном из них сообщалось об образовании ВРК общим собранием Петроградского Совета и начале его деятельности с 20 октября. Образование Петроградского ВРК мотивировалось тревожным политическим моментом и необходимостью принятия «надлежащих мер» по охране Петрограда от контрреволюционных выступлений и погромов. В тексте документа сообщается о составе ВРК; об установлении непрерывных дежурств его членов и тесных связей с районными Советами и воинскими частями гарнизона города и его окрестностей. (Рабочий путь. 1917. 24 октября).

В другом бюллетене ВРК говорится о разрыве штаба округа с Петроградским Советом, о чем стало известно в ночь с 21 на 22

октября. В тот же день, 22 октября, в части гарнизона и его окрестностей было отправлено обращение об исполнении боевых приказов только по распоряжению ВРК. (Там же).

- 8 Подразумевается ВЦИК Советов р. и с.д. первого состава (июнь-октябрь 1917 г.).

Комиссаром ВЦИК при штабе Петроградского округа был назначен правый эсер А.Д.Малевский, занимавший ранее пост председателя армейского комитета IV армии. Это решение Бюро ВЦИК приняло 19 октября. (ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д.198. Л. 16).

- 9 П.В.Дашкевич (1888-1942). Работник Военной организации при ЦК большевиков, член Петроградского ВРК, член ВЦИК первого состава.

- 10 Изложение событий дается по «Известиям». В архивном тексте, лежащем в основе газетного репортажа, сказано также, что до 8 часов вечера 23 октября воинские караулы подчинялись еще распоряжениям штаба округа, никаких недоразумений не возникало. На тот момент, по сведениям авторов информации, комиссары Петроградского Совета, направленные в войска, постоянно контролировали тексты телефонограмм, передаваемых из штаба округа в части столичного гарнизона. (ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 25. Л. 52-54).

- 11 С 19 октября 1917 г. решением Временного правительства Петроград и Кронштадт были подчинены командующему Северным фронтом генералу В.А.Черемисову. Эти районы были объявлены включенными в район военных действий.

- 12 По характеристике В.С.Войтинского, комиссара Северного фронта, генерал Черемисов вел себя как командующий пассивно, предпочитая «плыть по течению, подделываясь под солдатскую стихию, заигрывая с темной толпой». Он обвиняет Черемисова в полном забвении служебного долга. Войтинский свидетельствует, что Черемисов отказался исполнить полученный 23 октября приказ А.Ф.Керенского об отправке войск в Петроград на случай возникновения в городе беспорядков. Он тормозил отправку в столицу III конного корпуса генерала П.Н.Краснова, как и других частей. Черемисов полагал, что «не дело фронта вмешиваться в гражданскую войну», нужно ждать образования новой власти, если Временное правительство будет свергнуто. (Войтинский В.С. Указ. соч. С. 267, 278-279, 286).

- 13 На экстренном объединенном заседании ВЦИК и ИК скд в полночь с 24 на 25 октября исполнявший обязанности председателя ВЦИК меньшевик Ф.И.Дан, обращаясь к большевикам, говорил, что ВЦИК Советов «до последней минуты не перестанет напрягать всех усилий для того, чтобы удержать демократию от выступлений». Дан заявил, что хотя Петроградский совет дискредитирует и «оплевывает» ВЦИК, советский центр будет до последней возможности «соглашаться остановить кровопролитие». Оратор доказывал, что в сложившейся обстановке никакая власть — ни Керенского, ни Советов — не сможет справиться с управлением государства. В ответ Л.Д.Троцкий призывал, открывающийся II съезд Советов решить вопрос о революционной

власти и идти вместе со штабом революции. В повторном выступлении Ф.И.Дан предрекал поражение большевиков и провал демократии. В результате большевики покинули заседание. (Рабочая газета, 1917, 26 октября).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в сборнике документы и материалы свидетельствуют об обширности источниковой базы по истории революций 1917 г.

Выявление новых источников способствует углублению и расширению знаний о бурных событиях 1917 г. Несомненно, что новые материалы сборника помогут дальнейшему анализу хода июльских событий в Петрограде в 1917 г., расширению представлений о Демократическом совещании в сентября 1917 г. о деятельности Петроградского ВРК.

Поэтому авторы сборника считают, что дальнейший поиск новых источников по истории 1917 г. остается и сегодня актуальной задачей историков Февраля и Октября.

Данный сборник, открывая пласт новых материалов о 1917 г., является попыткой внести определенный вклад в решение этой непростой задачи.

